

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2021. № 4 (18)

**ФИЛОЛОГИЯ:
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ**

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2021

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2021. № 4 (18)

**PHILOLOGY: PROCEEDINGS
OF CONFERENCE**

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2021

2021. 4 (18). ФИЛОЛОГИЯ: МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – канд. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

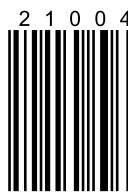
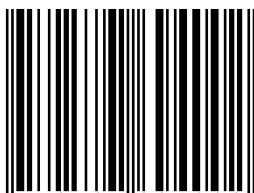
О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Автор коллажа на обложке – Зайцева Т. Б., заведующий лабораторией филологических интернет-стратегий НИИ ИАФ Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (г. Магнитогорск)

I S S N 2 5 8 7 - 6 9 4 5

9 772587 694002 >

2021. 4 (18). Philology: Proceedings of conference

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczi – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology) (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – PhD in Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the collage on the cover: T. Zaitseva, Head of the Laboratory of Internet Philological Strategies of the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Марголис Я. М., Двизова И. В. К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. ДАНТЕ И ПУШКИН: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 13

Марголис Я. М. ЯДРО ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII–XXI ВЕКОВ 38

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

Петров А. В. ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ЧУВСТВ: ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ КАК КАЗУС В СТИХАХ А. С. ЯКОВЛЕВА 60

РАЗДЕЛ III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ

Соколов А. С. МНИМАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЛОГИКО-АРГУМЕНТАТИВНЫХ И КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ. «РАЦИОНАЛИЗМ» И «ГУМАНИЗМ» (ЧАСТЬ 2) 75

**РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
«Видеопэзия как феномен современной поэтической,
читательской и зрительской культуры», проведенной
28 октября 2021 г. в рамках IV Международного
фестиваля видеопэзии «Видеостихия» (Магнитогорск,
МГТУ им. Г.И. Носова, центр визуальной культуры
«Век» МБУК «ОГБ» г. Магнитогорска)**

Зайцева Т. Б. ПРЕДМЕТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ВИДЕОПЭЗИИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ УРАЛА» НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ «ВИДЕОСТИХИЯ» 90

Петров А. В. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА
О ЛЮБВИ В ФОРМАТЕ ВИДЕОПОЭЗИИ: МЕДИАПРОДУКТ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ АРХЕТИПОВ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО 103

Рудакова С. В. ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
СЧАСТЬЯ В МАТЕРИАЛАХ ФЕСТИВАЛЯ «ВИДЕОСТИХИЯ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВИДЕОПОЭЗИИ 116

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы международной научно-
практической конференции "HUMAN+", проведенной
23 – 25 ноября 2021 г. (Магнитогорск,
МГТУ им. Г.И. Носова)**

Цуркан В. В., Предеина С. А., Колесникова О. Ю.
КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА 138

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы XIII межрегиональной
школы инноватики «Медийная культура личности:
технологии формирования и развития», проведенной
12 октября 2021 г.**

Зайцева Т. Б. МЕДИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ
ЭКСПЕРТНОСТИ 149

АВТОРАМ 163

CONTENTS

Part I. PHILOLOGY AND ITS FIELD OF RESEARCH, DEVELOPMENT PROSPECTS

Margolis Jakob M., Dvizova Irina V. ON THE 700TH
ANNIVERSARY OF DANTE ALIGHIERI'S DEATH. DANTE
AND PUSHKIN: COMPARATIVE ANALYSIS OF NOUNS
IN POETIC LANGUAGES 14

Margolis Jakob M. THE CORE OF SUBSTANTIVES USED
IN THE RUSSIAN POETIC LANGUAGE IN THE 18TH–21ST
CENTURIES 38

Part II. NATIONAL MODEL OF THE WORLD IN LITERATURE

Petrov Aleksey V. AN EPISODE FROM THE HISTORY
OF FEELINGS: SOMEONE ELSE'S HAPPINESS
AS AN INCIDENT IN THE POEMS OF A. S. YAKOVLEV 60

PART III. COMMUNICATION RESEARCH IN PHILOLOGY

Sokolov Andrey S. THE IMAGINARY INCONSISTENCY
BETWEEN THE LOGICAL-ARGUMENTATIVE
AND CULTURAL-ANTROPOLOGIC FOUNDATIONS
OF DISCURSIVE COMMUNICATION. «RATIONALISM»
AND «HUMANISM». (PART 2) 75

**Part IV. SCIENTIFIC LIFE. Proceedings of the All-
Russian theoretical and practical conference “Video Poetry
as a Phenomenon of Modern Poetic, Reader and Spectator
Culture,” held on Oct. 28, 2021 as a part of the 4th
international festival of video poetry “Videostikhiya”
(Magnitogorsk, NMSTU, visual culture center “Vek”
Magnitogorsk Municipal Budgetary Institution of Culture
“Association of City Libraries”)**

Zaitseva Tatiana B. THE SUBJECT-SEMANTIC SPACE OF THE VIDEO POETRY PRESENTED IN THE NOMINATION «POETRY OF THE URALS» AT THE INTERNATIONAL FESTIVAL «VIDEOSTIKHIYA» 90

Petrov Aleksey V. TWO POEMS BY A. S. PUSHKIN ABOUT LOVE IN THE FORMAT OF VIDEO POETRY: MEDIA PRODUCT AS THE EXPRESSION OF THE ARCHETYPES OF UNCONSCIOUSNESS 103

Proceedings of the international theoretical and practical conference “HUMAN+” held on Nov. 23–25, 2021 (Magnitogorsk, NMSTU)

Tsurkan V. V., Predeina S. A., O. Yu. Kolesnikova N. GUMILYOV'S LYRICS: THE CONCEPT OF "HAPPINESS" 138

Proceedings of the 13th interregional school of innovation “Media Culture of Personality: Technologies of Formation and Development,” held on Oct. 12, 2021

Zaitseva Tatiana B. MEDIA STRATEGIES OF EXPERTISE 149

TO AUTHORS 163

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ББК 81я21, 83.3

УДК 81'373, 82.0

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_14

Я. М. Марголис¹

*Трир университет, Штутгарт, Германия
Universität Trier, Universitätsring 15, D-54296 Trier
jakob_margolis@gmx.de*

И. В. Двизова²

*Университет Флоренции, Италия
Площадь С. Марко, 4 - 50121 Флоренция
irina.dvizova@unifi.it*

К 700-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. ДАНТЕ И ПУШКИН: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель исследования – сопоставительный анализ частотных списков имён существительных в поэтическом языке Пушкина и Данте. Представлены частотные списки имён существительных выдающихся русских поэтов разных эпох: Державина, Пушкина, Цветаевой, Бродского. Показано, что существует общее ядро лексем, постоянно находящихся на протяжении трёх веков русской поэзии в первых частотных рядах языка поэтов и прослежена эволюция ядра во времени. Выдвинута гипотеза о существовании общего ядра наиболее часто упоминаемых имён существительных в поэтическом языке выдающихся европейских поэтов: Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина.

Для проверки гипотезы на первом этапе были составлены и сопоставлены частотные списки имён существительных «Божественной комедии» Данте отдельно по каждой из трёх частей:

¹ Марголис Яков Моисеевич, математик, статистик, Dr.; литератор, автор шести книг, опубликованных на немецком, английском и русском языках, Штутгарт, Германия.

² Двизова Ирина Владимировна, профессор, лингвист, филолог, переводчик, преподаватель университета Флоренции, сотрудник Российского центра науки и культуры в Риме, Флоренция, Италия.

Ад, Чистилище, Рай и всей комедии. В ходе анализа эволюции имён существительных от Ада к Раю стало очевидным, что частота упоминания позитивных по смыслу лексем (бог, любовь, жизнь, добродетель и др.) возрастает от Ада к Раю, а употребление негативных лексем (смерть, страдание, страх, зло и др.) убывает. Предложен критерий классификации существительных в «Божественной комедии» Данте на позитивные, негативные, нейтральные, и на его основе проведена оценка неочевидных в семантическом плане лексем: земля, небо, тень, слово, голос и др.

Проведён сопоставительный анализ языка Данте с частотным списком имён существительных поэтического корпуса Пушкина. Найдено общее ядро имён существительных в поэтическом языке Пушкина и Данте. Предполагается продолжить исследование, сопоставляя языки Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании и универсальности общих и наиболее частых имён существительных в языках выдающихся европейских поэтов разных эпох и народов.

Ключевые слова: Пушкин и Данте, «Божественная комедия», поэтический язык, сопоставительный анализ, имена существительные, частотные списки, Шекспир, Гёте, Державин, Цветаева, Бродский, ядро поэтического языка, частота и ранг лексем, гипотеза о существовании общего ядра имён существительных выдающихся европейских поэтов

*Зорю быют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих –
Дух далече улетает.*

А. С. Пушкин. «Зорю быют... из рук моих...» (1829)

Введение и постановка задачи

В работах [9; 10; 11; 12] была исследована эволюция или перемещение частотных рангов имён существительных в поэтическом языке (ПЯ) выдающихся и наиболее плодотворных русских поэтов XVIII – XXI вв.: Г. Державина, А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского и современных российских поэтов XXI века. Было определено общее ядро имён существительных, которые

на протяжении трёх веков постоянно находятся в первых частотных рядах поэтического языка выдающихся русских поэтов.

Исходя из результата анализа русского поэтического языка, была выдвинута гипотеза о существовании лексического ядра и независимости входящих в него лексем не только от времени, но и от языка написания стихов. Другими словами, выдающиеся европейские поэты разных эпох и народов – Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин оперируют общими в поэтическом языке лексемами. Найти эти общие лексемы – наша задача.

На первом этапе для проверки гипотезы о существовании ядра поэтического языка была выбрана «Божественная комедия» Данте, *впервые* составлены частотные списки имён существительных отдельно по каждой из трёх частей: Ад, Чистилище, Рай и всей комедии в целом, а затем проведено сопоставление с частотным списком языка Пушкина. Найдено ядро – наиболее частые общие имена существительные в поэтическом языке Данте и Пушкина.

III. Бодлер писал о частоте употребления поэтами слов в стихах: «Чтобы понять *душу поэта* или, по крайней мере, его главную заботу, давайте искать в его произведениях, какое слово или *какие слова представлены там наиболее часто*» (Выделено нами – Я. М., И. Д.) [2].

1. Частотные списки имён существительных в поэтическом языке русских поэтов XVIII – XXI веков

В *таблице 1* представлены 20 наиболее употреблённых лексем в ПЯ Г.Державина (ГД), А.Пушкина (АП), М.Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и лексическая норма русских поэтов XXI века (РП-XXI).

Ранг	ГД лексемы частоты ПКРЯ	АП лексемы частоты ПКРЯ	МЦ лексемы частоты ПКРЯ	ИБ лексемы частоты Конкорданс	РП-XXI лексемы частоты Выборки
1	бог 357	друг 649	рука 683	жизнь 385	время 357
2	сердце 326	день 548	глаз 425	глаз 302	земля 263
3	душа 309	любовь 493	ночь 407	время 299	тело 233
4	царь 284	душа 490	день 364	день 261	свет 216
5	небо 276	сердце 440	душа 355	окно 254	солнце 195
6	свет 262	рука 414	сердце 342	человек 249	день 156
7	мир 237	бог 393	бог 321	рука 229	жизнь 141

8	слава 215	ночь 341	час 298	земля 228	мир 139
9	день 211	царь 328	дом 291	год 227	ветер 127
10	любовь 207	сон 326	грудь 275	ночь 219	смерть 122
11	рука 203	год 289	сон 271	слово 215	любовь 117
12	взор 187	пора 285	земля 250	лицо 214	глаз 116
13	человек 157	свет 280	друг 235	свет 206	ночь 109
14	жизнь 155	взор 273	любовь 231	душа 204	человек 108
15	друг 154	жизнь 271	кровь 227	любовь 198	вода 98
16	солнце 134	конь 246	мир 227	небо 193	сердце 95
17	вода 131	слава 241	небо 224	мир 191	люди 89
18	смерть 116	небо 233	жизнь 193	снег 191	друг 84
19	лицо 111	поэт 224	голос 144	вещь 188	рука 83
20	земля 110	час 223	смерть 129	смерть 177	стих 63

Данные *таблицы 1* взяты из поэтического корпуса русского языка (ПКРЯ), конкорданса ИБ и выборки РП-XXI. Частотный список имён существительных в поэзии А. Пушкина базируется на «трёх китах»:

1. Словарь языка Пушкина (СЯП), опубликованный в 1961 году под ред. акад. В. В. Виноградова, и составленный на основе СЯП и по его карточкам Частотный словарь языка Пушкина [17; 18].

2. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина, Дж. Т. Шоу, 1985 [19; 29].

3. Новая версия поэтического корпуса русского языка (ПКРЯ).

Частотные списки по творчеству Г. Державина и М. Цветаевой составлены на основе поэтического корпуса русского языка [14], по поэзии И. Бродского взяты из Конкорданса к его стихам [28] (т. к. в ПКРЯ было задублировано около трети стихов поэта),

по произведениям 14 российских поэтов XXI века частотные списки составлены из репрезентативных выборок их стихов. Четырнадцать ведущих российских молодых поэтов начала XXI века были отобраны четырьмя независимыми жюри [9].

Частотные списки важны для использования более точных методов в филологии [3], так как по ним можно проследить *эволюцию наиболее частых имён существительных* [2] по разным эпохам русской поэзии.

Например, лексема «душа» у Г. Державина на третьем месте (ранг 3), у А. Пушкина на четвёртом месте (ранг 4), у М. Цветаевой на пятом (ранг 5), у И. Бродского на четырнадцатом (ранг 14), а у поэтов XXI века она не входит в двадцатку наиболее часто употребляемых лексем. Лексема «душа» со временем исчезает из языка выдающихся поэтов.

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.

А. С. Пушкин. «О нет, мне жизнь не надоела...» (1830-1836)

Отметим, что у Г. Державина лексема «**смерть**» имеет ранг 18 и упоминается в его ПЯ (93426 слов) 116 раз, что в относительных частотах на 10 тысяч слов составляет $ОЧ_{10T}=116/(93426/10000)=12,42$.

У А. Пушкина лексема «**смерть**» упоминается 114 раз, что в относительных частотах на 10 тысяч слов равно 5,82 и она не входит в число 20 наиболее употребляемых существительных. У М. Цветаевой в абсолютных частотах – 133 раза ($ОЧ_{10T} = 7,87$), у И. Бродского – 177 раз ($ОЧ_{10T} = 9,03$), а у молодых современных поэтов 122 раза ($ОЧ_{10T} = 4,06$).

Таким образом, по табл. 1 можно проследить как меняются ранги и относительные частоты наиболее важных существительных в творчестве поэтов («бог», «сердце», «душа», «свет», «день», «любовь», «рука», «жизнь», «земля», «время», «смерть»): какие лексемы убывают, какие лексемы возрастают, а какие лексемы остаются **постоянно** в первых рядах употребления на протяжении нескольких эпох русской поэзии и составляют **ядро** поэтического языка.

2. Ядро существительных языка русских поэтов XVIII–XXI веков и его эволюция во времени

По *таблице 1* можно определить «ядро» имён существительных языка русских поэтов XVIII–XXI веков. Под ядром существительных будем понимать лексемы, которые **остаются** у выдающихся поэтов в списке двадцати наиболее часто употребляемых имён существительных на протяжении веков: от Г. Державина до наших дней.

В таблице 2 отражено изменение ядра поэтического языка ведущих русских поэтов XVIII–XXI веков: Г. Державина (ГД), А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ), российских поэтов XXI в. (РП)

Ядро (общие лексемы) в поэтическом языке поэтов XVIII – XXI веков.

№	ГД+АП	ГД+АП+МЦ	ГД+АП+МЦ+И Б	ГД+АП+МЦ+И Б+РП
	Бог	Бог	Душа	День
1	Сердце	Сердце	Небо	Любовь
3	Душа	Душа	День	Рука
4	Царь	Небо	Любовь	Жизнь
5	Небо	День	Рука	
6	Свет	Любовь	Жизнь	
7	Слово	Рука		
8	День	Жизнь		
9	Любовь	Друг		
10	Рука			
11	Взор			
12	Жизнь			
13	Друг			
	13 лекс.	9 общ. лекс.	6 общ. лекс.	4 общ. лекс.
%	65%	45%	30%	20%
Век	XVIII – XIX	XVIII – XX-1	XVIII – XX-2	XVIII – XXI

Таблица 2 показывает, как идёт процесс эволюции ядра ПЯ **во времени** и какие лексемы остаются в ядре поэтов XVIII–XXI веков.

У Г. Державина (ГД) и А. Пушкина (АП) из 20 наиболее частых лексем насчитывается 13 общих лексем (ГД+АП), что составляет 13/20 = 65%. Присоединяя к ним 20 частых лексем М. Цветаевой, находим 9 общих лексем, что составляет 45%. Присоединяя к ним 20 частотных лексем И. Бродского, находим 6 общих лексем, что составляет 30%. И, наконец, присоединяя к ним 20 частых лексем российских поэтов (РП) XXI века, находим 4 общих лексемы, используемые постоянно в поэтическом языке поэтов на протяжении XVIII–XXI веков.

3. Частотные списки употребления имён существительных в «Божественной комедии» (БК) Данте: Ад, Чистилище, Рай

В таблице 3 представлены 20 наиболее употреблённых лексем в БК, их ранги, частоты и количество словоупотреблений (КСУ).

Ранг	Ад лексемы частоты КСУ 34172	Чистилище лексемы частоты КСУ 34084	Рай лексемы частоты КСУ 33442	Вся БК лексемы частоты КСУ 101698	Вся БК лексемы оригинал частоты 101698
1	Глаз 67	Глаз 101	Глаз 94	Глаз 262	Occhio 262
2	Земля 55	Небо 59	Небо 84	Небо 168	Cielo 168
3	Душа 53	Солнце 57	Любовь 81	Волна 150	Onda 150
4	Мир 52	Люди 56	Свет 77	Любовь 149	Amore 149
5	Место 48	Душа 52	Бог 68	Душа 147	Anima 147
6	Люди 48	Волна 50	Мир 68	Мир 145	Mondo 145
7	Путь 39	Любовь 49	Волна 65	Бог 141	Dio 141
8	Слово 38	Тень 49	Разум 54	Земля 138	Terra 138
9	Нога 38	Земля 45	Вещь 48	Люди 125	Gente 125
10	Волна 35	Шаг 44	Солнце 47	Солнце 115	Sole 115
11	Лицо 31	Бог 43	Женщина 47	Разум 109	Mente 109
12	Бог 30	Путь 40	Душа 42	Слово 103	Parola 103
13	Время 29	Слово 38	Природа 40	Свет 102	Luce 102
14	Вода 26	Женщина 38	Вид 40	Лицо 101	Viso 101
15	Небо 25	Гора 36	Благодать	Женщина	Donna 95

			39	95	
16	Жизнь 23	Лицо 35	Земля 38	Путь 92	Via 92
17	Мука 23	Разум 33	Жизнь 35	Тень 91	Ombra 91
18	Голова 23	Вода 32	Лицо 35	Место 90	Loco 90
19	Разум 22	Час 32	Добродетель 31	Время 86	Tempo 86
20	Воздух 20	Время 30	Правда 31	Жизнь 84	Vita 84

Данные взяты из двух независимых конкордансов к «Божественной комедии» [21, 27]: по первому конкордансу составлялись частотные списки лексем, по второму конкордансу велась проверка. Составленные и сопоставленные частотные списки существительных трёх частей БК позволяют *проследить эволюцию лексем* у Данте по времени от «Ада» к «Чистилищу» и далее к «Раю», и найти связывающие их частотные закономерности.

4. Сито Данте, или отделение «зёрен от плевел»

«Божественная комедия» – это сито Данте, через которое великий флорентинец просеивал свои чувства, мысли, слова, отделяя «зёрна от плевел». Сопоставив частотные списки существительных, упомянутых Данте в «Аду», «Чистилище», «Рае», их эволюцию по времени и частоте, можно лучше понять *«душу поэта»*, как говорил Бодлер, «душу Данте».

Основная проблема при составлении частотных списков имён существительных заключается в сложности процесса *лемматизации*, так как необходимо учитывать смысл употребления поэтом словоформ в контексте стихов. В настоящее время не существует компьютерных программ, со 100% точностью проводящих процесс лемматизации. Одна из лучших программ *Sketch Engine* [30], проводящая анализ текстов на 90 языках, по данным разработчиков программы, даёт ошибку около 3%–5% в зависимости от сложности языка и текста. Для английского языка эта ошибка составляет около 3%, для итальянского – около 4%, для русского – около 5%. Поэтому частотные списки (ЧС) лексем для имён существительных БК могут уточняться и в табл. 4.1 представлена их первая версия БК-ЧС 1.0.

Приведём примеры отделения «зёрен от плевел» для словоформы „sol“, которая встречается во всей «Божественной комедии» 106 раз [21]. Из них 63 раза в значении «солнце» – это искомые «зёрна», а 43 раза в словоформах «только», «лишь» и других – это множество отделённых «плевел», они не входят в *таблицу 3*.

Пример 1:

tal mi fece la bestia senza pace,
che, venendomi 'ncontro, a poco a poco
mi ripigneва là dove 'l **sol** tace.

Dante, La Divina Commedia, Inferno, 1, 60 [22].

Так потерял я мир души; а Волк
Всё наступал и гнал меня всечасно
В ту сторону, где **солнца** луч умолк.

Данте, Божественная комедия, Ад, 1, 60 (пер. Дм. Мина)
[5].

Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неумной
Туда теснимый, где лучи молчат.

Данте, Божественная комедия, Ад, 1, 60 (пер. М. Лозинского)
[4].

Пример 2, когда та же словоформа „sol“, упоминаемая Данте в БК 106 раз, но из них 43 раза в других значениях, а не в смысле «солнце».

In questo fondo de la trista conca
discende mai alcun del primo grado,
che **sol** per pena ha la speranza cionca?.

Dante, La Divina Commedia, Inferno, 9, 18 [22].

На дно печальной раковины сей
Сходил ли кто до селе с той ступени,
Где безнадежность **лишь** казнит теней?

Данте, Божественная комедия, Ад, 9, 18 (пер. Дм. Мина) [5].

Туда, на дно печального жерла,
Спускаются ли с первой той ступени,
Где **лишь** надежда в душах умерла?

Данте, Божественная комедия, Ад, 9, 18 (пер. М. Лозинского)
[4].

Заметим, что из 63 раз упоминания словоформы „sol“ в смысле «солнце» 7 раз она упоминается в «Аду», 27 раз в «Чистилище» и 29 раз в «Раю», т.е. частотность этой словоформы возрастает от «Ада» к «Раю». Количество словоупотреблений в каждой части комедии 33–

34 тысячи приблизительно одинаково и составляет в сумме 101698 слов [21].

Словоформа „sole“ («солнце») упоминается Данте во всей комедии 52 раза. В таб. 4.1 получаем частотность лексемы «солнце»: „sol“ 63 раза + „sole“ 52 раза = 115 раз, и «зёрна» отделены от «плевел».

5. Сопоставление частотных списков имён существительных Пушкина (П) и Данте (Д), общее ядро лексем

Таблица 4

Ранг	Пушкин Лекс. частоты ПКРЯ 195572 слова	Данте Лекс. частоты «Бож. ком.» 101698 слов	Общее ядро лексем П + Д Сумма рангов	Общее ядро лексем П + Д Сумма рангов
1	друг 649	глаз 262	Любовь 3+4=7	Amore 7
2	день 548	небо 168	Душа 4+5=9	Anima 9
3	любовь 493	волна 150	Бог 7+7=14	Dio 14
4	душа 490	любовь 149	Небо 18+2=20	Cielo 20
5	сердце 440	душа 147	Свет 13+13=26	Luce 26
6	рука 414	мир 145	Жизнь 15+20=35	Vita 35
7	бог 393	бог 141		
8	ночь 341	земля 138		
9	царь 328	люди 125		
10	сон 326	солнце 115		
11	год 289	разум 109		
12	пора 285	слово 103		
13	свет 280	свет 102		
14	взор 273	лицо 101		
15	жизнь 271	женщина 95		
16	конь 246	путь 92		
17	слава 241	тьень 91		
18	небо 233	место 90		
19	поэт 224	время 86		
20	час 223	жизнь 84		

Общее ядро имён существительных Пушкина и Данте состоит из шести лексем и двух понятий: **метафизика** (лексемы – *бог, душа, жизнь, любовь*) и **природа** (лексемы – *небо и свет*). Общее ядро имён существительных выдающихся русских поэтов XVIII–XX веков также

состоит из шести лексем, но трёх понятий: **метафизика** (лексемы – *душа, любовь, жизнь*), **природа** (*небо, день*) и **телесность** (*рука*).

Ядро (Данте + Пушкин) и ядро выдающихся русских поэтов XVIII–XX веков имеют четыре общих лексемы: *душа, небо, любовь, жизнь*.

Две самых частых словоформы БК „occhi” – «глаза», «очи» и „cielo”, „ciel” – «небо», «небеса» встречаются в 111 строке 15-й песни Данте:

E lui vedea chinarsi, per la morte
che l'aggravava già, inver' la terra,
ma de li occhi facea sempre al ciel porte...

И юноша, над кем уж смерть летала,
К земле поник и устремлял врата
Очей своих в глубь **райского** портала.

Чистилище, 15, 111 (пер. Дм. Мина) [5].

А тот, давимый гибелью, чем дале,
Тем всё бессильней поникал к земле,
Но очи **к небу** двери отверзали...

Чистилище, 15, 111 (пер. М. Лозинского) [4].

6. Магический Дар Данте, или Археология новых чисел в «Божественной комедии»

Известно, что Данте придавал особое значение числам, очень чётко структурировал БК, она содержит цифровую символику и магию чисел. Комедия написана Данте трёхстишиями (терцинами), что должно означать символ Троицы: Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух.

В первой части комедии 9 кругов Ада, девять – это три в квадрате. Каждая часть комедии состоит из 33 песен, что соответствует 33 годам земной жизни Иисуса Христа (первая глава «Ада», состоящего из 34 песен, введение в комедию). Всего в комедии ровно 100 глав. Каждая из трёх частей комедии заканчивается словами „stelle” («звёзды»), что может символизировать взгляд, обращённый к небу (cielo+ciel) и к Богу (Dio): двум позитивным лексемам, возрастающим по частоте упоминания от «Ада» к «Раю».

Недавно на итальянском вышла книга «Цифры в Божественной комедии» немецкого итальяниста М. Хардта [23]. Появление новой книги говорит о том, что тема магии цифр в «Божественной комедии» далеко не исчерпана, и в текстах Данте, как в Библии, скрыто ещё много тайн. Все эти факты свидетельствуют о неслучайности в символике чисел БК и о серьёзном отношении Данте к магии цифр. Имеет смысл «копать глубже»: **«археология», «древнее слово» Данте и новые числа** могут открыть ещё много новых тайн.

Частотный анализ имён существительных от «Ада» к «Чистилищу» и «Раю» позволил найти интересные закономерности (числа в скобках показывают частоту лексемы соответственно в «Аде», «Чистилище», «Рае»): многие **позитивные** по смыслу лексемы **монотонно возрастают** по частоте упоминания от «Ада» к «Чистилищу» и к «Раю» – *Бог* (30, 43, 68), *небо* (25, 59, 84), *любовь* (19, 49, 81), *жизнь* (23, 26, 35), *добродетель* (10, 34, 46), *благодать* (4, 21, 39) и др. Многие негативные по смыслу лексемы – *смерть* (19, 13, 10), *страдание* (23, 13, 2), *страх* (18, 9, 3), *зло* (5, 2, 1) и др. – **монотонно убывают** по частоте упоминания от «Ада» к «Раю». Если **нет монотонности** в эволюции частот от «Ада» к «Раю», то лексему можно считать **нейтральной**.

Найденные закономерности в текстах Данте кажутся *очевидными*: в «Аде» мало позитива, и он растёт по мере продвижения к «Раю». В «Аде» много негатива, и он убывает по мере продвижения к «Раю». Эти закономерности можно было бы заранее предположить, и они хорошо подтверждаются во многих случаях результатами частотного анализа.

Из семи смертных грехов: гордыня (*orgoglio*), гнев (*rabbia*), зависть (*invidia*), жадность (*avidita*), лень (*pigrizia*), похоть (*lussuria*), обжорство (*gola*), последний грех – *обжорство* упоминается в БК чаще других – 13 раз. При этом в «Аде» *обжорство* упоминается 6 раз, в «Чистилище» 5 раз, а в «Рае» 2 раза, т. е. наиболее частый грех убывает от «Ада» к «Раю».

В тоже время у Данте в БК упомянуты три известные добродетели: вера (*fede* – 39 раз), надежда (*speranza* – 18 раз), любовь (*amore* – 149 раз). Последняя добродетель в виде лексемы **«любовь»** упоминается в БК намного чаще других. При этом, от «Ада» к «Чистилищу» и к «Раю» возрастают как словоформа *amore* (7, 20, 32), так и словоформа *amor* (12, 29, 49).

Абсолютная частота упоминания лексемы **«любовь»** у Данте в «Божественной комедии», состоящей из 101698 слов, 149 раз. Относительная частота упоминания лексемы **«любовь»** во всей БК на 10 тысяч слов текста $OЧ_{10T} = 149/(101698/10000) = 14,65$. Но в «Рае», состоящем из 33442 слов, лексема **«любовь»** упоминается чаще – 81 раз, чем в «Аде» – 19 раз, и её **относительная частота** упоминания в «Рае» равна $OЧ_{10T_Рай} = 81/(33442/10000) = 24,22$.

Для сравнения: в поэзии Пушкина, состоящей из 195572 слов [14], лексема **«любовь»** упоминается 493 раза, и её относительная частота употребления на 10 тысяч слов $OЧ_{10T} = 493/(195572/10000) = 25,21$. **Относительная частота**

упоминания лексемы «*любовь*» в поэзии Пушкина такая же, как у Данте в Рае.

В «Евгении Онегине» (ЕО), насчитывающем 24,5 тысячи слов, лексема «*любовь*» упоминается 54 раза, и её относительная частота равна 22.

Имя «*Татьяна*» из всех слов ЕО самое частое: упоминается 101 раз, $OЧ_10T = 101/(24500/10000) = 41,22$. У Данте в БК имя «*Беатриче*» упоминается 64 раза (2, 18, 44) и $OЧ_10T = 64/(101698/10000) = 6,27$.

Также можно провести сопоставление других лексем [16] «Евгения Онегина» – энциклопедии русской жизни с «Божественной комедией» – энциклопедией итальянской жизни», разделённых пятью веками.

Лексема «*Бог*» – словоформы *бог* (dio) и *боги* (dei) упоминается у Данте в БК 141 раз и занимает, как и у Пушкина, седьмое место (ранг 7) по частоте упоминания. Таким образом, относительная величина лексемы «бог» у Данте в БК равна $OЧ_10T = 141/(101698/10000) = 13,86$.

При этом, 127 раз (26, 40, 61) Данте обращается к богу в ед. числе, т. е. к Иисусу Христу, в восемь раз чаще, и только 14 раз к богам во мн. числе, т.е. к языческим, античным богам древней Греции.

В поэзии Пушкина лексема «*Бог*» упоминается 393 раза и занимает также седьмое место (ранг 7) по частоте упоминания. Таким образом, относительная величина упоминания лексемы «Бог» в поэзии Пушкина равна $OЧ_10T = 393/(195572/10000) = 20,09$, т.е. в полтора раза чаще, чем у Данте в «Божественной комедии».

При этом, во мн. числе словоформы *боги*, *богов*, *богам*, *богами* упоминаются Пушкиным 54 раза, а в ед. числе лексема «бог» упоминается – 339 раз, т.е. в шесть раз чаще обращение к Иисусу Христу, чем к языческим богам, что сопоставимо с Данте.

В последние годы жизни 1833 – 1836 гг. Пушкин обращается к богу в стихах часто – 65 упоминаний, также как Данте упоминал бога в последние годы жизни и в последней части БК, «Рая» 61 раз.

7. Классификация лексем в «Божественной комедии» по критерию эволюции частот, или «Новые числа Данте»

Гёте писал:

Was man nicht weiß, das eben brauchte man,
Und was man weiß, kann man nicht brauchen .

В том, что известно пользы нет,
Одно неведомое нужно

(пер. Б. Пастернака).

Что же нового и ранее неведомого можно узнать из найденных закономерностей в текстах БК, символики чисел, скрытых в них, и узнать новое о «Душе Данте»? По найденным закономерностям можно провести классификацию *не столь очевидных по смыслу лексем* и узнать отношение к ним Данте.

Можно классифицировать лексемы «Божественной комедии» по критерию эволюции частот на позитивные (их частоты монотонно возрастают от «Ада» к «Раю»), негативные (их частоты монотонно убывают от «Ада» к «Раю») и нейтральные лексемы (нет монотонности в эволюции частот). К позитивным лексемам, чьи частоты непрерывно возрастают от «Ада» к «Раю» относятся, например, *Бог, небо, любовь, жизнь, солнце, разум, добродетель, благодать* и многие другие лексемы.

К негативным лексемам, чьи частоты непрерывно убывают от «Ада» к «Раю» относятся, например, *смерть, болезнь, боль, страдание, зло, страх, смертный грех обжорство* и др. Указанные выше закономерности частот соответствуют представлениям Данте о добре и зле.

Однако нельзя однозначно утверждать, что существует чёткая причинно-следственная связь и взаимно-однозначное соответствие между возрастанием или убыванием частотности лексем от «Ада» к «Раю» и позитивностью или негативностью по смыслу для всех лексем БК, хотя очень многие лексемы подтверждают эти закономерности.

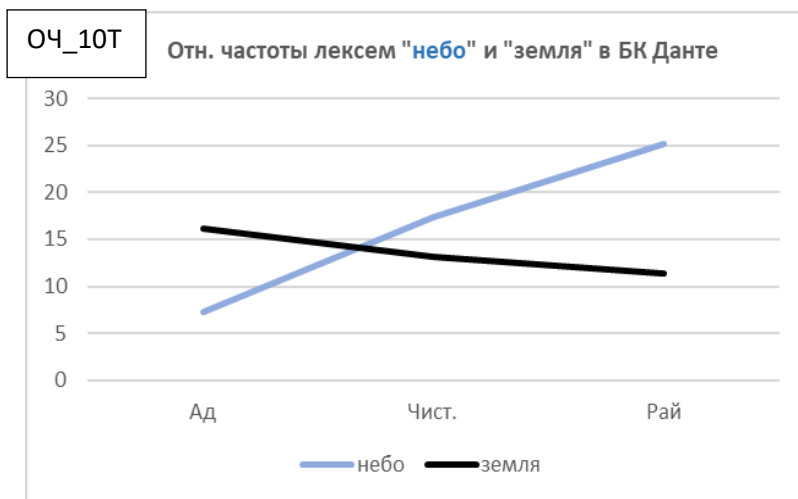
Разумеется, Данте не проводил частотного анализа своих лексем по трём частям БК, но интуитивно гениальный флорентиец писал так, что можно найти указанные выше закономерности в текстах БК. Если следовать за интуицией поэта (как Данте следовал за Вергилием) и скрытым в текстах БК закономерностям, то можно понять отношение Данте к различным *не столь очевидным по смыслу лексемам*. Например, являются ли лексемы *земля, небо, тень, слова, голос* и др. позитивными или негативными в представлениях Данте?

Частотный анализ показывает, что, например, лексема «*земля*» убывает по частоте от «Ада» к «Чистилищу», а затем к «Раю»: 55, 45, 38 упоминаний, а также по рангам лексемы 2, 9, 16 в трёх частях «Божественной комедии» и в представлениях Данте лексема „*terra*“ является негативной.

Этот вывод подтверждается противопоставлением у Данте неба и земли: лексема «**небеса**» „*ciel*“ (усечённая форма от лексемы «небо» – „*cielo*“), как было видно выше, часто является синонимом рая, и чаще встречается в «Рае», а лексема «**земля**» чаще появляется в «Аде» (табл. 3.1).

Вспоминая первую строку Библии «*Вначале сотворил Бог небо и землю*», понимаем лучше символику Данте: вначале сотворил Бог *позитивное небо*, как символ Рая, а потом *негативную землю*.

График 1. Эволюция частот упоминания лексем «**небо**» и «**земля**» в трёх частях «Божественной комедии» (БК) Данте: «Ад», «Чистилище», «Рай».

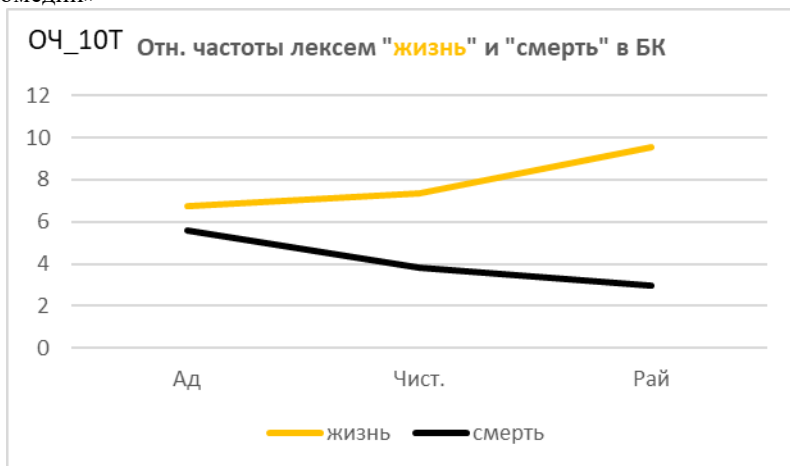
Проведя частотный анализ лексем «**небо**» и «**земля**» в БК, нашли ещё один скрытый символ в текстах Данте: отсылку к первой строке Библии «*Вначале сотворил Бог небо и землю*». Все три существительных первой строки Библии входят в первую десятку ТОП-10 частотного списка наиболее упоминаемых Данте лексем в «Божественной комедии».

Лексема «**глаз**» чаще других упоминается Данте в БК: 262 раза. Она включает в себя словоформы «глаза» („*occhi*“ – упоминаются 212 раз) и «глаз» („*occhio*“ – упоминается 50 раз). Частотный анализ по трём частям БК показывает: в «Аде» словоформа «глаз» встречается 18 раз, а словоформа «глаза» 49 раз, всего 67 раз;

в «Чистилище» соответственно 15 и 86 раз, всего 101 раз; в «Рае» соответственно 17 и 77 раз, всего 94 раза. Таким образом, лексема «*глаз*» (67, 101, 94) сначала возрастает, потом убывает, т. е. не монотонна, и является нейтральной.

Интересно проследить эволюцию ещё двух лексем: одной позитивной («*жизнь*»), второй негативной («*смерть*») на *графике 2*.

График 2. Эволюция частот упоминания лексем «*жизнь*» и «*смерть*» от «Ада» к «Чистилищу» и к «Раю» в «Божественной комедии»

В последней строке «Божественной комедии» Данте упоминает три имени существительных: *любовь, солнце и звёзды* (*stelle+stella*: 11, 13, 31), об эволюции которых в тексте комедии мы знаем теперь больше.

A l'alta fantasia qui mancò possa;
ma già volgeva il mio disio e 'l velle,
sì come rota ch'igualmente è mossa,

l'amor che move il sole e l'altre stelle.

Мечте высокой тут не стало сил;
Но все желанья, дум моих все бездны,
Как колесо, уж дух Любви кружил, —

Тот Дух, что с солнцем движет хоры звездны.

Перевод Дм. Мина

Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,

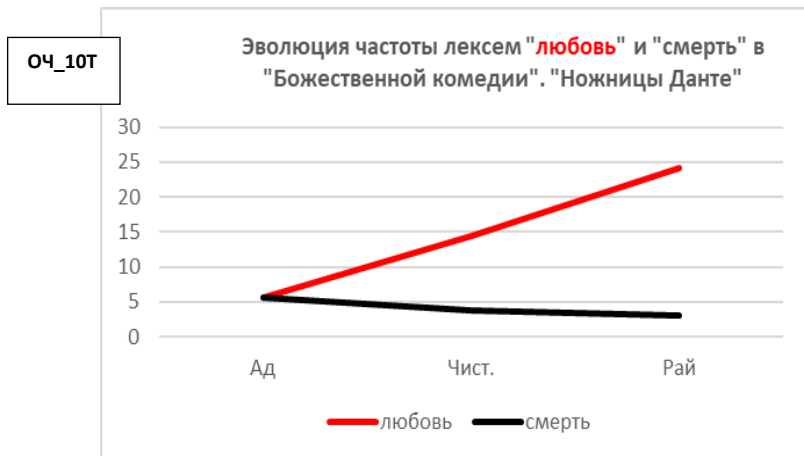
Любовь, что движет солнце и светила.

Перевод М. Лозинского

Лексемы «*любовь*» и «*смерть*» имеют в «Аде» ещё одно магическое число – одинаковые частоты упоминания – 19 раз (в относит. частотах ОЧ_10Т: $19/(34172/10000) = 5,56$) и **выходят из одной точки**.

Но в «Чистилище» и «Рае» они резко расходятся, образуя «*ножницы Данте*» между любовью и смертью. Любовь у Данте в БК упоминается 149 раз и не только движет солнце и светила, но и побеждает смерть, которая упоминается 42 раза.

График 3. Эволюции частот упоминания лексем «*любовь*» и «*смерть*» от «Ада» к «Чистилищу» и к «Раю» в «Божественной комедии»

Как писал древнеримский поэт Проперций: „*Letum non omnia finit*“ (лат.), «*Со смертью не всё кончается*». Данте подтверждает эту мысль: „*l'amor che move il sole e l'altre stelle*“. Но когда закрываются «*ножницы Данте*» и совпадают Любовь и Смерть, тогда перестают вращаться «*солнце и светила*».

У Пушкина любовь тесно связана с самой частотной словоформой Данте «глаза» (occhi, упоминается в БК 212 раз):

Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
(В них сияет пламень томный –
Наслаждений знак нескромный).
А. С. Пушкин. Из Анакреона («Узнают коней ретивых...»)
(1835)

Но у Данте самая частая лексема Пушкина «*друг*» (упоминается в его поэтическом корпусе 649 раз) не играет столь существенной роли и упоминается всего 12 раз: 7 раз в виде словоформы *amico* (друг) и 5 раз в виде словоформы *amici* (друзья).

В заключение отметим, что существует ещё одно магическое число: словарный запас всей поэзии Пушкина и словарный запас «Божественной комедии» Данте совпадают – около 13 тысяч лексем. Провести глубокий частотный анализ текстов Пушкина и Данте стало возможным благодаря новым информационным технологиям в цифровую эпоху XXI века [1]. Как писал Данте в начале XIV века:

Ты должен выбрать новую дорогу, -
Он отвечал мне, увидав мой страх, -
И к дикому не возвращатьсялогу.
(«Божественная комедия», Ад, 1, 91. Перевод М. Лозинского).

«Новая дорога» – это путь в цифровую эпоху XXI века к новым информационным технологиям. Они производят *смену парадигм* в науке XXI века, в том числе в филологии и лингвистике.

Томас Кун – выдающийся историк науки XX века – писал в своей книге, что суть научных революций заключается в смене парадигм [7]. В XX веке доминировала парадигма «**филологии мнений**», когда каждый учёный высказывал своё мнение о прочитанном тексте, а затем учёные вели дискуссию, где каждый отстаивал своё мнение. В XXI веке произошла смена парадигм: вначале проводятся исследования большого объёма текстов (Big Data) методами новых информационных технологий, получают конкретные результаты и факты, а затем переходят от «**филологии фактов**» к «**филологии мнений**», к их интерпретации.

Естественно, при интерпретации результатов необходимо учитывать, что некоторые лексемы, например, «*любовь*», «*душа*» и др. могут быть несколько иначе понимаемы Данте и Пушкиным, в силу разницы эпох в 500 лет и менталитета поэтов. Р. Докинз в предисловии к своей книге «Эгоистичный ген» пишет: «Не лучше ли было бы назвать книгу “Бессмертный ген”? “Бессмертный” – “**позитивное**” слово, бессмертие *генетической* информации – одна из ключевых тем моей книги». А бессмертие *лингвистической* информации – одна из ключевых тем нашей статьи.

8. Заключение и основные результаты исследования

Представлены частотные списки выдающихся русских поэтов разных эпох: Державина, Пушкина, Цветаевой, Бродского и поэтов начала XXI века. Показано, что существует общее ядро шести имён существительных и трёх понятий: метафизика (лексемы *душа, любовь, жизнь*), природа (лексемы *день, небо*) и телесность (лексема *рука*).

Они на протяжении трёх веков русской поэзии постоянно находятся в первых частотных рядах языка поэтов вне зависимости от времени создания. Прослежена эволюция поэтического ядра выдающихся русских поэтов разных эпох во времени и показано как изменяется поэтическое ядро и какие лексемы присутствуют в нём постоянно.

Выдвинута гипотеза о существовании лексем поэтического языка выдающихся европейских поэтов разных эпох (Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина), не зависящих не только от времени, но и от языка написания стихов. Другими словами, выдающиеся европейские поэты разных эпох и народов наиболее часто в своей поэзии обращаются к одним и тем же или близким именам существительным и их лексемам.

С целью исследования независимости некоторых лексем от языка впервые были составлены и сопоставлены частотные списки имён существительных «Божественной комедии» Данте отдельно по каждой из трёх частей: «Ад», «Чистилище», «Рай» и всей комедии. Проанализирована эволюция имён существительных от «Ада» к «Раю»: найдено, что многие позитивные лексемы (*Бог, любовь, жизнь* и другие) возрастают по частоте упоминания от «Ада» к «Раю», а многие негативные лексемы (*смерть, страдание, страх, зло* и другие) убывают. Предложен критерий классификации лексем в «Божественной комедии» на позитивные, негативные и нейтральные. Показано как на основе найденных зависимостей проводить классификацию *не столь очевидных лексем*, например, *земля, тень, слова, голос и др.*

Проведён сопоставительный анализ языка Данте с частотным списком имён существительных поэтического корпуса Пушкина. Определено общее ядро наиболее частых имён существительных в поэтическом языке Пушкина и Данте, включающее в себя шесть лексем и два понятия: метафизика (*Бог, душа, жизнь, любовь*) и природа (*небо и свет*). Предполагается продолжить исследование, сопоставляя языки Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина, чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о существовании

и универсальности общих и наиболее частых имён существительных в языках выдающихся европейских поэтов.

Поэтический язык, как Бог, един, вне зависимости от алфавита, на котором поэты записывают стихи: латинице или кириллице.

Шекспир писал: „*The time is out of joint...*”, «Распалась связь времен...». Чтобы восстановить связь времён необходимо найти, какие лексемы прошли сквозь сито естественного отбора беспощадным временем, соединяя века и хор европейских поэтов прекрасным поэтическим языком:

И хору европейских лир

Близ Данте тень его внимает.

А. С. Пушкин. Андрей Шенье (1825)

Литература

1. Абрамзон Т. Е. Цифровые методы современной филологии: возможности и ограничения // Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной научно-практической конференции, 18-20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 9–11.
2. Бодлер Ш. Лирика. Москва: Художественная литература, 1966. 188 с.
3. Гаспаров М. Л. Точные методы анализа грамматики в стихе. Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, доклады российской делегации, Краков, 1998.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. Москва: Наука, 1967. 627 с.
5. Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. Дм. Мина, Санкт-Петербург: Кристалл, 2002. 479 с.
6. Двизова И., Баффи Р, Норман В. Словарь. RUSSO. Dizionario Universal. Итальянско-русская часть. Научный аппарат: Irina Dvizova. Издательство Langenscheidt-Mondadori, Milano, 2009.
7. Кун Т. Структура научных революций. Москва: Изд-во АСТ, 2009. 310 с.
8. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020, № 4 (14). С. 46–75.
9. Марголис Я. М. Транзит языка русских поэтов XXI века во времени и в пространстве // Libri Magistri. 2021, № 1 (15). С. 11–46.
10. Марголис Я. М. Транзит имён существительных русского поэтического языка от Пушкина до нашего времени // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 50–76.

11. Марголис Я. М. Опыт исследований языка русской поэзии XVIII–XXI веков. Сопоставительный анализ в цифровую эпоху. Сборник материалов VII международной. молодежной научно-практической конференции, 13–14.10.2021 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2021. С. 57–61.
12. Марголис Я. М. Язык русской поэзии XVIII–XXI веков. Сопоставительный анализ в цифровую эпоху. Монография. Изд. Дом «Языки славянских культур» (ЯСК), 2022. (в печати).
13. Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина. Институт русского языка, Институт языкознания, сектор структурной и прикладной лингвистики: (проспект). Москва: [б. и.], 1963. 50 с.
14. Поэтический корпус русского языка (ПКРЯ), новая версия в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), 2018. URL: <https://ruscorgo.ru/new/> (дата обращения: 10.02.2021).
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
16. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. № 4. С. 106–118.
17. Словарь языка Пушкина: в 4 т./ отв. ред. акад. В. В. Виноградов, 1956–1961 (1-е изд.), 2000 (2-е изд.), Москва: Азбуковник, 2000.
18. Фрумкина Р. М. О статистическом исследовании словарного состава текстов А.С. Пушкина. Материалы к Частотному словарю языка Пушкина (проспект). Москва, 1963. 5 с.
19. Частотный словарь языка Пушкина, ИРЯ, машинопись. Москва, 1963. 403 с. URL: <https://bit.ly/36twlI5> (дата обращения: 10.01.2021).
20. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: в 2 т. Т. 1. Предисловие М. Л. Гаспарова. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 641 с.
21. Concordance to La Divina Commedia of Dante Alighieri, IntraText, 2011.
22. Dante Alighieri «La Divina Commedia», Italian Edition, 2017.
23. Hardt M. Die Zahl in der Divina Commedia. Frankfurt/M. Athenäum-Verl, 1973. Перевод на итальянский: I numeri nella “Divina Commedia”, Salerno, 2014.

24. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis. Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. 1983. 51 p.
25. Margolis J. Tutte le facce dell'amore. Semicerchio, Rivista di poesia comparata, 2/2017, Firenze, Italia.
26. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020. URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (дата обращения: 2.12.2020).
27. Soules T. S. Concordance to every word of La Divina Commedia of Dante Alighieri, 2014.
28. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada).
29. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.
30. SKETCH ENGiNE, Online, 2021.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Digital methods of modern philology: opportunities and limitations // Digital era: collection of materials of the IV international scientific and practical conference, September 18-20, 2018 / scientific. ed. S. V. Rudakova. – Magnitogorsk: Publishing house of Magnitogorsk. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2018. Pp. 9–11. (In Russian)
2. Baudelaire S. Lyrics. Moscow: Art Literature, 1966. 188 p. (In Russian)
3. Gasparov M. L. Exact methods for analyzing grammar in verse. Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists, reports of the Russian delegation, Krakow, 1998. (In Russian)
4. Dante Alighieri. Divine Comedy (translated by M. Lozinsky). Moscow: Science, 1967. 627 p. (In Russian)
5. Dante Alighieri. Divine Comedy (trans. Dm. Mina), St. Petersburg, Crystal, 2002. 479 p. (In Russian)
6. Dvizova I., Buffy R, Norman V. Dictionary. RUSSO. Dizionario Universal. Italian-Russian part. Scientific apparatus: Irina Dvizova. Langenscheidt-Mondadori Publishing House, Milano, 2009. (In Russian)
7. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Moscow: Publishing house AST, 2009. (In Russian)
8. Margolis J. A quantitative analysis of dictionaries and the transit of Russian-language poetry // Libri Magistri. 2020. №4 (14). Pp. 46–75. (In Russian)

9. Margolis J. Transit of the language of Russian poets of the XXI century in time and space // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). Pp. 11–46. (In Russian)

10. Margolis J. Transit of nouns of the Russian poetic language from Pushkin to our time // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). Pp. 50–76. (In Russian)

11. Margolis J. The experience of researching the language of Russian poetry in the 18th–21st centuries. Benchmarking in the digital age. Collection of materials VII international. youth scientific and practical conference, 13-15.10.2021 / scientific. ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Publishing house of Magnitogorsk. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2021. (In Russian)

12. Margolis J. The language of Russian poetry of the 18th–21st centuries. Benchmarking in the digital age. Monograph. Ed. House «Languages of Slavic Cultures» (YASK), 2022. (In Russian)

13. Materials for the Frequency dictionary of the language of A. S. Pushkin. Institute of the Russian Language, Institute of Linguistics, Sector of Structural and Applied Linguistics: (Prospectus). Moscow: [b. i.], 1963. 50 p. (In Russian)

14. Poetic Corpus of the Russian Language (PCRL), new version in the National Corpus of the Russian Language, 2018. (In Russian)

15. Pushkin A. S. Complete works in 16 volumes. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow: 1937–1959. (In Russian)

16. Rudakova S. V. To the question of the originality of A. S. Pushkin's ideas about happiness in his early lyrics // Libri Magistri. 2020. № 4. Pp. 106–118. (In Russian)

17. Dictionary of Pushkin's language in 4 volumes, otv. ed. acad. V.V. Vinogradov, 1956–1961 (1st ed.), 2000 (2nd ed.), Moscow: Azbukovnik, 2000. (In Russian)

18. Frumkina R. M. On the statistical study of the vocabulary of texts by A. S. Pushkin. Materials for the Frequency Dictionary of Pushkin's Language. Avenue. M., 1963. 5 p. (In Russian)

19. Frequency dictionary of Pushkin's language, Institute of the Russian language, typescript 403 p. 1963. (In Russian)

20. Shaw, J. T. Concordance to the poems of A. S. Pushkin. Volume 1, 2. Foreword by M. L. Gasparov. Moscow: Languages of Slavic culture, 2000. 641. (In Russian)

21. Concordance to La Divina Commedia of Dante Alighieri, IntraText, 2011. (In Russian)

22. Dante Alighieri «La Divina Commedia», Italian Edition, 2017. (In Russian)
23. Hardt M. Die Zahl in der Divina Commedia. Frankfurt/M. Athenäum-Verl, 1973. Translation into Italian: I numeri nella “Divina Commedia”, Salerno, 2014. (In Russian)
24. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. № 33. 1983. (In Russian)
25. Margolis J. Tutte le facce dell'amore. Semicerchio, Rivista di poesia comparata, 2/2017, Firenze, Italia.
26. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020 and 7.07.2021.
27. Soules T. S. Concordance to every word of La Divina Commedia of Dante Alighieri, 2014.
28. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada).
29. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.
30. SKETCH ENGINE, Online, 2021.

ON THE 700TH ANNIVERSARY OF DANTE ALIGHIERI'S DEATH.
DANTE AND PUSHKIN: COMPARATIVE ANALYSIS
OF NOUNS IN POETIC LANGUAGES

Jakob M. Margolis

Dr., Trier University, Germany;

Irina V. Dvizova

*University of Florence, collaborator of the Russian Centre for Science
and Culture in Rome, Italia*

Abstract

The goal of this research is the comparative analysis of the frequency of nouns used in the poetic language of A. Pushkin and A. Dante. The lists of the most frequently used nouns by outstanding Russian poets from different epochs are provided: G. Derzhavin, A. Pushkin, M. Tsvetaeva, and I. Brodsky. It is shown that a common core of lexemes frequently used by the poets throughout centuries exists and the evolution of this core over time is observed. A hypothesis is proposed that a common core of the most frequently used nouns in the poetic language of different European poets exists: A. Dante, W. Shakespeare, J. Goethe, A. Pushkin.

To test a hypothesis, in the first stage, the lists of the most frequently used nouns in “The Divine Comedy” of A. Dante in each of the three parts: Inferno, Purgatorio and Paradiso, and the whole poem, were provided and compared. The change of nouns from the Inferno to the Paradiso is analyzed and it is found that the frequency of the nouns with positive connotation increases (God, love, life, virtue and others) while the frequency of the nouns with negative connotation decreases (death, suffering, fear, evil and others). A classification of nouns into positive, neutral and negative in “The Divine Comedy” of A. Dante is proposed and the analysis of non-obvious words on this basis is given: earth, sky, shadow, word, voice and others.

A comparison between the frequency lists in the poetic corpus of Dante and Pushkin is given and a common core among these lists is found. It is planned to continue the research comparing the frequencies of nouns in the writings of other European poets such as Dante, Shakespeare, Goethe and Pushkin to confirm or disprove the hypothesis of the existence of common and most frequently used nouns in the languages of outstanding European poets of different epochs and cultures.

Keywords: Pushkin and Dante, Divine Comedy, poetic language, comparative analysis, nouns, frequency lists, Shakespeare, Goethe, Derzhavin, Tsvetaeva, Brodsky, core of the poetic language, frequency and rank of lexemes, hypothesis of the existence of a common core of nouns in the poetic language of outstanding European poets

Для цитирования: Марголис Я. М., Двизова И. В. К 700-летию со дня смерти Данте Алигьери. Данте и Пушкин: сопоставительный анализ имён существительных в поэтическом языке // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 13–37.

Поступила в редакцию 15.10.2021

Я. М. Марголис

ББК 81я21, 83.3

УДК 81'373, 82.0

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_38

Я. М. Марголис¹

Трир университет, Германия

Трирский университет, 54286, Трир, Германия

jakob_margolis@gmx.de

ЯДРО ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII–XXI ВЕКОВ

Цель исследования – сопоставительный анализ имён существительных в поэтическом языке (ПЯ) выдающихся и наиболее плодотворных русских поэтов XVIII–XX веков: Г. Державина, А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского, а также современных российских поэтов XXI века. Составлены частотные списки имен существительных в ПЯ поэтов и показана их эволюция во времени: какие лексемы убывают из первых рядов ПЯ (например, «душа»), какие появляются в нём (например, «земля»), а какие пребывают в ПЯ постоянно все три века русской поэзии и образуют его ядро.

Определено **ядро ПЯ** – множество общих имён существительных (лексем), находящихся все время в первых наиболее частотных рядах ПЯ выдающихся поэтов. Показано, как идёт процесс изменения ядра ПЯ во времени и как сжимается ядро общих лексем поэтов XVIII–XXI веков. Ядро ПЯ условно делится на три концепта: природа (лексема «день»), телесность (лексема «рука») и метафизика (лексемы «жизнь» и «любовь»).

Введено понятие «полнота использования» лексемы по падежам в ПЯ поэтов. Показано, как провести «расщепление» поэтического ядра по падежным словоформам и сопоставлены словоформы лексем ядра в ПЯ поэтов разных эпох от Г. Державина до нашего времени. На примере лексемы «день» со снятой вручную омонимией показано, что полнота использования лексемы в ПЯ А. Пушкина выше, чем в ПЯ Г. Державина. Найдены редкие словоформы лексем поэтического ядра «любовь» и «жизнь» в ПЯ М. Цветаевой и И. Бродского.

Ключевые слова: ядро русского поэтического языка (ПЯ), расщепление поэтического ядра, существительные, сопоставительный

¹ Марголис Яков Моисеевич, математик, статистик, Dr.-Ing., литератор, фрилансер, Штутгарт, Германия.

анализ, частота и ранг лексемы, полнота использования лексемы, словоформа, словоупотребления, Державин, Пушкин, Цветаева, Бродский, словарь, конкорданс

А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут.

А.С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»

Введение

В работе [8] был исследован транзит, или перемещения рангов самых частых имён существительных в русском поэтическом языке у выдающихся и наиболее плодотворных поэтов XIX–XXI веков: от А. Пушкина до наших дней. С целью более глубокого анализа русского ПЯ и уточнения его ядра в настоящей статье был *расширен интервал исследования от XVIII века до нашего времени*: в исследование был включён ПЯ наиболее плодотворного русского поэта XVIII века Гавриила Державина, насчитывающий 93 тысячи словоупотреблений. Список 14 ведущих российских поэтов XXI века был составлен четырьмя независимыми жюри и были найдены частоты их наиболее употреблённых лексем по репрезентативным выборкам [7].

1. Частотные списки имён существительных в поэтическом языке русских поэтов XVIII–XXI веков

В *таблице 1.1* представлены 20 наиболее употреблённых лексем в ПЯ Г. Державина (ГД), А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и лексическая норма российских поэтов (РП – XXI).

Ранг	ГД лексемы частоты ПКРЯ	АП лексемы частоты ПКРЯ	МЦ лексемы частоты ПКРЯ	ИБ лексемы частоты Конкорд анс	РП – XXI лексемы частоты Выборки
1	бог 357	друг 649	рука 683	жизнь 385	время 357
2	сердце 326	день 548	глаз 425	глаз 302	земля 263
3	душа 309	любовь 493	ночь 407	время 299	тело 233
4	царь 284	душа 490	день 364	день 261	свет 216

5	небо 276	сердце 440	душа 355	окно 254	солнце 195
6	свет 262	рука 414	сердце 342	человек 249	день 156
7	мир 237	бог 393	бог 321	рука 229	жизнь 141
8	слава 215	ночь 341	час 298	земля 228	мир 139
9	день 211	царь 328	дом 291	год 227	ветер 127
10	любовь 207	сон 326	грудь 275	ночь 219	смерть 122
11	рука 203	год 289	сон 271	слово 215	любовь 117
12	взор 187	пора 285	земля 250	лицо 214	глаз 116
13	человек 157	свет 280	друг 235	свет 206	ночь 109
14	жизнь 155	взор 273	любовь 231	душа 204	человек 108
15	друг 154	жизнь 271	кровь 227	любовь 198	вода 98
16	солнце 134	конь 246	мир 227	небо 193	сердце 95
17	вода 131	слава 241	небо 224	мир 191	люди 89
18	смерть 116	небо 233	жизнь 193	снег 191	друг 84
19	лицо 111	поэт 224	голос 144	вещь 188	рука 83
20	земля 110	час 223	смерть 129	смерть 177	стих 63

Частотные списки по Г. Державину, А. Пушкину и М. Цветаевой составлены по поэтическому корпусу русского языка (ПКРЯ) [16], по И. Бродскому взяты из Конкорданса к его стихам [37] (т. к. в ПКРЯ продублировано около трети стихов поэта), по 14 российским поэтам XXI века взяты из выборок их стихов [7]. Частотные списки важны для использования более точных методов в филологии [1; 4; 14; 15; 18; 19; 30].

По табл. 1.1 можно проследить перемещения 20 самых частых имён существительных ПЯ по пяти разным эпохам русской поэзии.

Например, лексема «*Бог*» у Г. Державина на первом месте по частоте употребления (ранг 1), у А. Пушкина и М. Цветаевой на седьмом месте (ранг 7), а у И. Бродского и современных российских поэтов XXI века лексема «*Бог*» не входит в двадцатку наиболее употребительных имён существительных.

Бог истина – и все дела,

И все пути Его суть правы;

Он благость весь и нет в Нем зла;

Всяк мерзок путь Ему лукавый.

Г. Р. Державин. «Вними, о небо! что реку...», (1810–1816)

Лексема **«сердце»** у Г. Державина на втором месте, у А. Пушкина на пятом месте (ранг 5), у М. Цветаевой – на шестом (ранг 6), у И. Бродского не входит в двадцатку наиболее частых лексем, а у поэтов XXI века она на 16-м месте (ранг 16).

Зачем арапа своего

Младая любит Дездемона,

Как месяц любит ночи мглу?

Затем, что ветру и орлу

И сердцу девы нет закона.

А. С. Пушкин. Египетские ночи / (1833–1835)

Лексема **«душа»** у Г. Державина на третьем месте (ранг 3), у А. Пушкина на четвёртом месте (ранг 4), у М. Цветаевой – на пятом (ранг 5), у И. Бродского – на четырнадцатом (ранг 14), а у поэтов XXI века она не входит в двадцатку наиболее часто употребляемых лексем. Лексема **«душа»**, таким образом, постепенно убывает из ПЯ.

Остолбеневши, как бревно,

Оставшееся от аллеи,

Мне все – равны, мне всё – равно,

И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее – всего.

Все признаки с меня, все меты,

Все даты – как рукой сняло:

Душа, родившаяся – где-то.

Так край меня не уберег

Мой, что и самый зоркий сыщик

Вдоль всей души, всей – поперек!

Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И все – равно, и все – едино.

Но если по дороге – куст

Встает, особенно – рябина...

М. И. Цветаева. «Тоска по родине! Давно...» (03.05.1934)

Лексема **«свет»** у Г. Державина на шестом месте (ранг 6), у А. Пушкина и И. Бродского на тринадцатом месте (ранг 13),

у М. Цветаевой не входит в двадцатку наиболее частых лексем, а у поэтов ХХI века она находится на четвёртом месте (ранг 4).

Лексема **«день»** у Г. Державина на девятом месте (ранг 9), у А. Пушкина на втором месте (ранг 2), у М. Цветаевой и И. Бродского на четвёртом месте (ранг 4), у поэтов ХХI века она находится на шестом месте (ранг 6). Таким образом, имя существительное **«день»** *единственная лексема*, находящаяся в первой десятке (ТОР–10) поэтического языка выдающихся русских поэтов **на протяжении всех трёх веков**.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лица **день** заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!

А. С. Пушкин. *«Была пора: наш праздник молодой...»* (1836)

Эту мысль А. Пушкина – *«Прошли года чредою незаметной, / и как они переменили нас!»* – повторил И. Бродский: *«И если бы мне нужно было описать то, что меня интересует, – так это то, что время делает с человеком»*.

Лексема **«любовь»** у Г. Державина на десятом месте (ранг 10), у А. Пушкина на третьем месте (ранг 3, выше всех), у М. Цветаевой на четырнадцатом месте (ранг 14), у И. Бродского на пятнадцатом (ранг 15), а у поэтов ХХI века ранг лексемы **«любовь»** немного возрастает и находится на одиннадцатом месте (ранг 11).

Владыко **дней** моих! дух праздности унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай **душе** моей.
Но дай мне зреть мои, **о боже**, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, **любви**
И целомудрия мне в **сердце** оживи.

А. С. Пушкин. *«Отцы пустынники и жены непорочны...»* (1836)

Лексема **«любовь»** имеет высокий ранг 3 у А. Пушкина, но постепенно убывает из ПЯ поэтов, и у современных русских поэтов ХХI века на третьем месте оказывается лексема **«тело»**.

Ранг лексемы **«рука»** растёт от Г. Державина (ранг 11) до А. Пушкина (ранг 6) и далее достигает максимума у М. Цветаевой (ранг 1), а затем начинает снижаться у И. Бродского (ранг 7) и российских поэтов ХХI века (ранг 19).

Этот остров возьму под стопы и **руками** его повторю,
Разрешу мирозданье по-новому, / Сразу.

О, поднять бы, **руками** поднять ту воздушную линию гор,
Чтобы стали они,
Чтобы стали те горы двумя
Запрокинутыми над головою **руками**.

М. И. Цветаева. *«Может, туча из недр морских вынесет
на горизонт...»* / Горизонт (1939–1941)

Ранг лексемы «**жизнь**» у Г. Державина, А. Пушкина, М. Цветаевой постепенно понижается (соответственно ранги 14, 15, 18), а у И. Бродского лексемы «**жизнь**» занимает в ПЯ первое место (ранг 1), у поэтов XXI века она находится в TOP–10 (ранг 7).

Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли – поскольку там больше места.

И. А. Бродский. *«В воздухе -- сильный мороз и хвоя...»* (1994)

Ранг лексемы «**земля**» у Г. Державина на последнем двадцатом месте (ранг 20), у А. Пушкина эта лексема не входит в двадцатку наиболее частых лексем, но, начиная с М. Цветаевой, ранг лексемы «**земля**» резко *возрастает*: у М. Цветаевой – ранг 12, у И. Бродского – ранг 8, у поэтов XXI века лексема «**земля**» находится на втором месте по частоте употребления (ранг 2).

Червоточины – виноградные улитки,
клёнов и дубов тяжёлые ветви
роняют алые, золотые слитки
на дегтярную **землю**, на скользкие плитки.
Решёток ажурные чёрные верви
у окон дворца.
Полыхающий сад, исцели мои нервы
виноградная кровь, теки в моих венах,
слепотой льва, красотой херувима,
братством резчика и *резца*.

А. Горбунова *«Осенний сад Петергофской дороги»*, из книги
«Первая любовь, мать ада»

Поэтический язык Аллы Горбуновой выбран в качестве примера, поскольку она является *наиболее плодотворным поэтом* среди 14 современных российских и 10 русскоязычных зарубежных поэтов XXI века, отобранных четырьмя независимыми жюри [7].

Ранг лексемы «**время**» тоже *возрастает*: у Г. Державина, А. Пушкина и М. Цветаевой эта лексема не входила в список 20

наиболее употребительных лексем, но у И. Бродского ранг лексемы «*время*» – 3, а у РП – XXI века ранг лексемы «*время*» – 1 (как у российских, так и у русскоязычных зарубежных поэтов) [7]. При этом, как было отмечено [8], у А. Пушкина для обозначения концепта «*время*» в списке 20 наиболее употребительных существительных используются три разные единицы измерения времени: лексемы «*час*», «*день*», «*год*».

В заключение отметим, что у Г. Державина лексема «*смерть*» имеет ранг 18 и упоминается в его ПЯ (93426 слов) 116 раз, что в относительных частотах на 10 тысяч слов $OЧ_{10T} = 116/(93426/10000) = 12,42$. У А. Пушкина лексема «*смерть*» упоминается 114 раз, что в относительных частотах на 10 тысяч слов равно 5,82, и она не входит в число 20 наиболее употребительных существительных. У М. Цветаевой в абсолютных частотах – 133 раза (7,87), у И. Бродского – 177 раз (9,03), а у молодых современных поэтов 122 раза ($OЧ_{10T} = 4,06$).

Таким образом, по *табл. 1.1* можно проследить, как меняются ранги наиболее частотных существительных ПЯ («*Бог*», «*сердце*», «*душа*», «*свет*», «*день*», «*любовь*», «*рука*», «*жизнь*», «*земля*», «*время*», «*смерть*»): какие лексемы убывают, какие лексемы возрастают, а какие лексемы остаются постоянно в первых рядах употребления на протяжении пяти эпох русской поэзии.

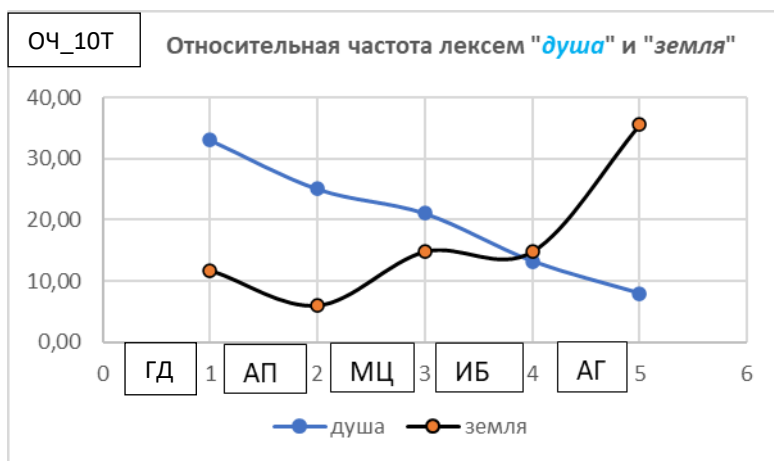
2. Перемещение существительных «*душа*» и «*земля*» во времени в относительных частотах употребления лексем

Как отмечалось [8], относительную частоту употребления лексемы в поэтическом языке поэта удобно измерять количеством употреблений лексемы на 10 тысяч слов поэтического текста (***OЧ_{10T}***). Например, у Г. Державина в поэтическом корпусе ПКРЯ (93426 слов [16]) лексема «*душа*» встречается 309 раз (*табл. 1.1*). Тогда относительная частота лексемы «*душа*» у Г. Державина (ГД) будет равна $OЧ_{10T} = 309/(93426/10000) = 33,08$. У А. Пушкина (АП) $OЧ_{10T} = 490/(195572/10000) = 25,05$. У М. Цветаевой (МЦ) в поэтическом корпусе ПКРЯ (168711 слов) лексема «*душа*» встречается 355 раз. Тогда относительная частота лексемы «*душа*» у М. Цветаевой будет равна $OЧ_{10T} = 355/(168711/10000) = 21,04$; у И. Бродского (ИБ) $OЧ_{10T} = 204/(153860/10000) = 13,26$; а у наиболее плодотворного из российских поэтов (РП) XXI века Аллы Горбуновой $OЧ_{10T} = 51/(63902/10000) = 7,98$. Таким образом, в данном случае относительная частота лексемы «*душа*» тесно связана

с рангом лексемы, как и ранг, частота её употребление **уменьшается** в поэтическом языке поэтов от Г. Державина до наших дней.

Аналогично можно найти ОЧ_{10Т} для **возрастающей** лексемы «*земля*» (у А. Пушкина в 195572 словах упоминается 118 раз) и показать динамику изменения двух лексем от эпохи к эпохе и от поэта к поэту на графике 2.1.

График 1.1. Относительные частоты употребления на 10 тысяч слов (ОЧ_{10Т}) лексем «*душа*» и «*земля*» у Г. Державина (ГД), А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и российского поэта XXI века А. Горбуновой (АГ).

Употребление лексемы «*душа*» убывает из поэтического языка (ПЯ) от поэта к поэту и от эпохи к эпохе, а употребление лексемы «*земля*» растёт. Почему лексема «*душа*» от века к веку убывает из русского поэтического языка должны объяснять филологи.

3. Ядро существительных языка русских поэтов XVIII–XXI веков и его изменение во времени

По табл. 1.1 можно определить «*ядро*» имён существительных языка русских поэтов XVIII–XXI веков. Под ядром существительных будем понимать лексемы, которые *остаются* у выдающихся и плодотворных поэтов в списке 20 наиболее часто употреблённых имён существительных *на протяжении всех пяти эпох*: от Г. Державина до наших дней. Таких существительных оказалось в ПЯ всего четыре.

Таблица 3.1. Изменение ядра поэтического языка ведущих русских поэтов XVIII – XXI веков: Г. Державина (ГД), А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ) и российских поэтов (РП). **Ядро (общие лексемы)** в поэтическом языке поэтов разных эпох.

№	ГД+АП	ГД+АП+ М+Ц	ГД+АП+ МЦ+ИБ	ГД+АП+ МЦ+ИБ+РП
1	Бог	Бог	Душа	День
2	Сердце	Сердце	Небо	Любовь
3	Душа	Душа	День	Рука
4	Царь	Небо	Любовь	Жизнь
5	Небо	День	Рука	
6	Свет	Любовь	Жизнь	
7	Слово	Рука		
8	День	Жизнь		
9	Любовь	Друг		
10	Рука			
11	Взор			
12	Жизнь			
13	Друг			
	13 лекс.	9 общ. лекс.	6 общ. лексем	4 общ. лексемы
%	65%	45%	30%	20%
Век	XVIII–XIX	XVIII– XX	XVIII–XX-2	XVIII–XXI

Таблица 3.1 показывает, как идёт процесс изменения ядра ПЯ **во времени** и какие лексемы остаются в ядре поэтов XVIII–XXI веков.

У Г. Державина (ГД) и А. Пушкина (АП) из 20 наиболее частотных лексем каждого поэта общих лексем (ГД+АП) насчитывается 13, что составляет $13/20 = 65\%$. Присоединяя к ним 20 частотных лексем М. Цветаевой, находим 9 общих лексем, что составляет 45% от 20 лексем.

Присоединяя к ним 20 частотных лексем И. Бродского, находим 6 общих лексем, что составляет 30% от 20 лексем. И наконец, присоединяя к ним 20 частотных лексем российских поэтов (РП) XXI века, находим 4 общих лексемы, используемые постоянно в поэтическом языке поэтов на протяжении XVIII–XXI веков. Теперь можно найти средний ранг лексем в поэтическом ядре языка и выстроить лексемы по их частоте использования в языке поэтов.

Таблица 3.2. Ядро наиболее употреблённых существительных у Г. Державина (ГД), А. Пушкина (АП), М. Цветаевой (МЦ), И. Бродского (ИБ), 14 российских поэтов XXI века (РП) и ранги лексем ядра.

Ядро ПЯ лексемы	Ранг ГД	Ранг АП	Ранг МЦ	Ранг ИБ	Ранг РП	Средний ранг
день	9	2	4	4	6	5,0
рука	11	6	1	7	19	8,8
жизнь	14	14	17	1	7	10,6
любовь	10	3	14	15	11	10,6

Наиболее стабильной в ядре существительных является лексема «**день**»: её ранг растёт от Державина (9) до Пушкина (2), а затем медленно уменьшается во времени от Пушкина до российских поэтов. Но лексема «**день**» все три века *используется* в числе десяти (ТОР–10) наиболее употреблённых поэтами лексем. Средний ранг лексемы «**день**» самый высокий из всех четырёх имён существительных поэтического ядра и равен 5.

Ранг лексемы «**рука**» растёт от Державина (11) до Пушкина (6) достигает максимума у Цветаевой (ранг 1), а затем уменьшается у Бродского (ранг 7) и ещё больше у российских поэтов (ранг 19).

Лексема «**жизнь**» имеет низкие ранги у ГД, АП и МЦ (ранги 14, 14 и 17), но её ранг резко **растёт** у ИБ (ранг 1) и остаётся в ТОР–10 у РП (ранг 7). У И. Бродского, писавшего всё время о **смерти**, самой частой оказалась лексема «**жизнь**» (упоминается в его ПЯ 385раз).

Ранг лексемы «**любовь**» растёт от ГД до АП, имеет самое высокое значение у АП (ранг 3) и **уменьшается** у МЦ, ИБ и РП (ранги 14, 15, 11). Ранг лексемы «**любовь**» снижается в русском поэтическом языке от Пушкина до наших дней, как в абсолютных, так и в относительных частотах, а её место в ПЯ современных поэтов заняла лексема «**тело**».

4. Зависимость величины поэтического ядра от интервалов времени, границ ранга и количества выбранных поэтов

Количество лексем в поэтическом ядре зависит от трёх факторов. **Первый фактор** – интервалы времени. Между ПЯ Г. Державина (XVIII век) и А. Пушкина (XIX век) количество общих лексем из 20 наиболее частых имён существительных равно 13. Между ПЯ Г. Державина (XVIII век), А. Пушкина (XIX век) и М. Цветаевой

(первая половина XX века) количество общих и наиболее частых имён существительных снижается и равно 9. Между ПЯ Г. Державина (XVIII век), А. Пушкина (XIX век), М. Цветаевой (первая половина XX века) и И. Бродского (вторая половина XX века) количество общих и наиболее часто используемых имён существительных ещё более уменьшается и равно 6. Наконец, от Г. Державина до начала XXI века включительно в поэтическом ядре остаётся 4 общих лексемы из 20 выбранных. Таким образом, **ядро поэтического языка** (количество общих и частых имён существительных) *со временем уменьшается*.

Второй фактор, от которого зависит величина поэтического ядра, количество наиболее частых имён существительных, взятых из частотных списков поэтов для анализа (в нашем случае 20). Но если взять 5 наиболее частых существительных, то в ядре не окажется ни одной общей лексемы. Если взять 10 существительных, то найдётся одна общая лексема – «*день*».

При 15 существительных, в ядро добавится ещё одна общая лексема «*любовь*». При 20 наиболее частых существительных в ядре появятся ещё две лексемы: «*жизнь*» и «*рука*». Таким образом, **величина ядра поэтического языка возрастает с увеличением количества лексем, взятых из частотных списков поэтов для анализа**.

Третий фактор, от которого зависит величина поэтического ядра, количество поэтов, выбранных для анализа в каждой эпохе. В работах [10–12] найдены *лексические нормы* для каждой эпохи. Были взяты 10 поэтов XVIII века, 10 поэтов XIX века, 15 поэтов первой половины XX века, 15 поэтов второй половины XX века, 14 российских и 10 русскоязычных поэтов начала XXI века (всего 74 поэта и 3,7 миллиона словоформ). По этим данным и лексическим нормам можно уточнить ядро поэтического языка русских поэтов XVIII–XXI веков.

5. Расщепление поэтического ядра на падежные словоформы и полнота использования лексем в языке поэтов

Как известно, процесс расщепления атомного ядра физиками не прост, также как процесс «расщепления» поэтического ядра «лириками». Поэтому термин «расщепление» поэтического ядра языка был заимствован из физики, чтобы показать его сложность.

Целью «расщепления» поэтического ядра на падежные словоформы является оценка полноты использования лексем в языке поэтов. Шесть падежей в единственном и шесть во множественном

числе дают 12 падежных словоформ лексемы и важно знать, насколько полно поэты используют в своём ПЯ все эти 12 словоформ.

Введём критерий полноты использования (ПИ) лексемы (не путать с числом $\pi = 3,14$ в математике), равный отношению количества использованных падежных словоформ лексемы в языке поэта к максимально возможному количеству словоформ – 12.

Возьмём наиболее стабильную лексему в ядре поэтического языка – лексему «*день*» и «расщепим» её по падежным словоформам в ПЯ поэтов.

Для подсчёта ПИ необходимо знать, использовалась ли конкретная падежная словоформа лексемы в поэтическом языке поэта или нет.

Не столько важны абсолютные величины частот, сколько сам факт: частота словоформы лексемы в ПЯ поэта больше нуля (словоформа использовалась) или равна нулю (словоформа не использовалась).

Основная трудность состоит в том, что в поэтическом корпусе русского языка (ПКРЯ), как известно, *омонимия не снята*, и это не даёт возможности *точно найти частоты употребления при расщеплении лексемы на падежные словоформы*. Например, если задать в ПКРЯ в окне «слово» значение «*дне*», как предложный падеж леммы «*день*» в ед. ч., то в ПЯ Г. Державина получим одно вхождение. Однако проверка показывает, что эта словоформа относится к лемме «*дно*»:

И ты, Вулкан, что пред горнами

В дне ада молнию куешь!

И ты, о Феб, что нам стрелами

Златыми свет и жизнь лиешь!

Г. Р. Державин. «*Сидевша об руку царя...*» (1796)

Кстати, аналогичный пример с предлогом «в» и выражение «в адово дно» есть в словаре «*Слова о полку Игореве*»: Дно (1) 1. Глубина:

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Рускаго злата насыпаша. 22.

1091: И придоста (Стефан и Климент) к печерѣ, и не видѣста ничто же, и придоста **дну** в печеру, нам сѣдѣемъ у мощий его. *Пов. врем. лет, 139 (1377 г. ← нач. XII в.)*. Како ти, брате, бѣси насъ своими лестми от бога удаляют, а съ собою **въ адово дно** влекут. *Сл. и поууч. против языч., 69 (XIV в.)*. Възъярить бо ся небо, и земля потрясется

из **дѣна** своего. *Библ. Генн., Ис. XIII, 13 (1499 г.)*. Да въ той пещерѣ изъ долу есть кладесь, вода бѣла и сладка, да во **днѣ** кладезя видѣти яко звѣзда въ воде. *Хож. Триф. Кор.-1, 44 (XVII в. ← 1593—1594 гг.)*.

(См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве: в 6 выпусках / АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз; Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984 / Б. Л. Богородский, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов; В. Л. Виноградов).

В ПЯ Г. Державина также не использована ещё одна словоформа «**днями**» в творительном падеже мн. числа, т.е. ПИ = $10/12 = 83\%$.

У А. Пушкина словоформа «**дне**» (предложный падеж, ед. ч.) встречается в ПКРЯ 8 раз, что хорошо подтверждается «Конкордансом к стихам А. С. Пушкина» Дж. Т. Шоу [31, 38], где словоформа «**дне**» упоминается 7 раз, но только один раз как словоформа леммы «**день**»:

*Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О **дне** минувшем.*

А. С. Пушкин. «*На берегу пустынных волн...*» (Медный всадник (1833))

Наиболее редкий падеж у А. Пушкина – *дательный* в ед. и мн. числе лексемы «**день**» – упоминается по одному разу. Однако в поэтическом языке А. Пушкина использованы все 12 словоформ лексемы «**день**» и полота использования (ПИ) лексемы равна 100%.

6. Расщепление других лексем ядра поэтического языка

Аналогично лексеме «**день**» можно посмотреть «расщепление» на падежные словоформы трёх других лексем ядра поэтического языка: «**рука**», «**жизнь**», «**любовь**».

Лексема «**рука**» была использована в ПЯ всех поэтов во всех падежах единственного и множественного числа 12 раз, кроме Г. Державина, у которого в дательном падеже множественного числа словоформа «**рукам**» имеет частоту употребления 0, т. е. не использовалась.

Лексема «**жизнь**» была использована в ПЯ всех поэтов во всех шести падежах единственного числа, но во множественном числе картина более сложная. Лексема поэтического ядра «**жизнь**» даёт в творительном падеже множественного числа словоформу «**жизнями**». Этой редкой словоформы нет в поэтическом языке

Г. Державина, А. Пушкина, И. Бродского, А. Горбуновой, но она встречается один раз у М. Цветаевой в замечательном переводе с грузинского известной поэмы «Этери» Важи Пшавелы (1861–1915) [27]:

Вся земля с ее дарами
Притекает к нам в лари.
Бог не трогает алмазов;
Звезд не трогают цари.
Но такая же – и пуще –
Власть над *жизнями* у нас.
Тысячи и сотни тысяч
Ринутся по взгляду глаз.
Грозные царевы брови:
Только бровью он повел –
Тысячи, как я, безусых
Спустятся в могильный дол.
Мы, цари, всему владыки,
Кто так властен и высок?
А царевича пастушка
Презирает, как песок.

М. И. Цветаева. «*Выше глаз уходят горы...*» (Этери (1940))

Лексема «*любовь*» была использована в ПЯ всеми поэтами во всех шести падежах единственного числа. Но во множественном числе в родительном падеже лексема даёт редкую словоформу «*любовей*».

Этой редкой словоформы нет в ПЯ Г. Державина, А. Пушкина, М. Цветаевой и современных поэтов, но она встречается один раз у И. Бродского:

Тогда, когда *любовей* с нами нет,
тогда, когда от холода горбат,
достань из чемодана пистолет,
достань и заложь его в ломбард.

И. Бродский. «*Тогда, когда любовей с нами нет...*» (Романс Скрипача (1961))

Если будет снята омонимия в поэтическом корпусе русского языка, то можно будет провести более детальное расщепление лексем по падежным словоформам в поэтическом языке выдающихся поэтов и более точно определить полноту использования (ПИ) важных лексем в языке поэтов XVIII–XXI веков.

7. Заключение и основные результаты исследования

Проведён сопоставительный анализ имён существительных поэтическом языке (ПЯ) выдающихся и наиболее плодотворных

русских поэтов XVIII–XX веков: Г. Державина, А. Пушкина, М. Цветаевой, И. Бродского, а также современных российских поэтов XXI века. Показана эволюция имен существительных ПЯ русских поэтов: какие лексемы убывают из первых рядов ПЯ (например, «душа»), какие появляются в нём (например, «земля»), а какие пребывают в ПЯ постоянно все три века русской поэзии и составляют его ядро. Определено ядро ПЯ – множество общих имён существительных (лексем), находящихся постоянно в первых наиболее частотных рядах ПЯ выдающихся поэтов на протяжении трёх веков русской поэзии.

Показано как идёт процесс транзита, изменения ядра ПЯ во времени и какие лексемы остаются в ядре поэтов XVIII–XXI веков. Ядро ПЯ можно условно разделить на три категории: природа (лексема «день»), телесность (лексема «рука») и метафизика (лексемы «жизнь» и «любовь»).

Введено понятие «полнота использования» (ПИ) лексемы по падежам и сопоставлены падежные словоформы лексем ядра в ПЯ поэтов разных эпох, их частоты упоминания, ранги и количество использованных падежей. Введено также понятие «расщепление» лексем ядра ПЯ на падежные словоформы, описаны трудности расщепления ядра, связанные с тем, что в поэтическом корпусе русского языка не снята омонимия.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. Цифровые методы современной филологии: возможности и ограничения // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV международной. молодежной научно-практической конференции, 18-20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 9–11.
2. Бродский И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Санкт-Петербург: Лениздат, 2005.
3. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словари поэтического языка поэтов XIX века. М.: Флинта; Наука, 2013–2018.
4. Гаспаров М. Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, доклады российской делегации. Краков, 1998. С. 168–181.
5. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009. 1087 с.

6. Марголис Я. М. Количественный анализ словарей и транзита русскоязычной поэзии // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 46–75.
7. Марголис Я. М. Транзит языка русских поэтов XXI века во времени и в пространстве // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 11–49.
8. Марголис Я. М. Транзит имён существительных русского поэтического языка от Пушкина до нашего времени. // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 50–76.
9. Марголис Я. М. Язык русских поэтов XXI века. Сопоставительный анализ. Доклад в университете Трира, 7.07.2021.
10. Марголис Я. М. Лексические нормы Золотого и Серебряного веков русской поэзии // Libri Magistri. 2021. № 3 (16). С. 13–42.
11. Марголис Я. М. Эгоцентризм поэтов разных эпох. Сопоставительный анализ // Libri Magistri. 2021. № 3 (16). С. 43–68
12. Марголис Я. М. Цвета радуги в языке русской поэзии. Сопоставительный анализ // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). (в печати).
13. Материалы к Частотному словарю языка А. С. Пушкина. Институт русского языка, Институт языкознания, сектор структурной и прикладной лингвистики: (проспект). Москва: [б. и.], 1963. 50 с.
14. Пиперски А. Частотность в языке. ПостНаука, 2016. URL: <https://postnauka.ru/video/56829> (дата обращения: 10.03.2021).
15. Пеньковский А. Б. Исследования поэтического языка Пушкинской эпохи / Предисл. Каленчук; Изд. подгот. И. А. Пильщиков, В.С. Поливанова, И.С. Приходько; под общ. ред. И. А. Пильщикова. Москва: Знак, 2012, 660 с.
16. Поэтический корпус русского языка (ПКРЯ), новая версия в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.02.2021).
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Москва: Наука, 1937–1959.
18. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. № 4. С. 106–118.
19. Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 148–166.
20. Русскоязычная поэзия в транзите, исследовательский проект университета Трира, Германия, рук. Х. Шталь, 2017–2021.
21. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. В. В. Виноградов, 1956–1961 (1-е изд.), 2000 (2-е изд.), Москва: Азбуковник, 2000.

22. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII / сост. Л. Л. Шестакова (отв. ред.), А. С. Кулева (ред.), А. В. Гик. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2001–2019.
23. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 6 т. / сост. И. Ю. Белякова, И. П. Оловянникова, О. Г. Ревзина. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.
24. Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии первой половины XIX века: Обзор работ Г. Хьетсо за 1973–1985 годы. Состав. В. Баевский // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 5. С. 452–457.
25. Фрумкина Р. М. О статистическом исследовании словарного состава текстов А.С. Пушкина. Материалы к Частотному словарю языка Пушкина (проспект). Москва, 1963. 5 с.
26. Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. Москва: Наука, 1964. 115 с.
27. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Москва: Изд-во Эллис Лак, 1997–2015.
28. Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова / Под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича; Сост. Авдеева А. А., Бородин В. В., Быкова Н. Я., Козокина С. М., Гордеева Н. А., Макарова Л. А., Шайкевич А. Я. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.». Москва: Сов. Энцикл., 1981. С. 717–774.
29. Частотный словарь языка Пушкина, ИРЯ, машинопись. Москва, 1963. 403 с. URL: <https://bit.ly/36twl15> (дата обращения: 10.01.2021).
30. Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет»: о возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках. Вместо послесловия // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 875–905.
31. Шоу Дж. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: в 2 т. Предисловие М.Л. Гаспарова. Москва: Языки славянской культуры, 2000.
32. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. / Изд. подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир. Под общей ред. М. И. Шапира. Москва: Языки славянских культур, 2006. 927 с.
33. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis. Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. 1983. 51 p.
34. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979. Pp. 204–215.

35. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020. URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (дата обращения: 02.12.2020).
36. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995.
37. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002. Slavistik, McGill University, Montreal, Canada.
38. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Digital methods of modern philology: opportunities and limitations // World literature through the eyes of modern youth. Digital Age: Collection of IV International Materials. youth scientific and practical conference, September 18-20, 2018 / scientific. ed. S. V. Rudakova. Magnitogorsk: Magnitogorsk Publishing House. state tech. un-ta them. G. I. Nosova, 2018. Pp. 9–11. (In Russian)
2. Brodsky I. A. Collected works in 6 volumes. Leningrad: Lenizdat, 2005. (In Russian)
3. Vasiliev N. L., Zhatkin D. N. Dictionaries of the poetic language of the 19th century poets. Moscow: Flint; Science, 2013-2018. (In Russian)
4. Gasparov M. L. Exact methods for analyzing grammar in verse. Slavic linguistics. XII International Congress of Slavists, reports of the Russian delegation, Krakow, 1998. (In Russian)
5. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik, 2009. (In Russian)
6. Margolis Ya. M. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian-language poetry // Libri Magistri. 2020. №4 (14). Pp. 46–75. (In Russian)
7. Margolis Ya. M. Transit of the language of Russian poets of the XXI century in time and space // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). Pp. 11–49. (In Russian)
8. Margolis Ya. M. Transit of nouns of the Russian poetic language from Pushkin to our time // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). Pp. 50–76. (In Russian)

9. Margolis Ya. M. The language of Russian poets of the XXI century. Comparative analysis. Report at the University of Trier, 7.07.2021. (In Russian)

10. Margolis Ya. M. Lexical norms of the Golden and Silver ages of Russian poetry // Libri Magistri. 2021. № 3 (16). Pp. 13–42. (In Russian)

11. Margolis Ya. M. Egocentrism of poets of different eras. Comparative analysis. // Libri Magistri. 2021. № 3 (16). Pp. 43–68. (In Russian)

12. Margolis Ya.M. The colors of the rainbow in the language of Russian poetry. Comparative analysis. // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). (in press). (In Russian)

13. Materials for the Frequency dictionary of the language of A. S. Pushkin. Institute of the Russian Language, Institute of Linguistics, Sector of Structural and Applied Linguistics. (Prospekt). Moscow: [b. i.], 1963. 50 p. (In Russian)

14. Piperski A. Frequency in language. PostNauka, 2016. URL: <https://postnauka.ru/video/56829> (accessed 10.01.2021). (In Russian)

15. Penkovsky A. B. Studies of the poetic language of the Pushkin era: / Preface. Kalenchuk; Ed. prepare I.A. Pil'shchikov, V.S. Polivanova, I.S. Prikhodko; under total. ed. I.A. Pil'shchikova. Moscow: Znak, 2012, 660 p. (Classics of Russian philology). (In Russian)

16. Poetic Corpus of the Russian Language (PCRL), new version in the National Corpus of the Russian Language (RNC), 2018. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 10.01.2021). (In Russian)

17. Pushkin A. S. Complete works in 16 volumes. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow: Science, 1937–1959. (In Russian)

18. Rudakova S. V. To the question of the originality of A. S. Pushkin's ideas about happiness in his early lyrics // Libri Magistri. 2020. № 4. Pp. 106–118. (In Russian)

19. Rudakova S. V. «The winged moment of happiness»: the phenomenon of happiness in the lyrics of K. N. Batyushkova // Libri Magistri., 2021. № 1 (15). Pp. 148–166. (In Russian)

20. Russian-language poetry in transit, research project of the University of Trier, Germany, hands. H. Stahl, 2017–2021. (In Russian)

21. Dictionary of Pushkin's language in 4 volumes, otv. ed. acad. V.V. Vinogradov, 1956–1961 (1st ed.), 2000 (2nd ed.), Moscow, Azbukovnik, 2000. (In Russian)

22. Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century. Volume I–VIII, comp: L. L. Shestakova (editor-in-chief), A. S. Kuleva (ed.),

A. V. Gik. Moscow: Publishing House yask, 2001-2019. (Studia philologica). Institute of the Russian language (IRL) RAS. (In Russian)

23. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva in 6 volumes, compiled by I.Yu. Belyakova, I.P. Olovyannikova, O. G. Revzin, House-Museum of Marina Tsvetaeva, 1996-2004. (In Russian)

24. Thematic and key words in the language of Russian poetry of the first half of the XIX century: Review of the works of G. Hietso for 1973-1985. Structure. V. Baevsky // Izv. Academy of Sciences of the USSR. Ser.lit. and lang. 1986. No. 5. (In Russian)

25. Frumkina R.M. On a statistical study of the vocabulary of texts by A. S. Pushkin. Materials for the Frequency Dictionary of Pushkin's Language. Prospekt. Moscow, 1963. 5 p. (In Russian)

26. Frumkina R. M. Statistical methods of vocabulary learning. Moscow: Nauka, 1964. 115 p.

27. Tsvetaeva M. Collected Works. Moscow: Ellis Luck, 1997–2015. (In Russian)

28. Frequency dictionary of the language of M. Yu. Lermontov / Ed. V. V. Borodin, A. Ya. Shaikevich; Compiled by Avdeeva A. A., Borodin V. V., Bykova N. Ya., Kozokina S. M., Gordeeva N. A., Makarova L. A., Shaykevich A.Ya. // Lermontov Encyclopedia / Academy of Sciences of the USSR. Inst rus. lit. (Pushkin. House); Scientific-ed. Council of the publishing house «Sov. Encyclopedia». Moscow: Sov. Encycl., 1981.

29. Frequency dictionary of Pushkin's language, IRYa, typescript 403 p., 1963. (In Russian)

30. Shapir M.I. «You have no number and measure»: about the possibilities and limits of «exact methods» in the humanities. Instead of an afterword to the book // Yarkho B. I. Methodology of exact literary criticism. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2006. (In Russian)

31. Shaw J. T. Concordance to the poems of A. Pushkin. Vol. 1, 2. Foreword by M. L. Gasparov. Moscow: Languages of Slavic culture, 2000. (In Russian)

32. Yarkho B. I. Methodology of Exact Literary Studies. Selected works on the theory of literature. / Ed. prepare M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov and M. I. Shapir. Under the general ed. M. I. Shapira. Moscow: Languages of Slavs. Kultur, 2006, 927 p. (In Russian)

33. Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis / Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk institutt. Meddelelser. №. 33. 1983. (In English)

34. Kjetsaa G. A Quantitative Norm for the Use of Epithets in the Age of Puškin // Russian Romanticism. Stockholm, 1979. (In English)

35. Margolis J. Quantitative analysis of dictionaries and transit of Russian poetic language. University Trier, Abstract, Germany, 2.12.2020, URL: <https://bit.ly/2KZsUBp> (accessed 02.12.2020). (In English)

36. Oerthel F., Tuschl S. Statistische Datenanalyse mit dem Programmpaket SAS. Universität Passau, R. Oldenburg Verlag, München, Wien, 1995. (In English)

37. Patera T. A Concordance to the Poetry of Joseph Brodsky, Books 1-6, The Edwin Mellen Press, 2002 (Slavistik, McGill University, Montreal, Canada). (In English)

38. Shaw J. T. Pushkin: A Concordance to the Poetry, Slavica Publishers, 1985. (In English)

THE CORE OF SUBSTANTIVES USED IN THE RUSSIAN
POETIC LANGUAGE
IN THE 18TH – 21ST CENTURIES

Jakob M. Margolis, Dr., Trier University, Germany

Abstract

The goal of this research is the comparative analysis of the use of substantives in the poetic language (PL) of outstanding and most productive Russian poets of the 18th – 20th centuries: G. Derzhavin, A. Pushkin, M. Tsvetaeva and J. Brodsky, as well as contemporary poets of the 21st century. The lists of frequencies of the use of substantives in the PL are compiled and their change in time is shown: which lexemes disappear from the most used (e.g., “soul”), which come up (e.g., “earth”) and which remain frequently used in the Russian PL during the centuries and form its core.

The core of the PL is found, which is defined as the set of substantive lexemes which remain among the most frequently used among the analyzed outstanding poets. The development of the core is shown and it is demonstrated how the core of common lexeme shrinks among the poets of the 18th – 21st century. The core is provisionally divided into three parts (concepts): nature (lexeme “day”), corporeality (lexeme “hand”) and metaphysics (lexemes “life” and “love”).

The term “completeness of use” of a lexeme by cases in the PL is introduced. A splitting of the poetic core by cases is demonstrated and the types of different lexemes in the PL of poets from Derzhavin to our days are compared. Studying the lexeme “day” with a manual homonym analysis it is shown that the completeness of use of the lexemes is higher in the PL of Pushkin than in that of Derzhavin. Rare types of the lexemes’ “life” and “love” in the PL of Tsvetaeva and Brodsky are also exhibited.

Keywords: Core of the Russian poetic language (PL), splitting of the poetic core, substantives, comparative analysis, frequency and rank of lexemes, completeness of the use of lexemes, word-form, word use, Derzhavin, Pushkin, Tsvetaeva, Brodsky, dictionary, concordance

Для цитирования: Марголис Я. М. Ядро имён существительных в языке русских поэтов XVIII–XXI веков // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 38–59.

Поступила в редакцию 23.06.2021

РАЗДЕЛ II. НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА В ЛИТЕРАТУРЕ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_60

А. В. Петров¹
*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
alexpetrov72@mail.ru*

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ЧУВСТВ: ЧУЖОЕ СЧАСТЬЕ КАК КАЗУС В СТИХАХ А. С. ЯКОВЛЕВА²

В работе сквозь призму «истории эмоций» рассматриваются стихотворения и поведенческие реакции знаменитого русского актера рубежа XVIII–XIX вв. А. С. Яковлева. Внимание автора статьи сосредоточено на таком «казусе», как «чужое счастье» и собственное несчастье – феноменах, о которых постоянно пишет Яковлев-поэт и говорит Яковлев – человек и актер. Под «казусом» понимается нечто необычное, резко индивидуальное в жизни, поведении и творческой деятельности человека. Все мемуаристы настойчиво повторяют мысль о роковом влиянии на жизнь Яковлева его безответной и мучительной для него любви к некой замужней актрисе, с которой он, по-видимому, не раз играл на театре сцены любви, супружеской жизни, ревности и т. д. В ряде своих стихотворений, вполне эпигонских и дилетантских, однако наполненных искренними чувствами, Яковлев не раз желает счастья молодоженам, будь то его приятель и его жена или великий князь Николай Павлович и его невеста, великая княжна Александра Феодоровна. Когда же актер и поэт говорит о себе, то описывает свои любовные страдания и несчастья. Много говорит

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.», № 20-512-23007.

о том, что жизнь, литература и театр составляли для Яковлева нерасторжимое целое, что сыгранные им роли, любимые им лирические жанры и характерные для них эмоции, собственная одинокая жизнь отвергнутого влюбленного – всё это определило его стремление к страданиям и несчастью, с одной стороны, внимание и повышенный интерес к чужому счастью – с другой.

Ключевые слова: история чувств и эмоций, счастье, несчастье, страдание, микроистория, актер А. С. Яковлев, дилетантская поэзия, эпиталама, театральная и литературная культура рубежа XVIII–XIX вв.

Если *история идей* как научная дисциплина насчитывает уже более ста лет и продолжает активно развиваться, охватывая всё новые и новые области (см. [6; 8; 23]), то *история чувств и эмоций* заявила о себе в научном дискурсе лишь в конце XX века. С 2010-х гг., прежде всего на Западе, нарастает поток соответствующих штудий [1; 2; 3; 16; 18; 27; 28; 29; 30]. Материалом этих исследований становятся, как правило, эго-документы: дневники, мемуары, частная и официальная переписка, а также судебная и медицинская документация. Речь в целом идет об *истории частной жизни конкретных индивидов* [24, 10], т. е. о *микроистории*. Размышляя о её специфике, Ю. Л. Бессмертный указывает, в частности, на «специальное внимание к индивидуальным чертам исследуемых феноменов; нацеленность на осмысление уникальных в помыслах и поведении исторических персонажей; акцент на изучение явлений, выпадающих («выламывающихся») из доминирующей социальной системы и способных содержать разные потенции исторического развития. Микроистория сочетается с макроисторией по «принципу дополнительность», что, в частности, предполагает и их нераздельность, и их неслиянность» [24, 25]. В исследуемых документах представители «исторического микроанализа» ищут случайные «проговорки», необычные словесные формы и формулы – «редкостные, нестандартные казусы разного рода», все то, что говорит об отступлениях от правил и стереотипов, выработанных в частной и публичной сферах жизни определенного времени и этноса [24, 12].

При этом «эмоциональный поворот» («*emotional turn*») в современной гуманитарной науке мало затронул литературоведение (см. [18; 19; 26]). В результате «за бортом» оказался тот огромный пласт печатного слова, в котором «оговорки» и «проговорки» составляют порой самую его суть. Речь идет о художественной литературе, а точнее, о поэзии.

Связь личной жизни писателя и жизни общественной – общее место литературоведения XX–XXI вв., однако увидеть эту связь сквозь призму *истории эмоций* удастся нечасто и немногим. В ряде своих монографий и статей, посвященных литературной и праздничной культуре России XVIII–XX вв., я уделял внимание *историческим чувствам, любви, дружбе, скорби, надежде, переживанию счастья* (см. [4; 11; 13; 15]). В данной статье это исследование будет продолжено. Материалом для него послужат несколько стихотворений разных жанров знаменитого некогда русского актера **Алексея Семёновича Яковлева** (1773–1817).

Как поэт Яковлев был мало известен современникам и при жизни почти не печатался. Однако биографы актера подчёркивают, что стихотворство было первой и «сильнейшей его страстью», составляя «главную основу его жизни, характера и деятельности» [5, 13]; только в его стихотворных сочинениях, считал театральный критик и драматург Р. М. Зотов (1795–1871), можно найти «разгадку многих частностей его жизни» [5, 3]. В год столетнего юбилея начала сценической деятельности Яковлева театральный критик и педагог Д. Д. Коровяков писал: «Можно смело сказать, что сознание себя поэтом не только предшествовало у Яковлева сознанию себя актером, но и преобладало над сим последним в течение всей его жизни. Как на сцене, так и вне её, до самой своей смерти Яковлев был прежде всего поэтом, лирически настроенным в возвышенно-мистическом или торжественно-патриотическом духе поэзии того времени» [7, 9].

Через десять лет после смерти актёра А. Смирдин издал его сочинения, включившие 28 стихотворений и пьесу [22]. Жанровый состав и структура этой небольшой книжки традиционны для начала XIX века: 3 духовные оды, 6 торжественных од, 2 послания, 2 сатиры, 15 «мелких стихотворений», среди которых любовная лирика, надписи и стихи «на случай». По меньшей мере духовная и любовная лирика купца-самоучки небезынтересна, отличается силой и искренностью чувств. Оды торжественные, посвящённые Екатерине II, Павлу I, Александру I и великому князю Николаю Павловичу, написаны по большей части в ломоносовском духе и, несомненно, одушевлены непритворным верноподданническим и патриотическим пафосом. Самой бесцветной среди этих шести «лирических стихотворений» (название раздела с одами) оказалась эпитапея – ода на бракосочетание великого князя Николая Павловича в 1817 году. Отмечу, что Р. М. Зотов считал её лучшей из торжественных од Яковлева, никак не объяснив, однако, своего мнения.

«Замечательным» ему показалось то, например, что поэт как бы сумел предвидеть, что «Августейшей Чете предназначено царствовать» (хотя это обычный топос од на династические браки), и что писал он эту оду «уже на одре болезни» [5, 14]. Остановлюсь на этом последнем моменте подробнее, поскольку именно биографические факты и изучение эмоций помогают прояснить интерес поэта-актера к событию, казалось бы, столь далёкому от его личных проблем и тревог.

Обручение Великого Князя Николая Павловича (1796–1855; с 1825 – император Николай I) с Её Королевским Высочеством Прусской Принцессой Фредерикой Шарлоттой Вильгельминой (1798–1860), наречённой 24 июня 1817 г. Благоверной (Великой) княжной Александрой Феодоровной, состоялось 25 июня. 1 (13) июля был совершён обряд бракосочетания; празднества с перерывами длились до 22 июля. Вспоминая день 1 июля 1817 г., Александра Феодоровна писала: «Я чувствовала себя очень, очень счастливой, когда наши руки соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды» [25, 91].

Как раз в июле 1817 г., когда в Петербурге торжественно праздновалось бракосочетание царственных особ, у Яковлева начала прогрессировать предсмертная болезнь, унесшая его жизнь 3 ноября. Актер, который с 1814 г. почти не выходил на сцену, играл тогда заглавную роль в «Отелло». По воспоминаниям Ф. А. Кони, «артист побледнел, зашатался и без чувств рухнул на пол в тот трагический момент, когда Отелло должен убить любимую женщину и когда в его руках оказалась, в роли Дездемоны <...> та самая женщина, любовь к которой испортила ему всю жизнь» (цит. по [7, 48]).

Двумя годами ранее, в июле 1815 г., Яковлев тоже играл в «Отелло», и представление 13-го числа этого месяца было отменено «за болезнью» актера. Болезнью была любовная страсть к замужней женщине из театральных кругов, терзавшая Яковлева много лет. Лирический дневник этих мучительных переживаний – в его стихах. В одном из них, «К любезной», запечатлена целая гамма противоречивых чувств, и в частности, указаны причины тоски и страданий лирического героя:

На то ль свободу я оставил,
Чтобы вздыхая, слезы лить?
Меня злой рок любить заставил,
Тебе – претить меня любить.

Претить, и, к моему страданию,
Тебя с любезным сочетал,
И страсти вашей к увенчанию,
Залог супружества вам дал [22, 77].

Чтобы заглушить мучившее его чувство, Яковлев 16/17 августа 1815 г. женится на 17-летней актрисе Екатерине Ивановне Ширяевой. Однако, как патетически пишет его биограф и сочувственный, он «не мог истребить из сердца первого впечатления любви. Любовь, чрез два года с небольшим после женидьбы, низвела его во гроб!» Он же приводит слова Яковлева, якобы сказанные им перед женитьбой: «Я женюсь, схвачусь, как утопающий, ища спасения, за бритву... но пробуждение мое будет ужасно!» [21, XIV].

Очевидно, что натура поэта и роли, им сыгранные, соединившись, сформировали характер *романтический*, с «пламенной душою», как тогда говорили [21, XI]. Похоже, что жизнь и искусство (театр, поэзия) составляли для Яковлева единое пространство возвышенных, сентиментальных и каких-то яростно-драматических чувств. Так, исповедуясь ближайшему другу, Грише Жебелеву, он, по сути, говорит словами своих ролей: «Ж..., я очень несчастлив! я чувствую адское терзание в груди моей: болезнь душевная неизлечима! и терзанию моему нет лекарства в здешней жизни». На вопрос Гриши, почему тот не женится, если «находит в том щастие», Яковлев «горестно зарыдал, закрыв лицо руками», и признался, что не может влюбиться в другую женщину, «найти подобную душу, сердце». Затем, объясняя свое увлечение алкоголем, добавил: «“Кто видит, как мучительны для меня дни! Часто, очень часто, сидя один дома, прихожу в ужасное отчаяние – и дом мой кажется мне пустынею!” И ударив себя в грудь, сказал: “Не знаю, чем утишить змею, грызущую эту бедную грудь!”» Когда под утро Яковлев стал собираться, то на вопрос Жебелева, куда он идет, ответил: «В ад! В ад!» [20, 77; 21, XI–XII]. Не удивительна в этом контексте и попытка самоубийства, совершенная актером, как считается, в припадке белой горячки, 24 октября 1813 г., прямо в театральной уборной, когда на сцене шел «Недоросль» [7, 45].

У меня нет сомнений, что соответствующая, рубежа XVIII–XIX веков, театральная и литературная культура и особенно роли ревнивцев и несчастных любовников в драмах, мелодрамах и трагедиях, которые постоянно играл Яковлев, сформировали у него устойчивое, во многом бессознательное желание... *быть несчастливым*. В этом состоянии, кстати, он явно черпал

и поэтическое и актерское вдохновение – феномен, хорошо известный психологам и историкам литературы и театра.

Из известных писателей той же эпохи, упорно стремившихся к несчастью и построивших на этом свой жизненный и художественный мир, можно назвать В. А. Жуковского (см. [9]).

Соответственно, одной из неотступно сопровождавших Яковлева тем – и в жизни, и на сцене, и в его поэзии – была тема брака, счастливого и несчастного супружества. Самое его поэтическо-театральное творчество началось с этой темы – с написания пьесы «Отчаянный любовник» (1793). Ни о какой несчастной и безответной любви самого Яковлева на тот момент и речи не шло. Поводом же для написания «трагического происшествия» послужило самоубийство от несчастной любви некоего офицера, наделавшее шуму в Петербурге. Главный герой мелодрамы, Пылкосерд, лишившись надежды на соединение с любимой, «пронзает себя кинжалом», написав в предсмертном письме:

Лишась надежды брак желанный совершить,
В чем буду я себе утеху находить?..
О смерть, единое мучений облегченье!
Простри длань на меня, и дней прерви течение.
Железо холодное! пронзи горящу грудь,
Сверши ты часть мою, открой к покою путь! [22, 112]

По сути, «программа» жизни и смерти была уже намечена Яковлевым в 1793 году.

С брачной темой связаны оба послания поэта и актера, хотя одно из них является полушутливой просьбой к приятелю, а другое – новогодним поздравлением. Адресата «Письма к С. И. К.», некоего Сергея Ивановича, Яковлев просит вернуть ему книгу Плутарха. Мотивация его довольно простая и оригинальная: во-первых, поэт говорит, что ему «без Плутарха скучно жить». Во-вторых, приятель поэта – С. И. К. недавно женился, и ему явно недосуг читать серьезные книги:

Еще на алтаре, пред коим вы судьбою
Спряглись с прекрасною и редкою женою,
Дымится фимиам,
Несяся к облакам.
Гимена пламенник час от часу светлеет,
И сам Амур, четой щастливою пленен,
Супругов и красу и молодость лелеет,
Свивая гнездышки меж вашей спальни стен;

Итак, досуг ли вам за книги приниматься,
По Риму, Греции нахмурия скитаться? [22, 53–54]

Необычно само противопоставление Плутарха и семейного счастья молодых. Неважно, какую именно книгу античного философа и историка Яковлев просил ему вернуть – «Сравнительные жизнеописания» или «Изречения» (наиболее популярные в России XVIII – начала XIX в.). И та, и другая содержат стоическую философию и предлагают образцы героического поведения и патриотизма (см. [10; 17]). Недоступное ему личное счастье в любви и браке Яковлев заменяет другой поведенческой моделью, привычной по театральным ролям, – счастья в любви к добродетелям и родине (= несчастья в личной жизни).

Ту же стоическую любовь к добродетелям в противовес счастью в любви к женщине-супруге находим и в «Послании к А. И. А. на новый 1812 год». Там среди тех подарков, которые наступающий год приносит людям, названы такие:

Одному дает невесту,
Той сряжает жениха,
Тех пристраивает к месту,
А иным и – треуха.
Что же делать? Что? – молчать,
Смирно долго ожидать [22, 52].

Счастье распределяется Фортуной, и она не властна лишь над добродетелью:

Добродетель лишь одна
Без Фортуны не бедна [22, 52].

Завершается послание благопожеланиями «любезной Анете» – замужней женщине, а также плохо скрываемой завистью к ее супругу:

Пусть любезная Анета
Беспечально дни ведет,
Пусть всегда луч первый света
Ей веселья подает;
Пусть все ближние ее
Зрят в ней щастие свое;

Пусть супруг в ней видит радость
И утеху мирных дней!
Не проходит тамо младость,

Где живет душа душой;
О как щастлив тот супруг,
У кого супруга – друг! [22, 52–53]

Апогеем исследуемого *казуса* – постоянного, явно бессознательного влечения актера и поэта к созерцанию *чужого счастья*, т. е. убежденности в невозможности личного, для себя счастья в любви и браке, и можно считать упомянутые выше «Стихи на бракосочетание Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Николая Павловича с Ея Императорским Высочеством Государынею Великою Княжною Александрою Феодоровною».

В самом деле, зачем тяжело больному актёру, мучительно уходящему из жизни, сочинять стихотворное поздравление высокопоставленным лицам, которых он, по-видимому, совсем не знал, и причём к «случаю» интимному? Описанный выше жизненный и творческий контекст, который точнее всего обозначен самим Яковлевым в названии его пьесы – «отчаянный любовник», позволяет утверждать: эпиталама юным влюблённым как бы вобрала в себя все те надежды и мечты, которым не суждено было сбыться в его собственной жизни. Брачные стихи оказались завещанием умирающего от несчастной любви, который благословляет тех, кто должен быть счастливым и в любви, и в семейной жизни.

Об обращении поэта, быть может, неосознанном, к заклинительно-магическому потенциалу жанра косвенно свидетельствует и то, что написана эпиталама той же 6-стишной строфой, что и новогоднее послание. Это последнее, напомним, содержало благопожелания некой женщине, скрытой под инициалами А. И. А. *Новолетие* и *бракосочетание* – два сакральных, «переходных» случая в жизни человека, когда магические заклинания и пожелания счастья очень нужны и как никогда действенны (см. [12; 14]). Особенно же примечательно то, что главным адресатом благопожеланий эпиталамы 1817 г. является, как и в эонических стихах 1812 г., женщина:

А ты, кровь Фридриха героя,
Дщерь знаменитого в Царях!
Супругу щастие устроя,
Блаженствуй в Северных странах!
Умножь Богинь Российских лик,
Который милостью велик.
<...>

Ты крин, из сада пресаженный,
На новый злачный брег щастлив.
Цвети же в наши дни блаженны,
Под сенью лавров и олив!
К тебе Борей не прикоснется,
Доколь ток Невский не прервется [22, 48].

Лирическим откровением эпиталама 1817 г. не стала: и любовь «чужая», и «законы» у жанра слишком строгие. «Стихи на бракосочетание...» бедны содержанием, в основе которого – несколько «общих мест»: Мир (= Любовь) vs. Война; торжество Любви в России; Монарх – установитель «Эдемской тишины»; Екатеринин Дом; вознесение устроителей счастья молодожёнов. Зато для *истории чувств* эта эпиталама, а также другие стихи А. С. Яковлева дают интересный материал. Он свидетельствует о том, что чувства любви и счастья являются культурно и исторически обусловленными и что для натур поэтических, экзальтированных и религиозных пребывание в состоянии несчастья, в горе и страданиях привлекательно и почти неизбежно.

Литература

1. Акерман Д. Всеобщая история любви / Пер. с англ. О. Р. Щелоковой. Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2018. 490 с.
2. Акерман Д. Всеобщая история чувств / Пер. с англ. А. Гришина. Москва: КоЛибри, 2018. 381 с.
3. Бестиарий и чувства / Сост. А. Л. Львова, О. Л. Довгий. Москва: Intrada, 2017. 253 с.
4. Еськова А. С., Петров А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву // Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 196–203.
5. Зотов Р. Биография актера Яковлева // Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, на 1842 год. СПб., 1842. Кн. V. Отд. 2. С. 1–16.
6. Интеллектуальный язык эпохи: История идей, история слов / Отв. ред. С. Н. Зенкин. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 192 с.
7. К<оровяко>в Д. Алексей Семенович Яковлев, русский трагический актер // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1893–1894 гг. Приложения. Кн. 1. СПб., 1894. С. 1–51.

8. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
9. Невская Т. М., Петров А. В. Дневники и лирика В. А. Жуковского как система духовных упражнений: масонская традиция // Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 45–49.
10. Николаев С. И. Жить по Плутарху // *Petra Philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015 (Литературная культура России XVIII века. Выпуск 6). С. 282–286.
11. Петров А. В. Новогодние стихи В. К. Кюхельбекера: между царем, Богом и «пограничными ситуациями» // *Филология и культура*. 2018. № 2 (52). С. 196–202.
12. Петров А. В. Поэтика эпиталамических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов // *Libri Magistri*. 2015. Вып. 1. С. 25–41.
13. Петров А. В. «Я помню чудное мгновение...» А. С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 93–105.
14. Петров А. В., Молнар А. Одическая топика и тема «нового счастья» в оде М. В. Ломоносова «На новый 1762 год» // *Libri Magistri*. 2020. № 4 (14). С. 76–92.
15. Петров А. В., Ярина Н. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остраннение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) // *Libri Magistri*. 2018. Вып. VI. С. 109–120.
16. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. Москва: Новое лит. обозрение, 2018. 568 с.
17. Приказчикова Е. Е. Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифориторической культуры эпохи // *Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 102–113.
18. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: Сб. статей / Под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. Москва: Новое лит. обозрение, 2010. 512 с.
19. Рудакова С. В., Регеци И. К вопросу изучения феномена счастья // *Libri Magistri*. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

20. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 25: Яблоновский – Фомин. Санкт-Петербург: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. 493 с.
21. <Свиньин П. С.> Краткое жизнеописание Алексея Семеновича Яковлева // Сочинения Алексея Яковлева, Придворного Российского Актера. Санкт-Петербург: В тип. Александра Смирдина, 1827. С. III–XV.
22. Сочинения Алексея Яковлева, Придворного Российского Актера. Санкт-Петербург: В тип. Александра Смирдина, 1827. 137 с.
23. Философский век. Альманах. Вып. 1–36 / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1996–2010.
24. Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 582 с.
25. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Кн. 1-я. Москва: «Чарли», 1996. 752 с.
26. Юхнова И. С. Диалог и диалогичность / И. С. Юхнова, Т. Попович, А. Ямадзи, С. В. Рудакова, М. П. Леонова, Н. Ю. Петрищева, Е. И. Канарская. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2020. 177 с.
27. Alberti F. B. A Biography of Loneliness. The History of an Emotion. Oxford University Press, 2019. 298 p.
28. Boddice R. A History of Feelings. London: Reaktion Books Ltd., 2019. 232 p.
29. Boddice R. The History of Emotions. Manchester University Press, 2018. 248 p.
30. Oatley K. Emotions: a Brief History. Blackwell Publishing, 2004. 190 p.

REFERENCES

1. Akerman D. Vseobshchaya istoriya lyubvi [A Natural History of Love] / Per. s angl. O. R. SHCHelokovoj. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus, 2018. 490 p. (In Russian)
2. Akerman D. Vseobshchaya istoriya chuvstv [A Natural History of the Senses] / Per. s angl. A. Grishina. Moscow: KoLibri, 2018. 381 p.
3. Bestiarij i chuvstva [Bestiary and the Senses] / Sost. A. L. L'vova, O. L. Dovgij. Moscow: Intrada, 2017. 253 p. (In Russian)

4. Es'kova A. S., Petrov A. V. «Chasto zdes' v yudoli mrachnoj slezy l'yutsya iz ochej»: liricheskij «metatekst (ne)schast'ya» v pis'mah N. M. Karamzina I. I. Dmitrievu [«Often here in a vale gloomy tears are shed from eyes»: the lyrical «metatext of (not)happiness» in letters of N. M. Karamzin to I. I. Dmitriyev] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature by eyes of modern youth]: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2017. Pp. 196–203. (In Russian)

5. Zotov R. Biografiya aktera Yakovleva [Biography of actor Yakovlev] // Repertuar russkago i Panteon vsekh evropejskih teatrov, na 1842 god. SPb., 1842. Kn. V. Otd. 2. Pp. 1–16. (In Russian)

6. Intellektual'nyj yazyk epohi: Istoriya idej, istoriya slov [Intellectual language of the epoch: The history of ideas, the history of words] / Otv. red. S. N. Zenkin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 192 p. (In Russian)

7. K<orovyako>v D. Aleksej Semenovich Yakovlev, russkij tragicheskij akter [Alexey Semyonovich Yakovlev, Russian tragic actor] // Ezhegodnik Imperatorskih teatrov. Sezon 1893–1894 gg. Prilozheniya. Kn. 1. SPb., 1894. Pp. 1–51. (In Russian)

8. Lavdzhoy A. Velikaya cep' bytiya: Istoriya idej [The Great Chain of Being: A History of Ideas] / Per. s angl. V. Sofronova-Antomoni. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2001. 376 p. (In Russian)

9. Nevskaya T. M., Petrov A. V. Dnevniki i lirika V. A. Zhukovskogo kak sistema duhovnyh uprazhnenij: masonskaya tradiciya [Diaries and lyrics of V. A. Zhukovsky as system of spiritual exercises: Masonic tradition] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature by eyes of modern youth]: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2017. Pp. 45–49. (In Russian)

10. Nikolaev S. I. Zhit' po Plutarhu [Live by Plutarch] // Petra Philologica: professoru Petru Evgen'evichu Buharkinu ko dnyu shestidesyatiletiya / otv. red. N. A. Gus'kov, E. M. Matveev, M. V. Ponomareva. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2015 (Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. Vypusk 6). Pp. 282–286. (In Russian)

11. Petrov A. V. Novogodnie stihi V. K. Kyuhel'bekera: mezhdut sare, Bogom i «pogranichnymi situacijami [New Year's verses of V. K. Kuchel'becker: between the Tsar, God and «boundary situations»] // Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]. 2018. № 2 (52). Pp. 196–202.

12. Petrov A. V. Poetika epitalamicheskikh tsiklov G. R. Derzhavina 1790-h godov [Poetics of epithalamic cycles of G. R. Derzhavin of the 1790th years] // Libri Magistri. 2015. Vyp. 1. Pp. 25–41. (In Russian)

13. Petrov A. V. «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...» A. S. Pushkina: polnota bytiya, ili otkaz ot schast'ya [«A wondrous moment I remember...» of A. S. Pushkin: completeness of existence as refusal of happiness] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 93–105. (In Russian)

14. Petrov A. V., Molnar A. Odicheskaya topika i tema «novogo schast'ya» v ode M. V. Lomonosova «Na novyj 1762 god» [Odic topoi and theme of “New happiness” in the ode of M. V. Lomonosov “For new 1762”] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 76–92. (In Russian)

15. Petrov A. V., Yarina N. V. «U menya teper' tochno glaza otkrylis'...», ili «Ostrannenie» opyta chuzhoj lyubvi (E. D'yakonova resp. V. Shklovskij resp. V. Butusov) [«At me now precisely eyes opened...», or Distancing of experience of others love (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov)] // Libri Magistri. 2018. Vyp. VI. Pp. 109–120. (In Russian)

16. Plamper Ya. Istoriya emocij [History of Emotions] / Per. s angl. K. Levinsona. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2018. 568 p. (In Russian)

17. Prikazchikova E. E. Antichnost' v literaturnom i bytovom soznanii XVIII – 1-j treti XIX v. cherez prizmu miforitoricheskoy kul'tury epohi [Antiquity in the Literary and everyday consciousness of the XVIII - 1st third of the XIX century through the prism of the mythological culture of the epoch] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Ural State University]. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2009. T. 63. № 1-2. Pp. 102–113. (In Russian)

18. Rossijskaya imperiya chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii emocij: Sb. statej [The Russian Empire of Feelings: Approaches to the cultural history of Emotions] / Pod red. Yana Plampera, Shammy Shahadat I Marka Eli. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2010. 512 p. (In Russian)

19. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75. (In Russian)

20. Russkij biograficheskij slovar' [Russian Biographical Dictionary] / izd. pod nablyudeniem pred. Imp. Rus. ist. o-va A. A. Polovcova. T. 25: Yablonovskij – Fomin. Sankt-Peterburg: Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov, 1913. 493 p. (In Russian)

21. <Svin'in P. S.> Kratkoe zhizneopisanie Alekseya Semenovicha Yakovleva [A brief biography of Alexey Semyonovich Yakovlev] // Sochineniya Alekseya Yakovleva, Pridvornago Rossijskago Aktera. Sankt-Peterburg: V tip. Aleksandra Smirdina, 1827. Pp. III–XV. (In Russian)

22. Sochineniya Alekseya Yakovleva, Pridvornago Rossijskago Aktera [The Works of Alexei Yakovlev, the Russian Court Actor]. Sankt-Peterburg: V tip. Aleksandra Smirdina, 1827. 137 p. (In Russian)

23. Filosofskij vek [The Philosophical Age]. Al'manah. Vyp. 1–36 / Otv. red. T. V. Artem'eva, M. I. Mikeschin. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij Tsentr istorii idej, 1996–2010. (In Russian)

24. Chelovek v mire chuvstv: Oчерki po istorii chastnoj zhizni v Evrope i nekotoryh stranah Azii do nachala novogo vremeni [A Man in the World of Feelings: Essays on the History of Private Life in Europe and some Asian Countries before the beginning of Modern Times] / Otv. red. Yu. L. Bessmertnyj. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t, 2000. 582 p. (In Russian)

25. Shil'der N. K. Imperator Nikolaj Pervyj, ego zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Nicholas I, his life and reign]. Kn. 1-ya. Moscow: «CHarli», 1996. 752 p. (In Russian)

26. Yuhnova I. S. Dialog i dialogichnost' [Dialogue and dialogicity] / I. S. Yuhnova, T. Popovich, A. Yamadzi, S. V. Rudakova, M. P. Leonova, N. Yu. Petrishcheva, E. I. Kanarskaya. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo, 2020. 177 p. (In Russian)

27. Alberti F. B. A Biography of Loneliness. The History of an Emotion. Oxford University Press, 2019. 298 p. (In English)

28. Boddice R. A History Of Feelings. London: Reaktion Books Ltd., 2019. 232 p. (In English)

29. Boddice R. The History of Emotions. Manchester University Press, 2018. 248 p. (In English)

30. Oatley K. Emotions: a Brief History. Blackwell Publishing, 2004. 190 p. (In English)

**AN EPISODE FROM THE HISTORY OF FEELINGS:
SOMEONE ELSE'S HAPPINESS AS AN INCIDENT
IN THE POEMS OF A. S. YAKOVLEV**

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,

Department of Linguistics and Literary,

Nosov Magnitogorsk State Technical University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The work examines poems and behavioral reactions of the famous Russian actor A. S. Yakovlev at the turn of the 18th–19th centuries through the prism of the «history of emotions». The attention of the author of the article is focused on such an «incident» as «someone else's

happiness» and his own misfortune – the phenomena that Yakovlev, as a poet, constantly writes about and Yakovlev, as an actor and man, talks about. An «incident» is defined as something unusual, sharply individual in the life, behavior and creative activity of a person. All the memoirists persistently repeat the idea of the fatal influence on Yakovlev's life of his unrequited and painful love for a certain married actress, with whom he, apparently, more than once played scenes of love, married life, jealousy, etc. on the stage of the theatre. In a number of his poems, quite epigonous and amateurish, but filled with sincere feelings, Yakovlev more than once wishes happiness to the newlyweds, be it his friend and his wife or Grand Duke Nikolai Pavlovich and his bride, Grand Duchess Alexandra Feodorovna. When the actor and poet talks about himself, he describes his love sufferings and misfortunes. Much suggests that life, literature and theater were an indissoluble whole for Yakovlev, that the roles he played, the lyrical genres he loved and the emotions characteristic of them, his own lonely life of a rejected lover – all this determined his desire for suffering and unhappiness, on the one hand, attention and increased interest in someone else's happiness, on the other.

Key words: the history of feelings and emotions, happiness, misfortune, suffering, microhistory, actor A. S. Yakovlev, amateur poetry, epithalamion, theatrical and literary culture of the turn of the 18th –19th centuries

Для цитирования: Петров А. В. Эпизод из истории чувств: чужое счастье как казус в стихах А. С. Яковлева // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 60–74.

Поступила в редакцию 25.09.2021

РАЗДЕЛ III. КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОЛОГИИ

ББК 87.4, 81

УДК 16, 80

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_75

А. С. Соколов¹

*Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)
185910, Россия, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
assokolov@list.ru*

МНИМАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЛОГИКО- АРГУМЕНТАТИВНЫХ И КУЛЬТУРНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДИСКУРСИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ. «РАЦИОНАЛИЗМ» И «ГУМАНИЗМ» (ЧАСТЬ 2)

В статье рассматриваются некоторые, пока недостаточно детально проработанные в научной литературе вопросы языковой прагматики. Автор поднимает проблему внутренней согласованности таких фундаментальных регулятивных принципов дискурсивной коммуникации, как «рационализм» и «гуманизм». Насколько неизбежно противоречиво их сочетание? Обязательно ли, что рационально хорошо организованный, логически корректный и прагматически эффективный в силу своей высокой аргументативной убедительности тип дискурса неизбежно вынужден быть ущербным в этическом и антропологическом его аспектах, антигуманным и дискриминационным по отношению к интересам его адресата, а безупречный с морально-гуманистической точки зрения – логически рыхлым, слабо убедительным и малоэффективным для достижений субъективных целей говорящего? Является ли человеческий разум по самой своей природе лишь этически нейтральным средством достижения любых, в том числе откровенно эгоистических,

¹ Соколов Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия.

аморальных и антигуманных, целей применяющего его субъекта, лишь инструментом манипулятивного воздействия на партнера по коммуникации, или же некоторые атрибутивные логические его особенности с необходимостью налагают существенные и неустраняемые ограничения на целевой порядок его коммуникативного употребления, превращая рационально организованный и прагматически эффективный способ построения дискурсивной коммуникации одновременно и в недискриминационный для всех её участников, соответственно и во вполне гуманный и этически безупречный?

Анализ наиболее распространенных в дискурсивной практике моделей межлического общения (условно обозначенных как «этическая», «метафизическая» и «рациональная») приводит автора настоящей статьи к выводу об изначальной дружелюбности человеку «рассудочной», рационально организованной, её модели, о малой эффективности нашего Ratio в качестве инструмента антигуманного манипулятивного давления на социального партнера, но зато его ярко выраженной способности быть надежным оплотом экзистенциальной человеческой самобытности и достоинства, его пригодности служить умело пользующемуся собственными умственными способностями индивиду эффективным орудием защиты своих неотчуждаемых прав и личных интересов.

Ключевые слова: гуманизм, рациональность, аргументация, дискурс, коммуникация

*Посвящается памяти крупного
петрозаводского и российского философа
Александра Павловича Барчугова (1946-2005),
мыслям которого были бы созвучны некоторые
из высказанных здесь соображений*

Перебирая различные модели дискурсивной практики, мы подошли, наконец, к той из них, которая во все времена в первую очередь и ассоциировалась с идеей человеческой рассудительности. Чаще всего она в обиходе именуется «рассудочной», «инструментальной», «прагматической» (или даже «утилитарной»), «здравым смыслом» и т. п. Если обращать внимание на сугубо логическую сторону дела (игнорируя посторонние, обусловленные различными социокультурными обстоятельствами и при этом не самые возвышенные, хотя и весьма значимые сами по себе смысловые коннотации), такие исторически сложившиеся номинации

с изрядной долей условности нами принимаются и, за отсутствием более подходящих и привычных, в настоящей статье будут употребляться.

Разбираемая дискурсивная модель представляет собой последовательность построенных на фактуально-эмпирических посылах умозаключений не о целях, к которым некоторому субъекту надлежит стремиться, а о тех действиях, которые ему необходимо (полезно) было бы предпринять, чтобы достичь преследуемых им целей (как вариант – целей того сообщества, с которым он себя субъективно ассоциирует и интересам которого стремится содействовать). Поскольку «необходимость» здесь выступает в сугубо технологическом, каузально-результативном, а не в морально-этическом, правовом, сакрально-мистическом или ином деонтологическом качестве, такой способ рассуждений не противоречит ни Юмову, ни какому-либо иному логическому запрету, и потому именно он всегда справедливо квалифицировался как безукоризненно рациональный.

Что же касается гуманистической стороны вопроса, то пригодность некоторого способа построения коммуникативного дискурса быть использованным адресату во зло, стать орудием властного управления его сознанием и поведением, стоило бы обсуждать всерьез только в случае, когда с помощью некоторых доводов (в нашем случае – доводов логически корректных, «рациональных») другого человека можно было бы убедить (или он сам себя смог бы ими убедить в некоем мазохистском припадке автосуггестивного манипулирования) в том, что он:

- либо заблуждается в понимании подлинного содержания своих желаний (заблуждается по сути или хотя бы в вопросе об их субординации, не умеет верно расставить приоритеты, отделить важное от второстепенного, сиюминутное от долгосрочно-стратегического);

- либо руководствуется не самыми достойными целями (существуют, дескать, цели и другие, более заслуживающие реализации; именно на них уважающему себя человеку и следовало бы сосредоточить свои усилия).

Если бы некоторый способ аргументации в самом деле был способен вынудить индивида изменить первоначальные намерения и, приняв навязанные ему извне цели в качестве своих, совершить действия в ущерб собственным интересам, то его, конечно, вполне правомерно было бы расценивать как манипулятивный и антигуманный. Однако способен ли в самом деле на это разбираемый тип дискурсивной практики?

Разумеется, «инструментальному» (прагматически ориентированному и только с эмпирически наблюдаемыми объектами имеющему дело) разуму вполне по силам решить задачу функциональной субординации преследуемых человеком целей, равно как и разработать программу действий, необходимых для достижения любых (потенциально осуществимых) из них. Обе задачи логически однотипны, обе решаются посредством анализа фактуальных обстоятельств, каузально однотипным образом обуславливающих как логически просчитываемую результативность действий, предпринимаемых человеком для достижения поставленных целей, так и функционально-технологическую субординированность (первичность/производность) самих этих целей. При этом применять рационально-прагматическую аргументацию означает приводить эмпирически проверяемые доводы, что – без сознательного искажения фактов или нарушения правил логики – делает принципиально невозможным обман собеседника. Апеллируя к тем же фактуально-эмпирическим данным, что и те, которыми оперирует «обманщик-манипулятор», руководствуясь теми же, что и он, логическими правилами их (этих данных) осмысления, человек способен осуществлять успешную контраргументацию, причем используя (в отличие от ранее рассмотренного примера «метафизической» дискуссии) вполне рациональные, логически корректные средства. Таким образом, методологическая однотипность, с которой разум решает проблемы как функциональной субординированности выдвигаемых человеком целей, так и оптимального подбора средств (технологии, методики) их достижения, делает указанную рационально-прагматическую аргументацию «безопасной» для индивида по крайней мере со стороны целедостижения. Сколь же велика тогда была бы потенциальная ее опасность для человеческой свободы в аспекте целеполагания, если бы эта аргументация была использована «не по назначению», а как инструмент манипулятивного воздействия на аудиторию? Сразу ответим, что и эта опасность невелика.

В самом деле, своими желаниями, намерениями, убеждениями и прочими целевыми установками (как, впрочем, и своей личностной индивидуальностью вообще (см., напр.: [7, 38–39])) человек не в силах распоряжаться столь же произвольно и самовластно, как, например, способен это делать владелец с принадлежащим ему на правах частной собственности имуществом. За ситуативно всегда обусловленными *целями* стоят более фундаментальные мотиваторы человеческой жизнедеятельности – *потребности*, которые, даже когда они

реализуют себя в осознанной форме¹, как *интересы*, всегда объективны по происхождению и содержанию и обусловлены в конечном счете закономерными особенностями как окружающей индивида среды, так и его собственной телесной природы. Как бы по-разному человек ни интерпретировал свои подлинные потребности, «отменить» с помощью каких-либо рациональных (или не очень) доводов само ощущение своей нуждаемости в чем-то, перестать желать то, чего ему недостает, он вряд ли способен.

Поэтому, даже если бы посредством некоторых рациональных (или кажущихся таковыми) аргументов человека и удалось бы убедить (или он сам себя смог бы убедить) в том, что одни цели чем-то лучше (важнее) других и что ему стоило бы добровольно отказаться

¹ В процессе осознания объективные человеческие потребности могут получить и неадекватное, превратное толкование их носителем, причем не только в силу вполне естественных субъективных ошибок самого интерпретатора, но и по причине объективной заинтересованности в таком толковании со стороны классовых групп, различных социальных институтов, государства, а то и всей социальной системы в целом, могущей успешно функционировать порою лишь при условии неадекватного понимания ее агентов своей действительной роли в процессе этого функционирования (подробнее см.: [5, 386-387]). Бесспорно, свою лепту в процесс генерирования таких объективно заданных неадекватностей, идеологических иллюзий, «превращенных форм» общественного сознания и ложно понятых личных интересов способен вносить и человеческий рассудок. Участвуя в процессе вторичной «рационализации», а значит, и легитимации, обоснования и оправдания всех тех иллюзий и мнимостей, которые скрывают и маскируют собой подлинное содержание общественных отношений, он в этом случае демонстрирует себя уже в качестве орудия манипулятивного (пусть и непреднамеренного) давления на человека. Однако пространство проявления именно таких – не самых благородных и гуманных – способностей человеческого сознания не слишком широко: субъективное истолкование людьми исполняемых ими ролей и функций хотя и не обязано полностью совпадать с их подлинным, объективным содержанием, но и не может ему противоречить полностью: в противном случае осознанность всех этих социальных ролей и функций оказалась бы не условием, а исключительно препятствием к их реализации, так что общественным отношениям лучше было бы в этом случае и вовсе оставаться неосознанными. К тому же, вовлекаясь в работу по разработке и оправданию очередных идеологем, нашему рассудку приходится изменять самому себе, пользоваться не строго рациональными (логически правильными и фактуально подкрепляемыми) доводами, а приемами скорее квазирациональными, паралогическими, порой лишь эмоционально-риторическими, аргументативная несостоятельность которых для квалифицированного критика очевидна. Когда же человеческое мышление желает мобилизовать весь потенциал своей рассудительности, оно оказывается вполне способным и на логически убедительное разоблачение любых идеологических фантомов, «превращенных форм» сознания и практики, и даже на научно обстоятельное объяснение самого социального механизма их формирования. (К примеру, осуществленный К. Марксом теоретический анализ т. н. «товарного фетишизма», «превращенных форм» капиталистического производства (прибыли, цены, банковского процента, ренты, заработной платы) высокий демистифицирующий («критический») потенциал нашего разума подтверждает вполне наглядно).

от субъективно более привлекательных вторых в пользу объективно более значимых первых, осуществить такую переориентацию на практике ему было бы неимоверно трудно (без дополнительного эмоционально-волевого усилия, посредством одних только доводов разума – вообще невозможно). Одного этого обстоятельства уже было бы достаточно, чтобы к манипулятивным возможностям «инструментального разума» отнестись с большим скепсисом. Впрочем, можно привести не только психологические, но и логические основания для подобного скепсиса.

Допустим (пусть и, скорее всего, только в качестве ирреального условия), что с помощью некоторых аргументов удалось бы рационально обосновать превосходство одних целей над другими по каким-то параметрам, например, превосходство конечных («терминальных») целей над промежуточными («инструментальными»), или групповых (этнических, конфессиональных, кастовых, сословных, классовых, общегосударственных и т. д.) над индивидуально-личными, альтруистических над эгоистическими, религиозно-мистических над повседневно-бытовыми и т. п. Даже в этом случае мы, оставаясь в пределах логики, все равно были бы *не* вправе ссылаться на указанный факт (логической обоснованности превосходства одних целей над другими по определенным признакам) как на *достаточное логическое основание* для требований от индивида того, чтобы он отказался от своих прежних («второсортных») устремлений в пользу иных, более достойных, целей. И дело заключается не только в том, что нечто, превосходя другое в одном отношении, может уступать ему в ином. Важнее то, что *логически* люди *вообще не обязаны делать что бы то ни было* (например, одни цели предпочитать другим) только на том основании, что мир (бытие) устроен определенным образом, например, устроен так, что одни его элементы (некоторые человеческие цели) по определенным признакам отличаются от других (превосходят их или уступают им). Субъективные предпочтения, целевые установки людей согласно «принципу Юма» свободны: они не обязаны подстраиваться под некоторое, пусть даже и достоверно известное, состояние бытия; человеческие предпочтения не обязаны, к примеру, быть транзитивными или быть вообще. Таким образом, используя одну только рациональную, логически корректную, аргументацию, было бы невозможно не только вынудить другого человека самому изменить свою первоначальную целевую мотивацию (в пользу иных, например, кем-то для него предлагаемых в качестве более достойных реализации, целей), но и хотя бы предъявить ему – от имени логики – само это требование.

Итак, не рациональная аргументация, а причудливая идеологическая помесь эмоциональной патетики, метафизических откровений, морализаторских причитаний и крайне недалекой (в смысле протяженности цепочки логически прослеживаемых последствий принимаемых человеком решений) прагматики бывают способными настолько деформировать сознание индивида (порою – и крупных социальных групп, сословий, классов, даже интеллектуальной элиты), что, приняв навязанные извне цели за свои истинные, он, забыв о собственных интересах, начинает жертвенно служить интересам чужим. Что же касается разума, то приведенные выше рассуждения уже позволяют сделать вывод о, как минимум, его *не-враждебности* человеку: не помогая своими (логическими) средствами формированию тех корыстных намерений субъекта, для реализации которых ему потребовалось бы пытаться манипулировать сознанием и поведением другого индивида, разум также и не предоставляет в распоряжение «злоумышленника-манипулятора» своих логико-аргументативных ресурсов, необходимых тому для успешной реализации его неблагоприятных и антигуманных целей. Тем самым разум встает (пусть даже непреднамеренно, а просто в силу своей логической организации) на охрану суверенных прав индивида на свободное от внешних посягательств целеполагание: такие посягательства становятся невозможным осуществлять, по крайней мере, с помощью рациональных, логически корректных, аргументов. Впрочем, самое главное заключается даже не в этом. Важнее то, что, помимо способности разума выполнять *антропологически охранительную* функцию, некоторые особенности когнитивного процесса позволяют ему проявить свою «дружественность» человеку и более непосредственным образом, напрямую оказывая такое влияние на мотивационно-целеполагающую активность индивида, которое закрепляло бы и усиливало естественную склонность последнего к самосохранительному поведению.

Будучи рефлексивным по своей природе, разум побуждает человека, стремящегося к рациональной организации своей деятельности, предпринимать усилия по выяснению того, насколько эти стремления оказываются состоятельными, насколько велика достигаемая степень рациональности осуществляемой им деятельности. Если речь идет о деятельности познавательной, то логически это означает необходимость познающему субъекту рассуждать только с соблюдением довольно строгих требований. Так, стремясь дать каузальное объяснение (обоснование) некоторому

событию **q** (социальному явлению, поступку другого человека, собственным планируемым действиям и т. п.) и ссылаясь в этой связи на некоторое обстоятельство **p**, обусловившее событие **q** (оказавшееся логическим основанием истинности утверждений о **q**), познающий субъект тем самым оказывается в ситуации, которая требует от него обоснования того, что событие (факт) **p** является не только необходимым, но и *достаточным* условием (основанием) события (факта) **q**. Только доказав достаточность выявленного им условия (причины) объясняемого факта (события), человеческий разум смог бы счесть свою работу успешно выполненной, получил бы возможность удостовериться в предельной эффективности собственных познавательных усилий и удовлетвориться осознанием полной рационалистичности (аргументативной убедительности) своих объяснений. Однако залогом осуществимости данной задачи, то есть доказуемости того, что **p** есть *достаточное* условие (основание) **q**, является доказуемость способности **q** в свою очередь быть *необходимым* условием **p**. «**P** есть достаточное условие **q**, если и только если **q** есть необходимое условие **p**» [2, 77]¹. И чем более длинным окажется последовательный ряд событий (фактов) **q**, предположительно обусловленных обстоятельством **p**, тем с большей вероятностью окажется истинным (хотя бы – субъективно правдоподобным) заключение о том, что эта гипотеза верна и **q** действительно обусловлено именно **p**².

¹ Подчеркнем, что **q** в нашем случае может выступать только в качестве *необходимого*, но не *достаточного* условия **p**, иначе **q**, подобно Спинозовой субстанции, окажется достаточным и в иных причинах не нуждающимся условием собственного существования, а человеческое знание о нем – интуитивно достоверным, аксиоматически самоочевидным и не нуждающимся вообще ни в каком специальном обосновании. Вместе с тем, *необходимым* условием (основанием, причиной) для **p**–факта каузально обусловленный последним факт **q** быть все-таки обязан: логически причина нуждается в следствии, чтобы стать собою, суметь реализовать свою функцию причины (условия). Аналогично и в семантическом отношении: невозможно быть условием чего-то неопределенного (неизвестного или вовсе не существующего), т. е. того, что не позволяет себя с определенностью идентифицировать (и, если речь идет об объектах материального мира, фактуально верифицировать). «Ничто» (или нечто неопределенное, не идентифицируемое) ни в чем не нуждается и ничего в свое оправдание (обоснование, каузальное объяснение) не требует! Понимание, условием (причиной) чего же именно, какого **q**, является факт **p**, входит в определение самого факта **p**.

² Пока выявленный (эмпирически зарегистрированный) **q**–ряд следствий остается конечным, гипотеза о том, что он обусловлен именно причиной **p**, остается только гипотезой, а не окончательной истиной: в противном случае наше умозаключение обрело бы форму неправильного модуса условно-категорического силлогизма ((**p** → **q**; **q**) => **p**, что неверно). Отдельной проблемой является вопрос: не превращается ли этот

Пытаясь же выполнить последнее требование, субъект познания порою сталкивается с проблемой, драматизм которой, не столь очевидный в общелогической её постановке, сразу проявляется, когда дело доходит до познавательной практики (особенно – практики исторического познания). Наши факты (события) p и q могут быть разведены (и разведены далеко) во времени: прогнозируемые исторические события, ожидаемые действия других людей, планируемые индивидом собственные поступки q могут быть в реальном мире ещё не состоявшимися на момент выдвижения гипотезы об их каузальной обусловленности некоторым фактуальным обстоятельством p^1 . В этом случае высказанную гипотезу логически строго (даже сколько-нибудь правдоподобно, субъективно убедительно) обосновать не получится; не получится до тех пор, пока познающий субъект не сумеет дожидаться фактического наступления ожидаемых (предполагаемых, планируемых) событий q и воочию убедиться, что они в действительности таковы, каковыми были спрогнозированы. Если исходить из того, что факт (событие) p – не единственный возможный во вселенной, что он находится в конкретно-ситуативном (порой весьма причудливом!) сочетании с другими фактами (событиями), *заранее* знать (тем более знать

неправильный модус в логически приемлемый, если функцию обусловливаемого q будет выполнять не единичный факт (событие), а все бесконечное и при этом актуально выполненное (перебранное, пересчитанное) множество событий, заполняющих оставшуюся после события p часть истории Вселенной? Данный вопрос, равно как и смежный вопрос «приводит ли увеличение длины перебранного (пересчитанного) q –ряда фактов, предположительно обусловленных фактом p , к повышению коэффициента вероятной истинности данной гипотезы или только к увеличению степени ее субъективной правдоподобности?», не имеет однозначного решения. Решение это зависит от «металогических», содержательных, допущений об особенностях каузального устройства бытия вообще: от того, в частности, понимаем ли мы причинно-следственную связь как непрерывно-линейную или как прерывно-ветвящуюся, рассматриваем ли мы «вероятность» как категорию сугубо гносеологическую, характеризующую лишь состояние наших знаний о мире, или как категорию онтологическую, выражающую особенности объективной каузальной организации самого мироздания. Впрочем, будучи чрезвычайно важными и интересными сами по себе, перечисленные вопросы не являются непреодолимой преградой для решения поставленных в настоящей работе задач. В нашем случае приемлемым был бы уже «слабый» вариант решения: если некоторая модель рассуждений, в отличие от альтернативных, повышает хотя бы правдоподобность получаемых заключений, то руководствоваться ею для познающего субъекта было бы рациональным решением, отказаться от нее – иррациональным.

¹ Разумеется, в мире виртуальном, ментально конструируемом, эти факты (события) существовать обязаны; в противном случае никакую гипотезу об их каузальной обусловленности чем бы то ни было оказалось бы невозможно разработать, да и сформулировать вообще.

наверняка), к каким именно последствиям это сочетание приведет и какое именно из возможных следствий будет обусловлено (причем с необходимостью и достаточностью) каким именно причинным фактором (**р** или иным), невозможно. В этой связи у познающего субъекта появляется – в дополнение к физиологическому инстинкту самосохранения – еще и *когнитивная заинтересованность* в том, чтобы жить и жить как можно дольше. Во всяком случае – столь долго, сколько понадобилось бы ему для того, чтобы успеть дожидаться появления и проследить весь (возможно, бесконечно длинный) ряд ожидаемых и могущих быть интерпретируемыми в качестве подтверждающих **р**–гипотезу фактов (событий) **q**.

Стремясь (сообразно своей рефлексивной природе) быть как можно более разумным и зная, насколько успешно это стремление ему удастся реализовать, становясь тем самым судьей в собственном деле, наш разум обретает в этом деле и свой особый интерес (интерес, правда, весьма благородный и бескорыстный, репутацию судьи только украшающий), который заключается в том, чтобы быть уверенным (и готовым эту уверенность дискурсивно обосновать) в правосудности (разумности и справедливости) принимаемых им по делу решений, а следовательно – в том, чтобы жить и работать на своем судебском посту столь долго, сколько понадобилось бы для окончательного прояснения сути разбираемого дела, для вынесения и убедительного (хотя бы для самого судьи) обоснования вынесенного приговора. И точно так же, сколь странно и опрометчиво было бы для вынесшего приговор судьи уйти в отставку, даже не узнав, вступил ли его приговор в законную силу (а чтобы убедиться в разумности и справедливости назначенного преступнику наказания пришлось бы ждать еще дольше, пока не прояснилось бы, стал ли тот по отбытии наказания добропорядочным гражданином), сколь непоследовательно и неразумно было бы для ученого-естествоиспытателя, разработавшего методику эмпирической проверки выдвинутой им гипотезы, «сходить с дистанции» до завершения проверочного эксперимента, столь же и для человеческого разума было бы делом крайне иррациональным, противоречащим его собственным когнитивным интересам заканчивать мыслительную работу (тем более, заканчивать её бесповоротно, вместе с жизнью своего материального носителя – человека) ещё до того, как указанная работа логически была бы завершена. По этой причине любые дискриминационные, ухудшающие условия познавательной деятельности человека, требования к нему со стороны других индивидов, церкви, государства и иных политических организаций или институтов культуры

(тем более любые обращенные к человеку призывы пожертвовать собой во имя неких «Высших Целей», «Идеалов» и «Абсолютных Ценностей»), какими бы экспрессивными риторическими возгласами и «барабанным боем» они ни сопровождались, разумом этого человека вынуждены рассматриваться не просто как *не*-рациональные (то есть логически слабо или неправильно аргументированные), а (что гораздо сильнее!) как *анти*-рациональные, как *контр*-рациональные, то есть как содержательно противоречащие собственным когнитивным интересам разума (которые совпадают в данном случае с естественными потребностями его носителя – человека – в дальнейшем продолжении жизни, причем продолжении, достаточно комфортном для полноценной умственной деятельности).

Итак, оставаясь согласно определению его придирчивых критиков «инструментальным», т. е. предназначенным быть ментальным инструментом именно целедостигающей человеческой деятельности, разум, несмотря на всю свою «инструментальность», выказывает свою изначальную дружелюбность человеку. Выказывает он её не только тем, что отказывается быть удобным и эффективным орудием манипулирования сознанием и поведением индивида, но и тем, что, подкрепляя и усиливая естественную жизненную установку человека на самосохранение, еще и предоставляет в его распоряжение те свои логические ресурсы, которые необходимы для разоблачения нередко антигуманного содержания обращенных к этому человеку со стороны общества требований и призывов, а следовательно, для успешной и логически корректной дискурсивной самозащиты (контраргументации).

Таким образом, несмотря на бесспорную справедливость упреков осуществляющему по строгим логическим правилам свою мыслительную и дискурсивно-коммуникативную деятельность человеческому разуму в познавательном *не*-всемогушестве, методологической *не*-универсальности, и вопреки столь популярным в современной философской литературе страстным инвективам в адрес «антропологической репрессивности», «инструментальности» и «антигуманности» рационально организованного мышления, «гуманизм» и «рационализм» (если брать эти понятия в привычной и для данной работы парадигмальной трактовке, которая не отнимает у человека ничего, даже права на самопожертвование, коль скоро таков был бы его собственный, свободный и осозанный выбор) оказываются не только совместимыми, логически не противоречащими друг другу регулятивными принципами, но и, более того, принципами содержательно пересекающимися,

находящимися в логически не случайной, а необходимой, семантически релевантной связи между собой.

Последний тезис (обоснование которого и составляло задачу настоящей работы) многое объясняет в исторической жизни человечества. Так, например, он позволяет понять, почему во все времена (в том числе и в те, которые явно не предрасполагали человека к интенсивному развитию и публичной демонстрации своих интеллектуальных способностей), *разумность*, равно как и *свобода* (обе взятые, разумеется, в исторически конкретном их социальном наполнении), выступали неперенными атрибутами человеческого достоинства и, пусть даже оставаясь прерогативой социальной элиты, признаком вхождения в статусно привилегированную группу, хотя бы в таком качестве «по умолчанию» допускались к индивидуально-личному культивированию вопреки господствовавшим иррационалистическим и нонлиберальным ориентациям официальной культуры. Что еще важнее, доказуемость тезиса о логической совместимости, смысловой родственности принципов рационализма и гуманизма сама является весьма убедительным свидетельством того, что исторически различные модели организации общественной и культурной жизни человечества являются *рационально соизмеримыми* на предмет наполненности их гуманистическим содержанием. О гуманистических ценностях и идеалах, о культурно-историческом прогрессе совсем не обязательно вести речь исключительно на языке оценочно-вкусовых сентенций: они могут быть предметом и вполне рациональных, логически правильных, доказательных рассуждений. Такие рассуждения могут оказаться и содержательнее, и теоретически интереснее многих иных, пусть и риторически изящных, построений, выдержанных в духе культурно-исторического релятивизма, которые, вольно или невольно, открывают дорогу, ведущую к оправданию как антигуманизма, так и иррационализма одновременно.

Литература

1. Вригт Г. Х. *фон*. Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. *фон*. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 290–410.
2. Вригт Г. Х. *фон*. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х. *фон*. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 35–242.

3. Вригт Г. Х. фон. О логике норм и действий // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. Москва: Прогресс, 1986. С. 245–289.
4. Ивин А. А. Логика норм. Москва: Изд. МГУ, 1973. 122 с.
5. Мамардашвили М. К. Форма превращенная // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Москва: ИФ АН СССР, 1970. С. 386–387.
6. Соколов А. С. Социально-онтологические проблемы и направления в классической и марксистской философии. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 340 с.
7. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 35–40.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: С-Э Мысль, 1965. С. 77–810.

REFERENCES

1. Vright G. Kh. fon. Normy, istina i logika [Norms, Truth and Logic] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 290–410.
2. Vright G. Kh. fon. Ob"yasnenie i ponimanie [Explanation and Understanding] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 35–242.
3. Vright G. Kh. Fon. O logike norm i deystviy [On the Logic of Norms and Actions] // Vright G. Kh. fon. Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbr. trudy [Wright G.H. von. Logic-philosophical investigations: collected works]. Moscow: Progress, 1986. Pp. 245–289.
4. Ivin A. A. Logika norm [Ivin A.A. A Logic of Norms]. Moscow: MGU, 1973. 122 p.
5. Mamardashvili M. K. Forma prevrashchennaya [Turned Form] // Filosofskaya entsiklopediya: v 5 t. [Philosophical Encyclopedia]. T. 5. Moscow: IF AN SSSR, 1970. Pp. 386–387.
6. Sokolov A. S. Sotsial'no-ontologicheskie problemy i napravleniya v klassicheskoy i marksistskoy filosofii [The Problems and Directions of Social Ontology in Classic and Marxist's Philosophy]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 340 p.
7. Khabermas Yu. Ponyatie individual'nosti [Hubermas Ju. The Concept of Individuality] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 1989. № 2. Pp. 35–40.

8. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode [Treatise of Human Nature] // Yum D. Soch.: v 2 t. [Hume D. Writes]. T. 1. Moscow: Mysl', 1965. Pp. 77–810.

THE IMAGINARY INCONSISTENCY BETWEEN
THE LOGICAL-ARGUMENTATIVE AND CULTURAL-
ANTROPOLOGIC FOUNDATIONS OF DISCURSIVE
COMMUNICATION. «RATIONALISM» AND «HUMANISM».
(PART 2)

Andrey S. Sokolov

*PhD of Sciences (Philosophy), Docent of Department
of Sociology and Social Service, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)*

Abstract

The article deals with some issues of linguistic pragmatics that are not yet carefully elaborated in the scientific literature. The author touches on the problem of innate coherency of such fundamental regulatory principles of discursive communication as "rationalism" and "humanism". How indelibly contradictory is their interconnection? Is it necessary that a rationally well-organized, logically correct and pragmatically effective (due to its highly argumentative persuasiveness) type of discourse has inevitably to be flawed, inhumane and discriminatory in ethic and anthropologic aspects to the interests of its addressee, and the impeccable from a moral and humanistic point of view discourse has to be a logically loose, weakly convincing and ineffective for achieving the subjective goals of the speaker? Is a human mind by its own nature only an ethically neutral tool of achieving any, including openly egoistic, immoral and inhumane goals of the subject using it? Is it only an instrument of manipulative impact on the communication partner, or, due to some of its attributive logical features, this mind itself necessarily imposes sufficient and unrecoverable restrictions on the goals of its communicative use, at the same time turning a rationally organized and pragmatically effective way of building discursive communication into a non-discriminatory one for all its participants and, respectively, quite humane and ethically impeccable.

The analysis of the most common models of interpersonal discursive communication (tentatively named as «Ethical», «Metaphysical» and «Rational») leads the author of this article to the conclusion about the fundamental inescapable friendliness of its rationally organized model for human beings, about the low effectiveness of human Ratio as an instrument of immoral manipulative pressure on the social partner,

and about its explicit capacity to be a reliable bulwark of existential human originality and dignity, an effective tool for protecting the inalienable rights and personal interests of the individual, who skillfully uses it.

Keywords: humanism, rationality, argumentation, discourse, communication

Для цитирования: Соколов А. С. Мнимая противоречивость логико-аргументативных и культурно-антропологических оснований дискурсивной коммуникации. «рационализм» и «гуманизм». (Часть 2) // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 75–89.

Поступила в редакцию 17.08.2021

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Видеопэзия как феномен современной поэтической, читательской и зрительской культуры», проведенной 28 октября 2021 г. в рамках IV Международного фестиваля видеопэзии «Видеостихия» (Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова, центр визуальной культуры «Век» МБУК «ОГБ» г. Магнитогорска)

УДК 82-1+791.2

ББК 83.3+85.347

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_90

*Т. Б. Зайцева¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
tbz@list.ru*

ПРЕДМЕТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ВИДЕОПЭЗИИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ УРАЛА» НА МЕЖДУНАРОДНОМ ФЕСТИВАЛЕ «ВИДЕОСТИХИЯ»

В статье «Предметно-смысловое пространство видеопэзии, представленной в номинации “Поэзия Урала” на международном фестивале “Видеостихия”» рассматриваются тематическое своеобразие уральской видеопэзии, наиболее репрезентативные для художественных видеотекстов Урала мотивы, ключевые детали и образы, особенности мифопоэтики и использования архетипических символов. Материалом исследования послужили видеоролики, выложенные на суд жюри и зрителей в сообществе фестиваля

¹ Зайцева Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

«Видеостихия» во «ВКонтакте», региональных авторов из Магнитогорска, Челябинска, Екатеринбурга, Троицка и др. – не только создателей поэтических текстов, но и создателей непосредственно видеопоззии.

Основным подходом к изучению тематического своеобразия уральской видеопоззии становится феноменологический метод, наиболее перспективный, с точки зрения автора статьи, для филологического анализа и киноанализа.

В статье выявлены общие тенденции развития уральской видеопоззии: стремление к самоидентификации путем определения своего места в мире, включения себя в мировое культурное время-пространство. Видеопоззия презентуется не только как способ вербовки новых adeptов поэзии, но и прежде всего как поиск самого себя.

Значительное место в модели мира уральских авторов занимает образ воды и атрибутов водной стихии. Уральская видеопоззия обращается к мифологическим образам, к древним архетипам. Водная стихия предстает во всем многообразии символических смыслов, имеющих мифологические корни.

Художественный мир Уральской видеопоззии, если рассматривать её целостно, напоминает концентрическую модель: от бытовых подробностей и деталей авторы видеопоззии поднимаются до проникновения в законы существования вселенной. От изображения индивидуального человеческого характера и его взаимодействия с социумом до проникновения в глубины бессознательного и осознания взаимоотношений творца с Творцом, пересекая границы видимого мира и погружаясь в миры «за гранью».

Ключевые слова: уральская поэзия, видеопоззия, видеоролик, медиаискусство, тематическое своеобразие

Введение

Современная художественная литература заметно смещается в сторону медийности: появляются медийные форматы существования художественного текста, визуализация становится важным способом подачи текста; меняются материальные носители текста, причем цифровые носители нередко вытесняют бумажный вариант; читательские предпочтения склоняются в сторону интернет-текстов [3]. Время требует от литературы новых форматов, соответствующих цифровой эпохе [2; 7; 9; 12; 14].

Видеопоззия – особая форма современной художественной словесности, в которой органично сливаются в целостном восприятии и дополняют, поддерживают друг друга вербальная, визуальная,

звуковая и медиа составляющие. Такой сплав в одном произведении пространственных (изобразительное искусство, художественная фотография), временных (музыка и поэзия) и пространственно-временных (кино, медиаискусство) видов образного осмысления действительности позволяет говорить о рождении нового синтетического искусства, чрезвычайно актуального в цифровую эпоху.

Количество научных публикаций, посвященных видеопэзии, растет. Всего за последний год в научной электронной библиотеке Elibrary.ru (поиск по ключевому слову «видеопэзия»), увеличилось в 1,5 раза (по сравнению с 2020 г.) [9].

Среди исследований видеопэзии особо отметим работы, посвященные поэзии Урала [5; 6; 15; 16; 18]. В основном статьи направлены на разработку теоретической базы для изучения видеопэзии и анализ формы медиасловесности: поднимаются проблемы коммуникации, способов выражения авторской позиции, соотношения персонажа и автора, формата подачи материала.

Актуальность и научная новизна нашей статьи обусловлены рассмотрением предметно-смыслового пространства уральской видеопэзии: ее тематического своеобразия [20, 49-58], преобладающих мотивов и ключевых деталей или образов, мифопоэтики и архетипических символов, оказавшихся наиболее репрезентативными для художественных видеотекстов Урала.

Наиболее продуктивными для изучения видеопэзии являются, на наш взгляд, методы и приемы филологического анализа текста (литературоведческого и лингвистического), а также киноанализа. Для нас объединяющим эти методы выступил феноменологический подход к материалу.

Уральская видеопэзия

Проблема: какие видеоролики отнести к Уральской видеопэзии. Нас интересовали региональные авторы – не только создатели текстов, но и создатели непосредственно видеопэзии, видеороликов из Магнитогорска, Челябинска, Екатеринбурга, Троицка и др. Материалом для исследования послужили следующие работы:

Богомолова Анастасия, Константин Рубинский (Челябинск) – Константин Рубинский «Офелия»;

Богомолова Анастасия, Михаил Придворов (Челябинск) – Михаил Придворов «Луноход один»;

Богомолова Анастасия, Янис Грантс (Челябинск) – Янис Грантс «Пью»;

Бондарь Евгений (Челябинск) – Александр Введенский «Снег лежит»;

Ерофеев Александр (г. Магнитогорск) – Александр Ерофеев «Без любви»;

Землянская Светлана, Андрей Черкасов (Челябинск) – Андрей Черкасов «Примерно пятнадцать лет»;

Касимов Евгений (Екатеринбург) – Евгений Касимов «В закоулках страны»;

Колодко Юлия (г. Челябинск) – Борис Рыжий «Я по снам бы твоим не ходил...»;

Колодко Юлия (г. Челябинск) – Всеволод Некрасов «Вода»;

Колодко Юлия (г. Челябинск) – Полина Потапова «Родственные связи»;

Колодко Юлия, Александр Самойлов (Челябинск) – Александр Самойлов «Водолаз провёл под водой четырнадцать лет»;

Колодко Юлия, Сергей Ивкин (Челябинск-Екатеринбург) – Сергей Ивкин «Энгельса 97-А»;

Крехов Арсений, Степан Гаврилов (Челябинск) – Степан Гаврилов «Вавилон»;

Крехов Арсений, Степан Гаврилов (Челябинск) – Степан Гаврилов «Русское утро»;

Крехов Арсений, Янис Грантс (г. Челябинск) – Янис Грантс «Корабли»;

Медведев Ник, Вадим Балабан (Троицк) – Вадим Балабан «Из природы сна и воды»;

Михайлова Юлия (г. Санкт-Петербург) – Светлана Чулочникова (Холодова) «Море, Рыбак, Рыба»;

Русских Алексей, Андрей Санников (Екатеринбург) – Андрей Санников «В августе незрячем и невзрачном»;

Сергеева Анастасия (Магнитогорск) – Эдуардо Карранса «Олень солнце»;

Шлюндт Анна (г. Екатеринбург) – Цветанна «Глаза» [19].

Предметно-смысловое пространство видеопэзии

Видеоролик Анастасии Сергеевой (Магнитогорск) на стихи Эдуардо Карранса «Олень солнце» был отмечен призом зрительских симпатий. Предметно-смысловой мир этого ролика коррелирует с мироощущением классической романтической поэзии.

Автор стремится запечатлеть и тем самым продлить особое мгновение, созерцание которого открывает нам окно в мироздание в целом. В мгновении просвечивает вечность, мгновение – намек на существование жизни высокой, идеала, святости. Прекрасное мгновение открывается в определенные моменты жизни: детство, осень, природа, творчество. Неслучайно детство: незамутненный, непосредственный взгляд на мир ребенка позволяет прочувствовать

первоначало этого мира – красоту и гармонию, ощущения которых нередко теряются с возрастом в суете будней. Истинный поэт обладает детскостью. Неслучайно осень как временное пространство модели мира: золото листьев ассоциируется с идеалом, совершенством. Красота как вечность. Мироощущение романтика.

Вспомним концептуальное высказывание поэта-романтика В. А. Жуковского, который в примечании к стихотворению «Лалла Рук», в письмах к другу А. И. Тургеневу размышлял: «Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказаться, оживить нас, возвысить нашу душу – но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; ему нет имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни: величественное зрелище природы, ещё более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье и еще более несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного» [8, 461].

В видеоролике Юлии Колодко (г. Челябинск) на стихи Бориса Рыжего «Я по снам бы твоим не ходил...» съемки с высоты птичьего полета напоминают о монументализме средневековой литературы, пытающейся прозреть вечность во временном, быстропроходящем, абсолютное в несовершенном.

Звучащая строка стихотворения Бориса Рыжего «Я по снам бы твоим не ходил» заставляет вспомнить слова другого поэта-классика, У. Б. Йетса:

«Но я бедняк и у меня лишь грезы; / Я простираю грезы под ноги тебе; / Ступай легко, мои ты топчешь грезы» [10].

«В ту осень мне даже стихи удавались отчасти, но всегда не хватало строки или рифмы для счастья». Поиск смысловосоставляющего слова нельзя прекратить поэту, даже если найти такое слово практически невозможно. Видеопоэзия – один из способов найти аналог недостающей «строки» или «слова для счастья».

Уральскую видеопоэзию фестиваля «Видеостихия» можно разделить на социальную и философскую тематические группы, с явным преобладанием последней. Однако тема красоты подспудно присутствует и в социальной медиапоэзии, о чем свидетельствует, например, работа Александра Самойлова (г. Челябинск) «Виталя» (Музыка: Игорь Баланов).

Критический взгляд на социальные условия жизни большинства людей побуждает автора вовлекать зрителя в длинный визуальный ряд, набрасывая мозаичный ряд фотографий, рисуя картины разрухи, бедности, ущербности, оскудения, абсурда существования. В конечном итоге художник подталкивает зрителя к мысли о разрушении красоты

как главным признаке дисгармоничности и несправедливости социального мира. Утрата красоты чревата самоуничтожением, обесмысливанием мироздания в целом.

Социальные мотивы отчетливо звучат и в видеоролике Арсения Крехова, Степана Гаврилова (Челябинск) «Русское утро».

Этот пример видеопэзии отличается лаконичностью изобразительно-выразительных средств: черно-белая картинка и музыкальное сопровождение динамичного, отрывистого рэпа. Текст стихотворения звучит в темном ночном пространстве подземного перехода, что, конечно, контрастирует с названием «Русское утро».

Авторы предпринимают попытку самоидентификации: найти свое место в мире, вписать себя в мировое культурное время-пространство. В другом видеоролике («Вавилон») тех же авторов мы вновь наблюдаем смещение времени и пространства: переплетаются сегодняшний день и время Вавилона. Это не просто поиск аналогий, но попытка преодолеть время и пространство с помощью поэтического слова и бьющего по глазам визуального образа. Цвет нередко «исчезает» в уральской видеопэзии, особенно когда текст вписывается в сферу социальных проблем.

Черно-белый визуальный ряд отличает и короткий видеоролик Александра Ерофеева с символическим названием «Без любви». Человек не только остается без божественной любви, но, кажется, не попадает и под опеку дьявола, потому что не интересен сам себе. Однако человек всегда интересен поэту.

Прекрасная музыка Эннио Морриконе сопровождает документальные кадры, запечатлевшие привычную людскую суету во множестве оттенков серо-желтого цвета, каким отличается старая киноплёнка, при чем особое внимание уделяется нищим, убогим и тем, кто «квасит что есть сил» (бомжам и пьяницам). Именно такой парадоксальный контраст между холодным социумом и теплой музыкой делает логичным авторский ироничный вывод «Презабавнейшая штука этот странный дивный мир» и придает особую выразительность строке «Мир мучительно прекрасен» [19]. Поэзия – это музыка, музыка живет в нашем мире, несмотря на пошлость или скудость человеческого существования.

Поэзия предстает в уральской видеопэзии не только сродни музыке и в тесном союзе с музыкой, поэзия явлена как путь. Видеопэзия, конечно, не только способ вербовки новых адептов поэзии, но и прежде всего поиск самого себя.

В видеоролике Юлии Колодко (г. Челябинск) на стихотворение Полины Потаповой «Родственные связи» видеообраз движения-постижения, дороги, пути является центральным.

Социальная и философская тематика, как уже становится понятно из вышесказанного, переплетаются в уральской видеопэзии. Прорваться сквозь быт к бытию благодаря простым человеческим связям, семейным ценностям – цель, которую стремятся достигнуть Юлия Колодко и Сергей Ивкин (Челябинск-Екатеринбург) в работе «Энгельса 97-А».

Видеоролик рассказывает о чувствах, которые рождаются у лирического героя в предвкушении визита к родителям. Ключевой поэтический образ видеопоэтической картины – радость на лице мужчины, который ощущает себя мальчиком: «Яркий свет в иконы превращает лица» [19].

Тема духовного внутреннего света звучит и в видеоролике Шлюндт Анны (г. Екатеринбург) «Глаза» [19]. Поиск света в глазах превращается в поиск родного лица, родного дома, родной Вселенной.

Значительное место в видеопоэтической модели мира уральских авторов занимает образ воды и атрибутов водной стихии: нередко мы видим кадры моря, реки, дождя. Доминирующими становятся образы водной глади, волны, чаек, рыбы, сетей, рыбака, утопленника, водолаза.

Уральская видеопэзия обращается к мифологическим образам, к древним архетипам. Водная стихия предстает во всем многообразии символических смыслов, имеющих мифологические корни.

Лирическая героиня Натальи Бегуновой и Евгении Рябининой (г. Челябинск) в видеоролике «Синоним» называет себя «девочкой-без-перевода», ощущая, что она «у Боженьки не в фаворе», и сетует: «Была бы портовой шлюхой, жила бы сейчас у моря». Образ тяжелой сети, которую бессмысленно тащит героиня по суше мимо реки, противоположен образу моря и сети, полной рыбы, о которой «все <...> бредит сетями, где рыбы с избытком». Сеть как символ бытовых пут: «Останутся ужин да стирка» [19].

Видеоролик Юлии Колодко и Александра Самойлова (Челябинск) «Водолаз провёл под водой четырнадцать лет» можно рассматривать как своеобразный ключ к образам водной стихии уральской видеопэзии. Центральный образ видеоролика – водолаз, который провел под водой многие годы. Конечно, водолаз – символ поэта, живущего в ином мире. «Человеческая речь давно ему не понятна» [19]. Человеческая речь не способна донести внутреннее содержание, отсюда поиск нового языка. И обрести новый язык помогает жизненная энергия водной стихии.

Водные образы появляются и становятся основополагающими в таких видеороликах, как «Водолаз провёл под водой четырнадцать лет», «Из природы (Ник Медведев, Вадим Балабан (Троицк)), «Корабли» (Арсений Крехов, Янис Грантс (г. Челябинск)), «Офелия» (Анастасия Богомолова, Константин Рубинский (Челябинск)),

«В августе незрячем и невзрачном» (Алексей Русских, Андрей Санников (Екатеринбург)), «Море, Рыбак, Рыба» (Михайлова Юлия (г. Санкт-Петербург)) и других.

В видеоролике Светланы Землянской на стихи Андрея Черкасова (г. Челябинск) «Примерно пятнадцать лет» запечатлены детские воспоминания о море, о рыбаках, о морских камнях, красивых рыбах, взлетающих в свет, как воспоминания о свободном полете незамутненной души.

Алхимики считали человека «жидким телом». Вода в разных культурах символизировала женское начало. Может быть, отсюда особый интерес авторов к персонажам женского рода, связанным с водной стихией. Подводный мир становится местом пребывания героини в видеоролике «Офелия». Погружение в воду «символизирует смерть и физическое уничтожение или возрождение и обновление» [11, 92].

На грани жизни и смерти, на дне под толщей воды находится Офелия Константина Рубинского и Анастасии Богомоловой. Зрителя завораживает движение волн и неясные очертания «колышущегося» над Офелией мира (чайки, самолет, бабы, которые полощут белье, стрекозы), который тонет, как героиня, в многочисленных пузырьках воздуха, растворяющихся в воде или порожденных водой. Пузырьки воздуха – символ поэтической речи. Вот почему «спиннинг мотает упрямый Шекспир, пузырик поймав» [19], черпая творческую энергию из «премудрости» воды, на грани миров, на грани жизни и смерти. Вода – поэзия, порождающая новую жизнь из смерти.

Мотив смерти и новой жизни звучит также в видеоролике Ника Медведева, Вадима Балабана (Троицк) «Из природы сна и воды». Само название указывает на призрачную природу воды, ее пограничную функцию. Визуальный фон видеоролика – темные беспокойные воды.

Даже в видеоролике на ироничное стихотворение Яниса Грантса «Пью» Анастасии Богомоловой (Челябинск) запечатлена эта жажда – найти источник насыщения благотворной жидкостью в искаженном пространстве действительности. Неслучайно лицо героя в видеоролике преломляется через пустые стеклянные колбы, стаканы и банки. Ролик напоминает о призыве Ф. Рабле «Пейте!», под которым подразумевается «Пейте жизнь полной мерой».

Особо надо выделить видеоролик Юлии Колодко (г. Челябинск) по стихотворению Всеволода Некрасова «Вода».

Здесь текст не звучит, а вписывается в водную поверхность и живет в тех же ритмах, что вода. Гладь не гладь, рябь не рябь. Поэтическая игра словами и ритмика оказываются сродни игре и ритмам водной стихии. Последние строки, вопрос, над которым «гадают юноши» [19], выдает притягательную, но, видимо,

обманчивую сторону воды, обладающую загадочной силой. Вода как искушение.

Апофеозом мифологии воды можно считать видеоролик на стихи уральского поэта Светланы Чулочниковой (Холодовой) «Море, Рыбак, Рыба» [19].

В алхимии рыба считалась символом мистического перерождения. Притча о вечном тяготении друг к другу разных начал – мужского и женского превращается в размышления о взаимоотношениях земного художника и его создания, небесного творца и человека. На краю Ойкумены именно водная стихия, море как воплощение среды изначального обитания человека (символ коллективного бессознательного) и его духовного преображения (символ жизненного пути), способствует рождению личности. Вода преображает и создание, и создателя, которые остро нуждаются друг в друге. Рыбак и рыба неслиянны и нераздельны. Слышны в этом видеоролике и христианские мотивы. Рыбак – «ловец» человеков», рыба – символ веры, чистоты, крещения, причастия [13, 393; 1, 194].

Заключение

Художественный мир Уральской видеопэзии, если рассматривать ее целостно, напоминает концентрическую модель: от бытовых подробностей и деталей авторы видеопэзии поднимаются до проникновения в законы существования вселенной. От изображения индивидуального человеческого характера и его взаимодействия с социумом до проникновения в глубины бессознательного и осознания взаимоотношений творца с Творцом, пересекая границы видимого мира и погружаясь в миры «за гранью».

Литература

1. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства. Челябинск: Изд-во «Урал LTD», 2000. 272 с.
2. Бартенева А.С., Смольская Е.П. Пэзия и ее читатель в цифровую эпоху // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1 (17). С. 157–168.
3. Гавриков В. А. Будущее литературы // ART LOGOS. 2021. №2 (15). С. 168–173.
4. Голан А. Миф и символ. Москва: Русслит, 1993. 375 с.
5. Даниленко Ю. Ю., Федоров В. В. Нарратив телесности в видеопэзии Виталия Кальпиди // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №4 (30). С. 167–173.
6. Даниленко Ю.Ю., Федоров В.В. Перформативные маски и проблема идентичности в видеопэзии Яниса Грантса // Культура и текст. 2019. №2 (37). С. 97–106.

7. Дацко Д. А. Медиапоэзия как синтетический вид современного поэтического творчества // МНИЖ. 2018. №11–2 (77). С. 127–131.
8. Жуковский В. А. Собрание соч.: в 4 т. Т. 1. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 532 с.
9. Зайцева Т. Б. Планирование арт-проекта «Сценарий и видеоролик в жанре видеопэзии на международный конкурс “Видеостихия”» // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 109–123.
10. Йетс У. Б. Будь у меня небесные покровы... [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/quote/830293-uilyam-batler-jeits-izbrannye-stihotvoreniya-liricheskie-i-povestvovatelnye-uilyam-batler-jeits> (дата обращения: 20.09.2021).
11. Кирло Х. Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф. С. Капицы, Т. Н. Колядич. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 525 с.
12. Кленовская В. А. Медиапоэзия как практика самопознания // Социум и власть. 2018. № 4(72). С. 110–117.
13. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев; отв. секретарь В. М. Макаревич; зам. гл. ред. Е. М. Мелетинский и др. Изд-е 2-е. Москва: Сов. энцикл., 1988. Т. 2. К – Я. 719 с.
14. Пога Л. Н. Видеопэзия как способ репрезентации поэтического высказывания в условиях современной художественной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 44. С. 33–41.
15. Семьян Т. Ф., Смышляев Е. А. Видеопэзия в формировании нового читателя // Вестник ЮУрГПУ. 2017. №10. С. 184–188.
16. Сидякина А. А. Уральский поэтический видеоарт в процессе становления Российской видеопэзии // Вестник ЧелГУ. 2014. №23 (352). С. 152–155.
17. Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая; ред. Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. Изд-е 2-е. Москва: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
18. Федоров В. В. Феномен Челябинской видеопэзии: жанрово-коммуникативные практики // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием. Челябинский государственный педагогический университет; Ответственный редактор Т. Н. Маркова. 2015. С. 188–191.
19. Фестиваль видеопэзии «Видеостихия». URL: https://vk.com/if_videostihiya (дата обращения: 20.09.2021).
20. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва: Высш. шк., 2005. 405 с.

21. Центр визуальной культуры «Век» представляет Открытый фестиваль видеопоззии «Видеостихия» // Магнитогорск. ОГБ (Объединение городских библиотек Магнитогорска): сайт. URL: http://www.ogbmagnitka.ru/festival.html?utm_source=vk&utm_medium=cpc&utm_campaign=videoelement (дата обращения: 01.09.2021).

22. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2005. 608 с.

REFERENCES

1. Apostolos-Kappadona D. Slovar' hristianskogo iskusstva. CHelyabinsk: Izd-vo «Ural LTD», 2000. 272 p. (In Russian)
2. Barteneva A.S., Smol'skaya E.P. Poeziya i ee chitatel' v cifrovuyu epohu // Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura. 2021. T. 5. № 1 (17). Pp. 157–168. (In Russian)
3. Gavrikov V. A. Budushchee literatury // ART LOGOS. 2021. №2 (15). P. 168-173. (In Russian)
4. Golan A. Mif i simvol. Moscow: Russlit, 1993. 375 p. (In Russian)
5. Danilenko YU. YU., Fedorov V. V. Narrativ telesnosti v videopoezii Vitaliya Kal'pidi // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2018. №4 (30). Pp. 167-173. (In Russian)
6. Danilenko YU.YU., Fedorov V.V. Performativnye maski i problema identichnosti v videopoezii YAnisa Grantsa // Kul'tura i tekst. 2019. №2 (37). Pp. 97–106. (In Russian)
7. Dacko D.A. Mediapoeziya kak sinteticheskij vid sovremennogo poeticheskogo tvorchestva // MNIZH. 2018. №11-2 (77). Pp. 127–131. (In Russian)
8. Zhukovskij V. A. Sobranie soch.: v 4 t. T. 1. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. 532 p. (In Russian)
9. Zajceva T. B. Planirovanie art-proekta «Scenarij i videorolik v zhanre videopoezii na mezhdunarodnyj konkurs “Videostihiya”» // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). Pp. 109–123. (In Russian)
10. Jets U. B. Bud' u menya nebesnye pokrovy... [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.livelib.ru/quote/830293-uilyam-batler-jejts-izbrannye-stihotvoreniya-liricheskie-i-povestvovatelnye-uilyam-batler-jejts> (accessed 20.09.2021). (In Russian)
11. Kirlo H. Slovar' simvolov. 1000 statej o vazhnejshih ponyatijah religii, literatury, arhitektury, istorii / Per. s angl. F. S. Kapicy, T. N. Kolyadich. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2007. 525 p. (In Russian)
12. Klenovskaya V. A. Mediapoeziya kak praktika samopoznaniya // Socium i vlast'. 2018. № 4(72). Pp. 110–117. (In Russian)
13. Mify narodov mira: enciklopediya: v 2-h t. / gl. red. S. A. Tokarev; otv. sekretar' V. M. Makarevich; zam. gl. red.

E. M. Meletinskij i dr. Izd-e 2-e. Moscow: Sov. encikl., 1988. T. 2. K–YA. 719 p. (In Russian)

14. Poga L. N. Videopoeziya kak sposob reprezentacii poeticheskogo vyskazyvaniya v usloviyah sovremennoj hudozhestvennoj kul'tury // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2018. № 44. Pp. 33–41. (In Russian)

15. Sem'yan T. F., Smyshlyaev E. A. Videopoeziya v formirovanii novogo chitatelya // Vestnik YUUrGGPU. 2017. №10. Pp. 184–188. (In Russian)

16. Sidiyakina A. A. Ural'skij poeticheskij videoart v processe stanovleniya Rossijskoj videopoezii // Vestnik CHelGU. 2014. №23 (352). Pp. 152–155. (In Russian)

17. Slavyanskaya mifologiya: enciklopedicheskij slovar' / otv. red. S. M. Tolstaya; red. T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. YA. Petruhin. Izd-e 2-e. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2002. 512 p. (In Russian)

18. Fedorov V. V. Fenomen CHelyabinskoy videopoezii: zhanrovo-kommunikativnye praktiki // Literatura v kontekste sovremenности: Zhanrovyje transformacii v literature i fol'klore sbornik materialov VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. CHelyabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet; Otvetstvennyj redaktor T.N. Markova. 2015. Pp. 188–191. (In Russian)

19. Festival' videopoezii «Videostihiya». URL: https://vk.com/if_videostihiya (accessed 20.09.2021). (In Russian)

20. Halizev V. E. Teoriya literatury. Moscow: Vyssh. shk., 2005. 405 p. (In Russian)

21. Centr vizual'noj kul'tury «Vek» predstavlyaet Otkrytyj festival' videopoezii «Videostihiya» // Magnitogorsk. OGB (Ob"edinenie gorodskih bibliotek Magnitogorska): sajt. URL: http://www.ogbmagnitka.ru/festival.html?utm_source=vk&utm_medium=cpc&utm_campaign=videoelement (accessed 01.09.2021). (In Russian)

22. Enciklopediya simvolov, znakov, emblem. Moscow: Eksmo; Sankt-Peterburg: Midgard, 2005. 608 p. (In Russian)

**THE SUBJECT-SEMANTIC SPACE OF THE VIDEO POETRY
PRESENTED IN THE NOMINATION "POETRY OF THE URALS"
AT THE INTERNATIONAL FESTIVAL "VIDEOSTIKHIYA"**

Tatiana B. Zaitseva

*Doctor of Philology, Professor
of the Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)*

Abstract

The article "The subject-semantic space of the video poetry presented in the nomination "Poetry of the Urals" at the international

festival "Videostikhiya" examines the thematic originality of the Ural video poetry, the most representative motifs for the artistic video texts of the Urals, key details and images, features of mythopoetics and the use of archetypal symbols. The research material was videos posted to the jury and the audience in the community of the festival "Videostikhiya" in Vkontakte, by regional authors from Magnitogorsk, Chelyabinsk, Yekaterinburg, Troitsk, etc. – who are not only the creators of poetic texts, but also the creators of video poetry itself.

The main approach to the study of the thematic originality of the Ural video poetry is the phenomenological method, which is the most promising, from the point of view of the author of the article, for philosophical analysis and film analysis.

The article identifies general trends in the development of the Ural video poetry: poets' striving for self-identification by determining their place in the world, including themselves in the world cultural time-space. Video poetry is presented not only as a way to recruit new adherents of poetry, but above all as a search for your own self.

A significant place in the model of the world of the Ural authors is occupied by the image of water and the attributes of the water element. The Ural video poetry refers to mythological images, to ancient archetypes. The water element appears in all the variety of symbolic meanings with mythological roots.

The artistic world of the Ural video poetry, if viewed holistically, resembles a concentric model: from everyday particulars and details, the authors of video poetry rise to the insight into the laws of the universe, from depicting the individual human character and its interaction with society to penetrating into the depths of the unconscious and realizing the relationship of the creator with the Creator, crossing the boundaries of the visible world and plunging into "beyond" worlds.

Keywords: Ural poetry, video poetry, video clip, media art, thematic originality

Для цитирования: Зайцева Т. Б. Предметно-смысловое пространство видеопоззии, представленной в номинации «Поэзия Урала» на международном фестивале «Видеостихия» // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 90–102.

Поступила в редакцию 27.09.2021

ББК 83.3(2) + 85.3

УДК 821.161.1+784.3; 791.43/.45

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_103

А. В. Петров¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
alexpetrov72@mail.ru*

**ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА О ЛЮБВИ
В ФОРМАТЕ ВИДЕОПОЭЗИИ: МЕДИАПРОДУКТ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ АРХЕТИПОВ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО²**

В статье рассматриваются видеoverсии двух хрестоматийных стихотворений А. С. Пушкина – «Я вас любил...» и «Я помню чудное мгновенье...». Первое стихотворение представлено в сети Интернет трехминутным мини-фильмом актера Анатолия Белого; второе – четырехминутным клипом – песней рок-музыканта Вячеслава Бутусова. Видео сняты в разной стилистике, отражающей отчасти противостояние «московской» и «петербургской» художественных культур. В статье сделана «раскадровка» двух видео; анализ их композиции, сюжета, образов, манеры чтения (А. Белого), интервью (В. Бутусова) приводит к следующим выводам.

Два пушкинских стихотворения являются архетипичными и прецедентными для русской культуры и бессознательно воспроизводятся носителями русского языка для описания сходного с пушкинским жизненного опыта. «Я помню чудное мгновенье...» ориентирует читающего на достижение «полноты бытия», «Я вас любил...» – на преодоление драматического душевного (любовного) опыта. Оба исполнителя стремятся вчувствоваться в соответствующий пушкинский текст, сделать его «своим», раскрыть для себя, а значит, и для своей зрительской аудитории, его непростые смыслы, выраженные через простые, в общем, слова.

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

А. Белый – актер, чтец, режиссер и герой фильма в одном лице – использует для визуализации смыслов романтической элегии приемы фантастики и религиозно-символические образы. В. Бутусов, исполняющий произведение о чуде, наоборот, прибегает к реалистической манере съёмки, с элементами ретро и документального кино. Ему ближе не романтическая любовная история, а элегическое настроение как таковое, проникновение в атмосферу любимого им и Пушкиным Петербурга, фантазирование на пушкинские темы.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, видеопэзия, медиатекст, полнота бытия, феноменология любви и счастья, Вяч. Бутусов, Анат. Белый, бессознательное, рецепция классики

Введение

В одной из недавних своих статей я предложил обозначить центральный концепт пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» как *полноту бытия* [8]. Формально связанный с любовной темой как одной из центральных в романтической лирике и важнейший для Пушкина-романтика, сущностно он включает в себе религиозно-мистико-философский смысл. Связан этот последний с обращением души к Богу; с озарением человеческой жизни светом Идеала; с одномоментной и потому очень недолгой её наполненностью счастьем и блаженством (см. об этом: [8; 9; 11; 13]).

Я уверен, что, когда человек сам и свободно обращается именно к этому пушкинскому стихотворению, чтобы его почитать или послушать в чужом исполнении, он обязательно это редчайшее состояние души имеет в виду – ощущает необходимость в «полноте бытия».

Высказанное суждение справедливо и по отношению к музыканту, который решил бы положить пушкинское стихотворение на музыку. В 2019 году известнейший отечественный рок-музыкант Вячеслав Бутусов написал целых две версии песни «Чудное мгновение» и снял клип (на первую версию) для своего последнего на данный момент альбома «Аллилуйя» [3]. Отличаются они – «Чудное мгновение» и «Чудное мгновение 2» – аранжировками: первая – балладная, вторая – хоровая.

На настоящее время (середина ноября 2021 г.) количество просмотров клипа «Чудное мгновение» на Ютубе – 3 376, а его концертной версии от 30 июня 2021 г. – 6 953.

За несколько лет до этого визуальный ряд получил и другой пушкинский шедевр – романтическая элегия «Я вас любил...» в исполнении актера МХТ им. Чехова Анатолия Белого [1]. Видео

было создано в 2016 году в рамках его, Белого, образовательного просветительского проекта «Кинопоэзия», причем данный ролик стал, судя по всему, первым в нём.

На момент создания статьи ролик А. Белого был просмотрен на Ютубе 78 119 раз.

Оба видео являются актуальным современным медиапродуктом и, предположительно, отражают существующие здесь художественные и некоторые смежные с ними культурные тенденции (см. об этом [5; 6; 10]). Примечательно и важно, что названные стихи Пушкина входят в национальный литературный канон (обязательно изучаются в школе; хотя бы в выдержках известны каждому образованному русскому человеку) и, по сути, являются прецедентными текстами. Следовательно, они не нуждаются в каком-то медийном продвижении, популяризации, дополнительном визуальном ряде и т. п. Люди, которые их исполняют в рассматриваемых мною видео, – известные медийные и творческие личности в нашей стране. Это значит (хотя я могу ошибаться), что в своем выборе стихов они были относительно свободны, т. е. выбор этот был продиктован прежде всего субъективным желанием и/или внутренней потребностью А. Белого и В. Бутусова. Все остальные возможные причины их обращения к пушкинским стихам я со счетов не сбрасываю, но считаю менее значимыми.

Итак, в данной статье мне интересно осмыслить: 1) опыт визуализации хрестоматийных поэтических текстов русской культуры, т. е. феномен интермедальности; 2) реконструировать и интерпретировать сверхзадачу исполнителей пушкинских шедевров как их внутреннюю, духовную «проблему»; 3) включить видеопоззию в общероссийский культурный дискурс о феноменах любви и счастья (см. об этом: [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]).

Оговорюсь, что термин «видеопоззия» я понимаю широко – как любой синтез искусства слова (поэзии) и визуальных видов искусства.

«Я вас любил...» как личностное освоение чужого опыта несчастья – любовного расставания и его душевного преодоления

На сайте А. Белого о формате кинопоэзии написано: «Кинопоэзия, по сути, является интерпретацией поэзии на языке кино. Это авторское режиссерское прочтение, погружающее в насыщенный мир фантазии, метафор, образов, ассоциаций и смыслов. Воображение создателей позволит зрителям по-новому не только услышать, но и увидеть стихи» [1]. Итак, речь идет о профессиональной

киноинтерпретации – прочтении поэтического текста посредством режиссерского погружения в него.

Общая цель проекта «Кинопоэзия» описывается так: «...пробудить любовь к поэзии у широкой публики, научить слышать ее, видеть, чувствовать и сделать это при помощи кино. Поэтический мини-фильм – уникальный жанр в пространстве современного искусства» [1]. Задача вполне просветительская и дидактическая. Очевидно также, что на то, чтобы уметь «слышать, видеть и чувствовать» поэзию, претендует сам А. Белый, и себя он мыслит учителем и проводником в этом, безусловно, простом процессе.

Кроме стихов Пушкина, в жанре мини-фильма на сайте можно посмотреть стихи Маяковского, Цветаевой, Ахматовой, Есенина, Пастернака, Саши Черного, Даниила Хармса, Геннадия Шпаликова, Сергея Аксакова. Предположительно, выбор авторов и стихов опять-таки субъективный, а где-то, наверно, и случайный.

Я сделал «раскадровку» фильма А. Белого, т. е. его композиционный анализ (хронометраж – 3 мин. 25 с.). Полагаю, что именно в визуальном ряде и в сюжете фильма и скрывается замысел автора. Он же, т. е. А. Белый, является чтецом (голос за кадром) и главным действующим лицом фильма, по сути, камео.

Место действия – современная Москва. Под спокойную фортепьянную музыку на экране возникает вечерняя улица, по которой на зрителя слева направо едут автомобили с зажженными фарами. Затем идет нарезка из нескольких кадров с другими улицами, идущими людьми, едущими машинами, архитектурными сооружениями. На 40-й секунде справа налево, т. е. контрастом к «естественному» для человеческих глаз направлению движения, выходит Анатолий Белый (= его герой). Смотрит на многополосную дорогу влево и назад от себя. Далее крупный план, лицо в три четверти, затем в профиль. Следующий кадр – он заходит в пустой троллейбус, проходит его до середины, садится слева по ходу движения. Камера направляется вверх: провода (контактная сеть), штанговый токоприёмник, тёмное небо. Затем – профиль актера на фоне окна и его отражение; троллейбус трогается, двигаясь в кадре слева направо. И только на 70-й секунде (1:10) голос за кадром начинает читать стихотворение Пушкина.

Итак, целая треть ролика отдана подчеркнуто затянутому вступлению. Приём ретардации здесь высвечивает, как мне кажется, некую (пока нам неизвестную) внутреннюю проблему городского (московского) жителя, точнее, мужчины. Вознаграждением

зрителю/слушателю, ответом на его невысказанные вопросы и становятся пушкинские стихи. Чтение их актером необычно. Это не привычная декламация, рассчитанная на большую аудиторию и более-менее подготовленного слушателя. Это чтение-проговаривание «для себя». Белый делает очень длинные паузы между отдельными строками и между словами внутри строк. Он как бы «вспоминает» то, о чём рассказывает, но, разумеется, не стихи, а историю, пережитую Пушкиным (его лирическим героем). Эту историю он таким образом делает своей, личной.

«Чистого времени» «Я вас любил...» звучит в фильме 1 мин. 35 сек. (1:10 – 2:45); собственно визуальный ряд (без титров) длится 2 мин. 37 сек. (0:18 – 2:55). Очевидно доминирование «картинки», игры актера, т. е. визуальных образов, над текстом, звучащим словом.

На фразе «любовь еще, быть может» (1:23) мы видим героя крупным планом, снятого через стекло троллейбуса. Он использует жест задумчивости (завязка сюжета), смотрит на стекло, на блики от городских огней на нём, затем протягивает правую руку – пальцы крупным планом – они перебирают по стеклу в такт и ритм звучащей фортепьянной музыки – за стеклом электрические огни на первом этаже дома (особняк, в котором располагается Полиграфический институт). На слове «угасла» происходит некое чудо: остановка пальца на стекле напротив фонаря на доме совпадает с моментом угасания этого фонаря.

Мы должны понимать, что «свет» становится с этого момента символическим образом с традиционными, в общем, иносказательными смыслами (огонь любви, свет жизни, свет памяти, Бог как Свет, сияние звезды как надежда и пр.). Сделано это тонко, ненавязчиво, не словами, а средствами искусства кино.

Герой, далее, пробует «включить» и «выключить» свет во всём доме – у него это получается – он поражён происходящим. Звучит слово «не совсем» (1:43).

Со словами «но пусть она вас больше не тревожит» герой/Белый едет дальше и начинает «выключать» горящие по разные стороны от троллейбуса окна домов, ритмично надавливая указательным пальцем на их отражения под слова «безмолвно», «безнадёжно» и далее по тексту. Он уже, подобно волшебнику, просто проводит рукой – и свет гаснет в целых рядах окон, в домах. Мы видим сталинские высотки с подсвеченными шпилями; герой, обретший чудесную способность, «выключает» и их (2:20).

На 2:24 герой Белого стоит перед целиком тёмной высоткой, снятый камерой «снизу вверх», с вытянутой рукой, и на 2:27 «зажигает»

одно окно под слова «так искренно, так нежно». В окне – женский силуэт, показанный сначала издалека, затем крупным планом. Мы понимаем, что это та самая возлюбленная, которую он любил, и что он вызывает её образ в своей памяти и прощается с ней и со своим чувством.

На словах «как дай вам Бог» свет в окне превращается в свет звезды на небе (2:37) – явный религиозно-символический образ. Следует крупный план лица актера, его взгляд «внутрь себя», т. е., я полагаю, в прошлое – своё и одновременно той вечной истории, которую рассказал поэт. На последнем слове стихотворения – «другим» мы видим размытый силуэт мужчины, уходящего от зрителя по прямой; картинка размывается, музыка замирает и переходит в тревожную, дрожащую (2:48).

С 2:56 начинаются титры, продолжает звучать музыка; теперь она воспринимается как мелодия расставания.

Перейду к интерпретации.

1) Киновизуализация стихотворения «Я вас любил...» и специфическое его прочтение А. Белым направлены на «присвоение» – им и зрителем/слушателем – пушкинской истории себе, на раскрытие её вечного, непреходящего и непростого смысла, который (почти) каждому мужчине в какой-то момент его жизни суждено и познать, и пережить – впервые и лично. Гениальный русский поэт в 1829 году уже нашёл все нужные слова для описания и осмысления этой ситуации, добавить к ним нечего, их можно только заново пережить в индивидуальном опыте, принять или не принять. Герой Белого принимает.

2) Момент «чуда», когда герой гасит и зажигает свет в домах, как бы воскрешая и стирая прошлое в своей памяти, есть, я думаю, современная версия романтического двоемирия и фантастики, с одной стороны, и оригинальный киноприём – с другой. В пушкинском стихотворении ничего мистического нет, однако для визуализации его смыслов понадобились именно приемы фантастики и религиозно-символические образы.

3) «Раскадровка» и паузация отдельных слов стихотворения, соотнесение их с интонациями, жестами и действиями актера, с сюжетом лирического стихотворения представляются мне интересным синтетическим визуально-риторическим приёмом, выразительным элементом языка киноискусства и видеопоззии.

«Я помню чудное мгновенье...» как путешествие к самому себе и души влюбленного к Богу

Клип В. Бутусова на стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» [3] выстроен отчасти по схожей сюжетно-визуальной

схеме. Уместно назвать ее «путешествием». Бутусов так же, как и Белый, выступает в роли cameo. Перед нами «северная столица», в основном ее исторический центр; теплая осень; вторая половина дня.

Клип длится 4 мин. 11 сек. Начало исполнения песни: 0:13, конец – 3:30; всего около 3 мин. 17 сек. Песня в основном идёт под акустическое гитарное сопровождение, темп средне-медленный, исполнение жанрово чётко неопределимо, но ближе всего к балладно-романсовому. Последние 40 секунд аранжировка сменяется на роковую.

В клипе одновременно использовано два сильных визуальных эффекта – *замедленной съёмки и засвеченной плёнки*.

В начале видео силуэт героя появляется в проёме арки, движется на зрителя, немного справа налево. На 0:27 Бутусов в длинной синей куртке с капюшоном появляется справа, идёт налево вдоль невысокого забора сада. Затем в кадре показываются знаковые места Санкт-Петербурга: стрелка Васильевского острова, ростральная колонна, вид через Неву на левый берег с Дворцовой набережной, элементы архитектуры. Это вступление.

На 1:15 появляется девушка в белом платье, идущая по Банковскому мосту на зрителя; её провожает взглядом мальчик. Ассоциативно мы должны соотнести ее образ с тем самым «чудным явлением», а мальчика – с самим героем в прошлом, неопытным и наивным. Звучат слова «И я забыл твой голос нежный, твои небесные черты».

После этой, 3-й строфы (= завязки) следует длинный проигрыш в 30 секунд (1:30 – 2:00). Всё это время Бутусов движется в кадре справа налево на фоне неба, листьев деревьев, иногда пропадает за деревьями. С 2:22 под слова «без слёз, без жизни, без любви» появляются сцены городской жизни: голуби на асфальте, те самые девушка и мальчик, медленно идущие на нас. Слова и видеоряд, на мой взгляд, не соотнесены между собой.

Под ключевую фразу стихотворения – «Душе настало пробужденье» и далее (2: 29) показываются краешек Невы, набережной, моста, эти же мальчик и девушка на мосту. Затем они движутся справа налево на зрителя по улице, снятые через чугунные украшения-завитки моста. Под слова последней строфы стихотворения – о воскресении сердца и души – они показаны в саду или парке.

Последнее слово стихотворения Пушкина – «любовь» – протяжно звучит несколько раз «эхом»; сквозь крону деревьев проглядывает вечернее солнце. С этого момента (3:27) начинается роковая аранжировка: ударные инструменты, жёсткие электрогитары,

темп ускоряется; мальчик и девушка сидят на ступеньках около канала спиной к нам в узком проёме набережной; мимо них справа налево проходит туристический пароход.

3:46 – Бутусов стоит около Невы (или канала), смотрит на заходящее солнце, прижав левую руку «козырьком» к глазам; спускается по лестнице; его лицо показано крупным планом в лучах заходящего солнца.

Истолковать замысел визуализации пушкинских стихов в клипе Бутусова несколько сложнее, чем в фильме Белого. Я бы описал его как фантазию музыканта на пушкинские темы и настроения (Петербург, его архитектура, Нева, осень, любовь, элегические воспоминания). Исполнение пушкинских строк здесь не менее прочувствованное и индивидуальное, чем у профессионального актёра и чтеца А. Белого. На мой взгляд, это та же попытка вчувствоваться в текст Пушкина, но, скорее, не в смысл любовной элегической истории, а в элегическое настроение как таковое, а также в атмосферу любимого двумя поэтами города. Образы девушки и мальчика прочитываются как воспоминание героя о прошедшей или оставшейся в прошлом любви.

Дополнением к сказанному звучат размышления В. Бутусова о жизненном опыте [2; 4]. С возрастом, говорит он в одном из интервью, «если человек духовно развивается, он утончается, начинает чувствовать фибрами души вещи, которых не чувствовал раньше. *Ты вдруг выходишь из состояния оцепенения. Оцепенение неправильно трактуют как глупость, оцепенение – это бесчувственность*». Выделенные мною курсивом слова в цитате – это, в принципе, одно из возможных бытовых описаний сюжета стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Личные поиски В. Бутусовым той самой «полноты бытия» привели его к бессознательному обращению к архетипическому, прецедентному тексту, в котором этот феномен уже нашел совершенное свое словесно-символическое выражение.

Выводы

Несмотря на бесспорную самодостаточность и хрестоматийность двух пушкинских стихотворений, любое обращение к ним в медиaprостранстве, в особенности же известных персон, таких как Анатолий Белый и Вячеслав Бутусов, безусловно, способствует их популяризации. Видеопоэзия как один из наиболее современных медиaproдуктов, с ее колоссальными техническими возможностями охвата любой аудитории, способствует этому в высшей степени.

При этом зрители и слушатели испытывают на себе воздействие индивидуального жизненного и творческого опыта тех людей, которые транслируют им классические тексты. Выбранные В. Бутусовым и А. Белым стихотворения, их смыслы нацелены на достижение «полноты бытия» («Я помню чудное мгновенье...») и на преодоление драматического душевного опыта («Я вас любил...»).

Следует отметить также архетипичность и прецедентность этих двух текстов, которые бессознательно воспроизводятся носителями русского языка для описания сходного с пушкинским жизненного опыта.

Не повторяя уже сказанного, отмечу в завершение, что в двух визуальных интерпретациях пушкинских шедевров по-своему отразилось противостояние «московской» и «петербургской» культур. Поэтический мини-фильм А. Белого – профессиональное, срежиссированное, с выверенной актерской игрой кино, и явно с немалым бюджетом; клип В. Бутусова подчеркнуто любительский, снятый как бы «со стороны», в ретростиле, ближе к документальному кино. Актер-москвич эстетизирует романтическую элегическую love-story; музыкант-петербуржец просто и безыскусно рассказывает о воскресении души, прозревая в любимой Anima mundi.

Литература

1. А. С. Пушкин – «Я вас любил...» / Анатолий Белый // Проект Кинопоэзия. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC42iE99eFASlXYtTgTWQiwQ> (дата обращения: 01.10.2021).

2. Бутусов В. «Мы определились с названием коллектива и альбома» / беседовала Н. Васильева // Известия. 10 июля 2019. URL: <https://iz.ru/897265/natalia-vasileva/my-opredelilis-s-nazvaniem-kollektiva-i-alboma> (дата обращения: 01.10.2021).

3. Вячеслав Бутусов feat. Орден Славы – «Чудное Мгновение». URL: https://www.youtube.com/watch?v=p8_fX2uiWdY (дата обращения: 01.10.2021).

4. Группа ОРДЕН СЛАВЫ – Чудное мгновенье 1, 2 (В. Бутусов – А. Пушкин) // КУР.С.ИВ.ом – Сайт Курия Сергея Ивановича. URL: <https://www.kursivom.ru/группа-орден-славы-чудное-мгновенье-в/> (дата обращения: 13.11.2021).

5. Зайцева Т. Б. Планирование арт-проекта «Сценарий и видеоролик в жанре видеопэзии на международный конкурс “Видеостихия”» // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 109–123.

6. Ковпан В. Е. Образ роковой женщины в творчестве Григория Лепса // Мировая литература глазами современной молодежи.

Цифровая эпоха. Сб. материалов VI междунар. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г. И. Носова, 2020. С. 298–303.

7. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

8. Петров А. В. «Я помню чудное мгновенье...» А. С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 93–105.

9. Петров А. В., Цуркан В. В. Стихи о счастье на уроках литературы как средство коррекции системы ценностей у студентов и школьников // Здоровьесбережение в условиях цифровой трансформации общества: педагогические технологии – от проблем к решениям. Сборник материалов Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию ООН. Магнитогорск, 2020. С. 287–293.

10. Петров А. В., Ярина Н. В. «У меня теперь точно глаза открылись...», или «Остраннение» опыта чужой любви (Е. Дьяконова resp. В. Шкловский resp. В. Бутусов) // Libri Magistri. 2018. Вып. VI. С. 109–120.

11. Рудакова С. В. К вопросу о своеобразии представлений А. С. Пушкина о счастье в его ранней лирике // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 106–118.

12. Рудакова С. В., Рееци И. К вопросу изучения феномена счастья // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

13. Цуркан В. В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 119–127.

REFERENCES

1. A. S. Pushkin – «Ya vas lyubil...» [«I loved you...»] / Anatolij Belyj // Proekt Kinopoeziya [The Film Poetry Project]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC42iE99eFASIXYtTgTWQiwQ> (accessed 01.10.2021). (In Russian)

2. Butusov V. «My opredelilis' s nazvaniem kollektiva i al'boma» [«We have decided on the name of the band and the album»] / besedovala N. Vasil'eva // Izvestiya. 10 iyulya 2019. URL: <https://iz.ru/897265/natalia-vasileva/my-opredelilis-s-nazvaniem-kollektiva-i-alboma> (accessed 01.10.2021). (In Russian)

3. Vyacheslav Butusov feat. Orden Slavy – «Chudnoe Mgnovenie» [«A Wonderful Moment»]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=p8_fX2uiWdY (accessed 01.10.2021). (In Russian)

4. Gruppa ORDEN SLAVY – Chudnoe mgnoven'e 1, 2 [A Wonderful Moment 1, 2]. (V. Butusov – A. Pushkin) // KUR.S.IV.om – Sajt Kuriya Sergeya Ivanovicha. URL: <https://www.kursivom.ru/gruppa-orden-slavy-chudnoe-mgnoven'e-v/> (accessed 01.10.2021). (In Russian)

5. Zaitseva T. B. Planirovanie art-proekta «Scenarij i videorolik v zhanre videopoezii na mezhdunarodnyj konkurs “Videostihiya”» [Art project planning «A script and a video in the genre of video poetry for the international competition «Video scholarship»] // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). Pp. 109–123. (In Russian)

6. Kovpan V. E. Obraz rokovej zhenshchiny v tvorchestve Grigoriya Lepsa [The image of a fatal woman in the work of Grigory Leps] // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi [World literature through the eyes of modern youth]. Cifrovaya epoha. Sb. materialov VI mezhdunar. molodezh. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU im. G. I. Nosova, 2020. Pp. 298–303. (In Russian)

7. Petrov A. V. Fenomenologiya «russkogo schast'ya» v trudah T. E. Abramzon i magnitogorskoj filologicheskoy shkoly po izucheniyu russkoj poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of «The Russian Happiness» in works of T. E. Abramzon and the Magnitogorsk philological school on studying of the russian poetry of the 18–19th centuries] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 37–48. (In Russian)

8. Petrov A. V. «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'e...» A. S. Pushkina: polnota bytiya, ili otkaz ot schast'ya [«A wondrous moment i remember...» of A. S. Pushkin: completeness of existence as refusal of happiness] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 93–105. (In Russian)

9. Petrov A. V., Tsurkan V. V. Stihi o schast'e na urokah literatury kak sredstvo korrektsii sistemy cennostej u studentov i shkol'nikov [Verses on happiness at literature lessons as means of correction of a system of values at school and university students] // Zdorov'esberezhenie v usloviyah cifrovoj transformacii obshchestva [Health saving in the context of digital transformation of society]: pedagogicheskie tekhnologii – ot problem k resheniyam. Sbornik materialov Vseross. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 75-letiyu OON. Magnitogorsk, 2020. Pp. 287–293. (In Russian)

10. Petrov A. V., Yarina N. V. «U menya teper' tochno glaza otkrylis'...», ili «Ostrannenie» opyta chuzhoj lyubvi (E. D'yakonova resp. V. Shklovskij resp. V. Butusov) [«At me now precisely eyes opened...», or Distancing of experience of others love (E. Dyakonova resp. V. Shklovsky resp. V. Butusov)] // Libri Magistri. 2018. Vyp. VI. Pp. 109–120. (In Russian)

11. Rudakova S. V. K voprosu o svoeobrazii predstavlenij A. S. Pushkina o schast'e v ego rannej lirike [The peculiarity of A. S. Pushkin's ideas of happiness in his early lyrics] // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 106–118. (In Russian)

12. Rudakova S. V., Regeci I. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of Happiness] // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). Pp. 49–75. (In Russian)

13. Tsurkan V. V. Mif o schast'e v russkoy literature 1930-kh gg. [Russian literature of 1930s: the myth about happiness]. Libri Magistri. 2020. № 4 (14). Pp. 119–127. (In Russian)

TWO POEMS BY A. S. PUSHKIN ABOUT LOVE IN THE FORMAT
OF VIDEO POETRY: MEDIA PRODUCT AS THE EXPRESSION
OF THE ARCHETYPES OF UNCONSCIOUSNESS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Literary,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article analyses the video versions of two poems by A. S. Pushkin – «I loved you ...» and «I remember a wonderful moment...». The first poem is presented on the Internet by a three-minute mini-film by actor Anatoly Beliy; the second – by a four-minute clip – the song by a rock musician Vyacheslav Butusov. The videos were shot in different styles, partly reflecting the confrontation between the «Moscow» and «Petersburg» artistic cultures. The article makes a «storyboard» of two videos; an analysis of their composition, plot, images, the manner of reading (A. Beliy), and the interview (V. Butusov) leads to the following conclusions.

The two poems by A. Pushkin are archetypal and precedent-setting for Russian culture and are unconsciously reproduced by native speakers of the Russian language to describe life experience similar to Pushkin's. «I remember a wonderful moment...» orients the reader to achieve «completeness of being», «I loved you...» – to overcome a dramatic emotional (love) experience. Both performers strive to feel into the corresponding Pushkin's text, to make it «their own», to reveal for themselves, and therefore for their audience, its complex meanings expressed through simple, in general, words.

A. Beliy, an actor, reader, director and hero of the film in one person, uses fantasy techniques and religious-symbolic images to visualize

the meanings of romantic elegy. V. Butusov, performing the work about a miracle, on the contrary, resorts to a realistic shooting style, with the elements of retro and documentary cinema. He is closer not to a romantic love story, but to an elegiac mood as such, penetration into the atmosphere of St. Petersburg, beloved by him and Pushkin, fantasizing on Pushkin's themes.

Key words: A. S. Pushkin, video poetry, media text, completeness of being, phenomenology of love and happiness, Vyach. Butusov, Anat. Beliy, unconsciousness, reception of the classics

Для цитирования: Петров А. В. Два стихотворения А. С. Пушкина о любви в формате видеопоззии: медиапродукт как выражение архетипов бессознательного // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 103–115.

Поступила в редакцию 10.10.2021

С. В. Рудакова

ББК 83.3(2)

УДК 82.94

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_116

С. В. Рудакова¹

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamsu@mail.ru*

**ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЧАСТЬЯ
В МАТЕРИАЛАХ ФЕСТИВАЛЯ «ВИДЕОСТИХИЯ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВИДЕОПОЭЗИИ²**

В статье показана история формирования современной видеопэзии. Корректируется закреплённая в различных справочных источниках информация о зарождении отечественной видеопэзии, с одной стороны, показано, что один из первых полноценных в художественном отношении экспериментов по синтезу вербального слова, видеоряда и музыки был связан с деятельностью пермского литературно-художественного андеграунда и приходится на начало 1980-х гг. Но с другой стороны, показано, что истоки видеопэзии уходят вглубь веков, будучи связаны с традициями визуальной поэзии. Выявлены и продемонстрированы влияния на развитие видеопэзии знаковых трендов эпохи. Так, проанализирована связь видеопэзии с кинематографом, активное развитие которого приходится на начало XX в. Показана на примере фильмов 1908 г. «Стенька Разин» и «Стенька Разин и княжна», или «Понизовая вольница» органичная связь искусства кино и поэзии. Рассмотрен такой тренд XX века, как визуализация. На основе анализа современной художественной культуры формулируются выводы, что основанием возникновения видеопэзии послужило сближение двух художественных систем: кино и поэзии. В качестве причины актуализации репрезентации поэтического слова в формате видеопэзии называется стремительное развитие новейших технических средств массовых коммуникаций,

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

переориентация искусства с вербальности на визуальность. Популярность видеопоззии в начале XXI в. объясняется в работе многими факторами, одним из которых становится системное, начиная с 2002 г. проведение различных фестивалей и конкурсов поэтических видеоклипов. В статье обращено внимание на то, что если на рубеже XIX – XX вв. в гуманитарных науках и литературе (в том числе в визуальной поэзии) активно разрабатываются и осмысляются вопросы трагического бытия, то на рубеже XX – XXI в. начинают активно обсуждаться вопросы счастья. Однако в процессе анализа видеопоззии, представленной на одном из российских видеотекстов, посвященных вопросам счастья, совсем невысок, мировой тренд увлеченного обсуждения проблемы счастья пока не захватил мир видеопоззии. И если в репрезентации других явлений и вопросов бытия видеопоззия демонстрирует смелость и яркие эксперименты, то в представлении счастья чаще всего используются традиционные варианты репрезентации. Исключением становится текст «Море. Рыбак. Рыба», в котором и вопрос о счастье определяющий, и формы его репрезентации совершенно необычны.

Ключевые слова: видеопоззия, визуальная поэзия, визуализация, кинофестиваль «Видостихия», счастье

Введение. К истории вопроса о происхождении видеопоззии

Историю современной видеопоззии большинство исследователей ведет с конца 1960-х годов, когда Эрнесто Мелое Кастро, португальский поэт, увлекшись видео экспериментами над поэтическим текстом, снял свою первую поэтическую видеозарисовку [45]. Термин же «видеопоззия» был введен в научный оборот Томом Конивесом в 1978 г. [15; 44], когда он решил описать для публики свою первую работу в данном жанре. Родоначальником видеопоззии как самостоятельного жанра, человеком, который масштабировал это явление, считают Джанни Тотти: в начале 1980-х гг. он создал несколько концептуальных видеороликов, правда, определил эти произведения как поэтронику (Poetronica) [36].

Если говорить о России, то нет единства мнений, кого же считать основоположниками этого жанра, одни утверждают, что это К. Кедров и Д. Пригов [25; 29; 28], другие – А. Горнона и Е. Кацюба [30; 36], другие склонны их не разделять, а рассматривать как «родоначальников поэтического видеоарта в России» [31, 152]. Так, в 1984 г. К. Кедров создает любительский фильм, основой

которого стало его метафорическое стихотворение «Компьютер любви», обращаясь к визуальному и аудио ряду, использует возможности киноискусства, игру со светом, а также обращается к музыкальному сопровождению. Если говорить о Д. Пригове, то в начале 1990-х он становится известен своими видео перформансами, которые создает на основе собственных поэтических текстов. В 2000-х гг. А. Горнон создает 4 анимационных фильма, в основу которых кладет собственные стихотворения, которые отличаются полисемантизмом (автор работает со звуком и смыслом и обыгрывает это в анимационном пространстве). Е. Кацюбо вошла в истории русской и мировой поэзии как блистательный продолжатель традиций русского футуризма и традиций русской и европейской визуальной поэзии.

Популярность жанра видеопэзии в нашей стране набирает обороты с нач. 2000 г, когда на немецком фестивале поэтических фильмов «Зебра» московские энтузиасты во главе с А. Гавриловым представили несколько поэтических видеоклипов (на стихи современных поэтов), привлечших внимание и критиков, и зрителей.

Однако стоит вспомнить, что эксперименты с видеорядом, светом, музыкой и поэтическим текстом предпринимались и ранее. Можно вспомнить работу пермской творческой группы «Эскиз», в которой объединились поэты В. Кальпиди и В. Дрожащих, художники В. Смирнов и В. Остапенко, фотографы Ю. Чернышев и А. Безукладников в 80-х годах XX века: «молодые художники, поэты, рок-музыканты, фотографы, кинематографисты жили в тесном содружестве, усиленном, может быть, не столько совпадением направлений художественных поисков, сколько совместным противостоянием официальной эстетике и вкусам» [30, 321]. Одним из главных результатов деятельности творческой группы «Эскиз» стала слайд-поэма «В тени Кадриорга» [20; 31, 153–154]. Это был подлинный эксперимент, в котором участники (В. Кальпиди, В. Дрожащих, В. Смирнов и П. Печенкин) попробовали объединить в результате совместного творчества выразительные возможности разных искусств (синтезировали стихи с абстрактно-символической музыкой, видеорядом, представив это в публичном выступлении). Это было яркое и эстетически интенсивное представление. Первая демонстрация поэмы «В тени Кадриорга» состоялась в 1981 году, это был самый настоящий видеопэтический перформанс. Один из зрителей так описал свое впечатление от увиденного: «В целом зрелище “Кадриорга” производило» ошеломляющее впечатление. Большая часть публики, собиравшейся на показы слайд-поэмы,

не очень хорошо понимала его поэтическую часть и новизну видеоряда — сама по себе сложная ассоциативность оставалась, как правило, за рамками восприятия. Но мощный энергетический сплав единым потоком голосов, поэзии, музыки, цветного изображения проникал сквозь фильтры обыденного сознания. Дух свободы и раскованности, пронизывающий все художественное действие слайд-поэмы, невозможно было не ощутить» [30, 29].

Однако корни происхождения такого явления современной культуры, как видеопоэзия, много глубже. Поэтический текст существует двух форматах, как написанный на бумаге, так и прочитанный вслух. Первый модус изначально создает основы для сближения поэзии с визуальным искусством. И известно, что уже античности появлялись первые фигурные стихи, в которых с помощью текста создавался какой-то графический рисунок, которые призваны были акцентировать внимание читателя на какой-то идее или центральном образе стихотворения, вокруг которого разворачивалась та или иная поэтическая история. Одним из первых авторов, который попытался соединить визуально-материальное и художественно-вербальное стал древнегреческий поэт Симмий Родосский (5–4 вв. до н. э.), можно вспомнить, например, стихотворение, в котором описывается секира, и написано оно было в форме секиры. И подобных текстов у него было много.

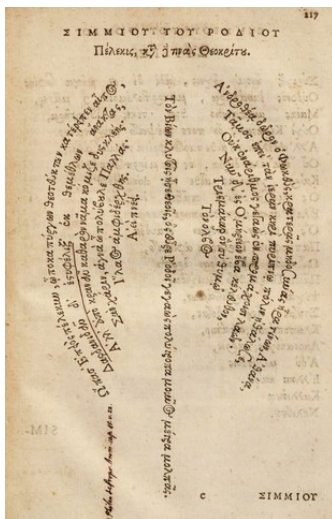

Рис. 1. Симмий Родосский. Секира [33].

В Средние века популярность фигурных стихов увеличивается, их начинают создавать чаще, так, в XVII в Московской Руси такие произведения встречаются у С. Полоцкого. У С. Полоцкого есть цикл «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу», в которых мы найдем множество стихотворений интересных не только по сути, но и по оформлению, они написаны в форме сердца, креста, звезды.

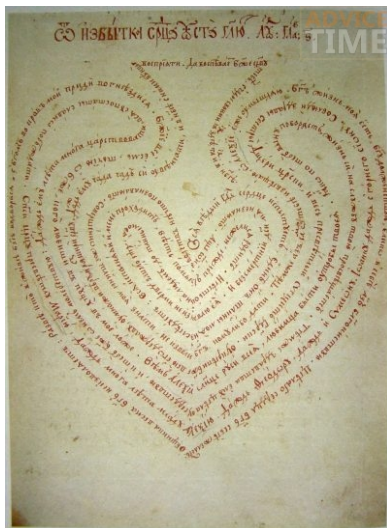

Рис. 2. Стихотворения С. Симеона Полоцкого из цикла «Благоприветствования» в форме сердца («От избытка сердца уста глаголят», 1661) и в форме звезды («Благоприветствие царю Алексею Михайловичу», 1665) [32].

В начале XX века такие эксперименты стали активней проводиться, так, во французской культуре своими экспериментами в области визуализации поэзии прославился Гийома Аполлинер, создававший каллиграммы. «Это искусство таит в себе огромные возможности, — признавался создатель «каллиграмм», — вершиной его может стать синтез музыки, живописи и литературы» [5]. Создание и чтение такой визуальной графической поэзии способствовало развитию воображения, а также ассоциативного мышления.

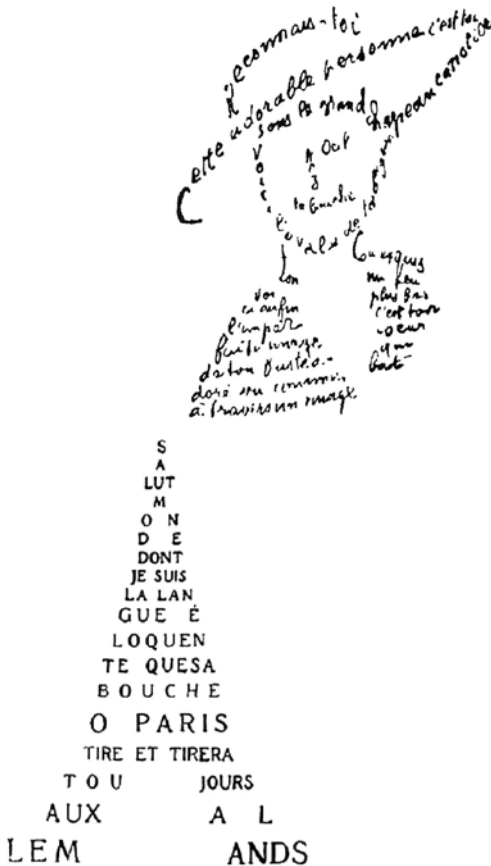

Рис. 3. Г. Аполлинер каллиграммы «Поэзия» и «Эйфелева башня» [5].

В XX веке возникает ощущение, что такие визуальные стихи, в которых поэзии все больше сближается с визуальным искусством, способствуют развитию воображения не только создателя, но и читателя, а также способствуют развитию ассоциативности мышления той и другой стороны – создающего и воспринимающего поэзию.

В России эти эксперименты были также массовыми, в них вовлекаются практически все поэты серебряного века, начиная с символистов, заканчивая футуристами, можно вспомнить В. Маяковского, В. Хлебникова, В. Брюсова, А. Белого, В. Каменского с их стихами-фигурами.

Начало XX века ознаменовано было и стремительным развитием кинематографа в Европе и России.

Удивительно, но первым художественным фильмом в России стала картина «Стенька Разин» и «Стенька Разин и княжна», или «Понизовая вольница» [35]. Снят фильм был в 1908 г. предпринимателем, хозяином фотоателье Александром Дранковым, в основу картины лег один из фрагментов пьесы Василия Гончарова «Понизовая вольница», которая в свою очередь была написана по мотивам популярной песни, зафиксированной поэтом-фольклористом Дмитрием Садовниковым «Из-за острова на стрежень». То есть первый российский художественный фильм можно рассматривать как своего рода игровую видеопэзию. Фильм представляет собой движение оживших фотографий, посвященных С. Разину, его истории, что сопровождается музыкой И. Иванова. По сути, это киноверсия может быть рассмотрена первой версией кинопоэзии. Объяснений тому, почему вдруг у кино возникает интерес к поэзии, можно найти много. Во-первых, к этому времени в России ещё не существовало ни мастерства создания сценариев, ни кейсов этих самых сценариев. Но были известны народные песни, народные баллады, которые таили в себе богатейший резерв разнообразных сюжетов, их можно было легко экранизировать. Но есть и другое объяснение. Связано оно с тем, что древнее искусство (если говорить о литературе, в частности о поэзии) и новое искусство (кино) имели схожую природу, их сближал ритм. Само соединение двух искусств – древнего и нового – оказалось логическим откликом природы поэзии (в которой заложен ритм) на ритмическую природу кинематографа (где ритм создают меняющиеся кадры). Внутренняя природа этих двух искусств дает основание для их сближения уже на моменте формирования киноискусства.

На эту особенность впервые обратил внимание русский литературный критик, историк литературы, теоретик кино, сценарист,

писатель Ю. Тынянов: «Кино делает скачки от кадра к кадру, как стих от строки к строке. Как это ни странно, но если проводить аналогию кино со словесными искусствами, то единственной законной аналогией будет аналогия кино не с прозой, а со стихом» [38, 338].

Потребность в подчеркнутой визуальности, связанной с поэзией, проявилось и в другом явлении – «Окнах РОСТА», знаменитых плакатах сатиры агитационного содержания, в создании которых принимали участие В. Маяковский, К. Малевич, А. Лентулов, Кукрыниксы, Б. Тимофеев и др. [21; 26]. Визуальность и вербальность идут рука об руку.

Подобный экскурс в историю видеопоззии позволяет сделать несколько промежуточных выводов. Поэзия и кино имеют много общего. Визуальное, динамическое и звуковое, поэтическое, ритмическое органично связаны друг с другом.

Видеопозия в современном медианпространстве

Потребность в использовании новых выразительных средств в представлении поэзии, например, визуального и видео динамического рядов, возникает тогда, когда художники остро ощущают недостаточность традиционных форм для выражения содержания своих произведений и тех мыслей, что их волнуют. Кроме того, потребность в новых формах возникает и тогда, когда художники ставят перед собой цель вывести аудиторию из зоны комфорта, увлечь в какой-то новый, ещё более сложный семиотический мир, заставить по-другому мыслить, чувствовать, действовать, т. е. изменить сознание читателей, их картину мира. Использование новых форматов, как показывает история и современность, может быть связано и с решением каких-то прагматичных задач – привлечь внимание аудитории и использовать её для решения насущных или ментальных вопросов.

В наше время это обращение к видеопоззии имеет уже не спорадический характер, интерес к ней возрастает и становится системным. Это связано и с сознательной организацией процессов, связанных с видеопоззией, и спонтанным появлением множества разнообразных социальных площадок, на которых организуется взаимодействие людей, увлеченных миром видеопоззии.

Стремительное развитие видеопоззии обусловлено и таким трендом нашей эпохи, как визуализация. Начиная с 1990-х гг. визуализация приобретает тотальный характер, она проявляется не только в кино, на телевидении, но и в масс-медиа, затрагивая все сферы жизни общества. Именно с конца XX в. психологи, размышляя

о специфике восприятия современного человека, заговорили о формировании нового клипового мышления, формирование такого типа мышления в како-то степени связано с мощным влиянием визуализации. Жизнь все более ускоряет свой темп, потоки информации расширяются. И человеку требуется все быстрее воспринимать и усваивать огромные объемы поступающей информации, в том числе и эстетического характера. И видеопоззия в какой-то степени помогает решить подобные вопросы.

Продвижению видеопоззии в начале XXI в. способствуют организованные мероприятия – фестивали и конкурсы поэтических видеоклипов, которые все активнее проводятся в XXI в.: «Зебра» (Германия, Берлин, с 2002 г.), «Пятая нога» (первоначальное название «Зря») (Москва, с 2007 г.), «СловоNova» (Пермь, с 2008 г.), «Вентилятор» (Санкт-Петербург, с 2009 г.), «Experiences» (Новосибирск, с 2010 г.), «Поэзия live» – вечер-конкурс видеопоззии (Воронеж, с 2010 г.), «CYCLOP» (Украина, Киев, с 2011), «Мой поэт» (Петрозаводск, с 2012 г.), «Поэзія в кадрі» (Украина, Киев, с 2012), «101» (Санкт-Петербург, с 2015 г.), «Видеостихия» (Магнитогорск, с 2018 г.).

Проблема счастья

Еще одна интересная тенденция, которая заинтересовала, это то, что на рубеж XIX – XX вв. приходится обсуждение сложных вопросов, в том числе, связанных с осмыслением острых социальных проблем, мучительных философских вопросов, все это отражается в том числе и в визуальной поэзии.

Рубеж веков XIX – XX ознаменован и тем, что в гуманитарных науках активно разрабатываются вопросы трагического бытия – в искусстве получает развитие настроения декаданса, в философии – теория экзистенциализма, в психологии и психоанализе (которые начинают активно развиваться со второй половины XIX века) среди вопросов, которые активно обсуждают психологи, – проблемы психопатологий, сознательного и бессознательного в человеке, проблемы депрессии, уныния, отчаяния, пустоты, одиночества и т. д. Искусство, в том числе поэзия, и гуманитарные науки отражают те процессы, что происходят в обществе. И визуальная поэзия подхватывает, и в какой-то степени это отражает в данный период.

Но все меняется на рубеже XX – XXI в. Мы видим, что в науках (и это касается не только гуманитарных наук – философии, филологии, психологии, но и социологии, экономики) начинают активно обсуждаться вопросы счастья. Счастье, которое всегда как явление

человеческой жизни привлекало к себе внимание поэтов и мыслителей, к этому вопросу обращались и в античности, и в эпоху Просвещения, и в период романтизма, но в наше время эта проблема стала одной из самых активно обсуждаемых. Доказать это можно не только появлением многочисленных публикаций, посвященных рассмотрению явления счастья в литературе [1; 2; 3; 4; 9; 18; 22; 27; 42; 43], в лингвистике [14], в философии [8; 23], в психологии [6], но и в социологии [24; 34], анализу счастья как многомерного явления бытия [37], подтверждается это и таким фактом, как проведение конференций, на которых обсуждаются фундаментальные проблемы, связанные с этим феноменом (так, например, 17–21 декабря 2020 в Нижнем Новгороде состоялась международная конференция «Фундаментальные исследования феномена счастья в междисциплинарном ракурсе» 2020) [41]. Вопрос о счастье оказывается на повестке дня в масштабах государственной и международной политики, появляются Всемирные индексы счастья [7], счастье рассматривается как важнейший показатель в развитии государства, иногда даже не менее важный, чем, например, валовой продукт [47; 46], Особую актуальность исследования счастья приобретают с момента создания в начале XXI века рейтингов стран мира по степени удовлетворенности жизнью и уровню счастья, таких как «Всемирный доклад о счастье» (World Happiness Report) [49], «Международный индекс счастья» (The Happy Planet Index) [46], «Индекс лучшей жизни» (The OECD Better Life Index) [48], «Индекс процветания Института Legatum» (The Legatum Prosperity Index) [47]. И выясняется, что ощущение счастья совсем не зависит от материальной составляющей. Мы видим, что иногда жители беднейших стран чувствуют себя более счастливыми, чем живущие в экономически более благополучных странах.

Соответственно, что такое счастье, как оно отражается в поэзии, этого вопроса литературоведы уже коснулись, меня заинтересовало, как же счастье отражается в произведениях видеопэзии, представленных на фестивале «Видеостихия».

Вяяснилось, что количественный показатель совсем невысок, мировой тренд увлеченного обсуждения проблемы счастья пока не коснулся мира видеопэзии. То есть не все трендовые процессы общекультурного пространства отражаются в видеопэзии. Она реагирует на многие болезненные мотивы, состояния, которые так или иначе можно визуализировать, на ассоциативном или документальном уровнях. Но что такое счастье, как его репрезентовать в поэтическом и визуальном тексте, не только у читателей, но и у режиссеров,

сценаристов клипов видеопоззии вызывает множество вопросов. Видеопоззия использует возможности вербального, визуального и музыкального искусств, «стремясь – в идеале – к их синтезу» [7, 23], расширяя горизонты смысла текста (см. подробнее [7; 16: 17]. Несмотря на интенсивное использование понятия «счастье» в публичном дискурсе и активные попытки конструирования его образа для продвижения идей и товаров, этот феномен остается трудно описываемым и сложным в изучении, тем более в видеопоззии.

Есть небольшая группа текстов, представленных на фестивале «Видеостихия», в которых вопросы счастья рассматриваются на втором – третьем планах, еще меньше произведений, где проблема счастья оказывается ведущей. Обнаружилось несколько видеотекстов, в котором счастье репрезентировано в традиционном варианте – через улыбку и теплый взгляд, через детское непосредственное выражение эмоций (даже если их проявляет взрослый) – качание на качелях, подпрыгивание, вскидывание рук вверх от радости, через проявление позитивной удовлетворенности тем, чем ты занимаешься – работой, которая принесит тебе радость и наполняет счастьем (чаще всего это связано с рисованием или каким-то другим видом творчества). Есть такое произведение, которое в прошлом году получило Гран-при, это «Море. Рыбак. Рыба» [10], в котором вопрос счастья выходит на первый план. Однако само раскрытие этой проблемы в данном поэтическом клипе удивительно. Выполнен он в серо-черном цвете, белого практически нет, само счастье предстает как нечто недостижимое, а потому основное настроение не приподнято-радостное, а трагически-безысходное. Счастье, к которому все герои устремлены, оказывается для них абсолютно недостижимо, причем очевидным это оказывается для героев не в финале, а в самом начале их пути.

В работах, которые представлены в этом году на фестивале, также ощущается эмоциональный надрыв, что по этой трагической тональности сближает видеопоззию начала XXI с поэзией начала XX века, тренд рассмотрения счастья как основы основ, которая должна стать скрепой государственного, социального, личного мира, видеопоззия пока не восприняла. Но образ счастья все же привлекает внимание авторов поэтических видеороликов, идет активный поиск путей и способов репрезентации этого такого понятного, но совершенно неуловимого состояния – счастья. Возможно, видеопоззия – это один из способов найти недостающее слово для смысла, для счастья, найти и обрести аналог счастья или же само счастье.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII-XIX вв.: из истории формулы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 368–377.
2. Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1 (55). С. 319–336.
3. Абрамзон Т. Е. Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 199–203.
4. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.
5. Аполлинер. Каллиграммы [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/images/search?text=%D0%90%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80.%20%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D1%8B&from=tabbar> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Аргайл М. Психология счастья. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2003. 271 с.
7. Барковская Н. В. Видеопоэзия: проблема субъекта и контекста Филологический класс. 2021. Т. 26. №3. С. 21–33.
8. Бахтин М. В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии. Москва: Изд-во Московского института духовной культуры, 2006. 108 с.
9. Васильева Т. И., Карпичева Н. Л., Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. Москва: Флинта, 2013. 356 с.
10. Видеоклип "Море, Рыбак, Рыба" по стихотворению Светланы Холодовой. «КиноСтудия М» и В. Южно. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uu1r76mFkGs> (дата обращения: 15.07.2021).
11. Видеостихия – 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA&path=wizard&parent-reqid=1638897686625755-12114103420795663882-vla1-0471-vla-l7-balancer-8080-BAL-2284&wiz_type=vital&filmId=12397709216530951573 (дата обращения: 15.09.2021).

12. Видеостихия – 2020. Подборка лучших роликов фестиваля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MPpdXEW-KIQ&t=30s> (дата обращения: 15.09.2021).
13. Видеостихия – 2021. Подведение Итогов. Магнитогорск [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA&path=wizard&parent-reqid=1638881693578785-4100619706329384864-sas3-0998-46d-sas-l7-balancer-8080-BAL-1171&wiz_type=vital&filmId=12040674103981129192 (дата обращения: 29.10.2021).
14. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Издво Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.
15. Вульф К. Антропология: история, культура, философия / пер. с нем. Г. Х. Хайдаровой. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 278 с.
16. Давыдов Д. М. Видеопоэзия как феномен и как разнообразие практик [Электронный ресурс] // Русский Гулливер. 2012. № 1. URL: <http://www.gulliveruPr.ru/gvideon/?artide=1843> (дата обращения: 15.07.2021).
17. Житенев А. А. Современная литература в контексте медиа: феномен видеопоэзии // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Я. Гончаровой–Грабовской. Минск: РИВШ, 2010. С. 78–83.
18. Жусупова А. Р., Зайцева Т. Б. Концепт «счастье» в эпистолярном наследии А. П. Чехова // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сб. материалов IV междунар. молодежной науч.-практ. конф. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. С. 127–131.
19. Ибатуллина Г. Мртазовна., Мишина Г. В., Радь Э. А., Старицына Ю. А. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. С. 91-115.
20. Из истории советского видеоарта. Видео-перформанс "Слайд-поэма "В тени Кадриорга" (Пермь, 1982). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teterin.ru/kadriorg/> (дата обращения: 15.07.2021).
21. Михаленко Н. В. Плакаты В. В. Маяковского – единство визуального и вербального: от «Сегодняшнего лубка» к «Окнам

ПОСТА» // Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filoloģijas pētījumi. LU Akadēmiskais apgāds. Latvijas Universitāte. Rīga, 2015. С. 20–28.

22. Молнар А. «Тургеневский» роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье» [Электронный ресурс] // Духовное наследие Л. Н. Толстого в контексте мировой литературы и культуры. Сборник материалов XXXVII Международных Толстовских чтений. Тула: ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2020. С. 61–65. URL: https://tspu.ru/fb/Tolstov_sb/%D0%A2%D0%A7_2020/index.html (дата обращения: 02.06.2021).

23. Навайтис Г. А. Фелицитарная перспектива. Москва: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2016. 198 с.

24. Нешев К. Этика счастья / Пер. с болг. В. Т. Ганжина. Москва: Знание, 1982. 64 с.

25. Пога Л. Н. Видеопоэзия как способ репрезентации поэтического высказывания в условиях современной художественной культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 44. С. 33–40

26. Полонский В. Русский революционный плакат. Москва: Гос. изд-во, 1925. 192 с.

27. Регеци И. Значения «трёх аршинов земли» в рассказе А. П. Чехова «Крыжовник» и в адаптации текста у В. Пьепуха // Творчество А. П. Чехова: природа, человек, общество: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Таганрог, сентябрь 2017 г. Редкол.: Е. В. Липовенко, М. Ч. Ларионова (отв. ред.), Л. А. Токмакова. Ростов н/Д: Foundation, 2018. С. 141–155.

28. Родионов А., Тропольская Е. Алхимический жанр [Электронный ресурс] // Октябрь. 2012. № 3. URL: <http://magazinePp.rusPp.ru/october/2012/3/tr.html> (дата обращения: 15.07.2021).

29. Семёнова Е. Клип для музыки Эвтерпы // Литературная газета. 19.01.2011. № 1(6307). <https://lgz.ru/article/N1-6307-2011-01-19/Klip-dlya-muz%D1%8B-%D0%ADvt%D0%B5rp%D1%8B15044/> (дата обращения 02.06.2021).

30. Сидякина А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск: Изд. дом «Фонд Галерея», 2004. 313 с.

31. Сидякина А. А. Уральский поэтический видеоарт в процессе становления Российской видеопоэзии // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). С. 152–155.

32. Симеон Полоцкий стихи фигурные. [Электронный ресурс]. URL:

<https://yandex.ru/images/search?text=симеон%20полоцкий%20стихи%20фигурные&from=tabbar> (дата обращения: 15.07.2021).

33. Симмий Родосский. Секира [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/images/search?text=%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.%20%D1%81%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%B0&from=tabbar&pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fsun9-72.userapi.com%2F0_B-lyOtXcDr__d3B0fusfe0EPzt1-mqkZg3oQ%2FA8n53lhWASk.jpg&rpt=simage (дата обращения: 15.07.2021).

34. Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. С. 507–513.

35. Стенька Разин. Понизовая вольница (1908). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rDNvQ4ijmfA&t=49s> (дата обращения: 15.07.2021).

36. Степанов Е. Новые жанры современной русской поэзии: видеопэзия, лингвогобелены, листовертни, танкетки, цифровая поэзия // Дети Ра. 2001. № 12(86). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazinePp.rusPp.ru/ra/2011/12/s35.html> (дата обращения: 15.07.2021).

37. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. Москва: Прогресс, 1981. Сост. и пер. с польск. Л. В. Коноваловой. 368 с.

38. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. 574 с.

39. Фестиваль видеопэзии «ВИДЕОСТИХИЯ» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/if_videostihiya (дата обращения: 15.07.2021).

40. Фестиваль ВИДЕОСТИХИЯ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC5Skg5XQS8PTseGl51j80Uw> (дата обращения: 01.10.2021).

41. Фундаментальные исследования феномена счастья в междисциплинарном ракурсе. Международная научно-практическая конференция. Нижний Новгород, 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://hxm3p.com/b_GmQHfs759acljUHPYp-w_fundamentallynie-issledovaniya-fenomena-schastye-v-mezhdistsiplinarnom-rakurse.html (дата обращения: 27.05.2020).

42. Abramzon T. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: the search for true bliss // Slavonica. 2018. T. 23. № 1. С. 25–41.

43. Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenth century Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and ArtPp. SGEM 2015. Sofia, 2015. C. 645–652.
44. Conyves T. Video poetry: A Manifesto [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/1479620/VIDEOPOETRY_A_MANIFESTO (дата обращения: 15.07.2021).
45. De Melo e Castro E. M. Videopoetry // Media Poetry: An International Antology. Chicago: Intellect Books: The University of Chicago Press, 2007. Pp. 175–184.
46. Happy Planet Index [Электронный ресурс]. URL: <http://happyplanetindex.org/> (дата обращения: 05.09.2021).
47. The Legatum Prosperity Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prosperity.com/> (дата обращения: 05.09.2021).
48. The OECD Better Life Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/#/11111111111> (дата обращения: 05.09.2021).
49. «World Happiness Report». The Earth Institute Columbia Univercity [Электронный ресурс]. URL: <http://www.earth.columbia.edu/articles/view/2960> (дата обращения: 27.05.2021).

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Blessed is the one who ...” in the Russian poetry of the 18th — the 19th centuries: a history of the poetic formula // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2015. № 3 (49). Pp. 368–377. (In Russian)
2. Abramzon T. E. Eudomonistic ideas in Karamzin's works// Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2017. № 1 (55). Pp. 319–336. (In Russian)
3. Abramzon T. E. Fortuna-besom and other goddesses of happiness in N. L. L'vov's poetry // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. 2015. № 2 (48). Pp. 199–203. (In Russian)
4. Abramzon T. E., Rudakova S. V. The concept of happiness in Boratinsky's lyrics // Memoirs of Novsu. 2018. № 4 (16). Pp. 1–5. (In Russian)
5. Apolliner. Kalligrammy. URL: <https://yandex.ru/images/search?text=%D0%90%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D1%80.%20%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D1%8B&from=tabbar> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
6. Argajl M. Psihologija schast'ja [The psychology of happiness]. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Piter», 2003. 271 p.

7. Barkovskaja N. V. Video Poetry: the Problem of Subject and Conte. Philological class. 2021. Vol. 26. №3. Pp. 21–33. (In Russian)
8. Bahtin M. V. Schast'e i blazhenstvo v svete hristianskoj antropologii [Happiness and bliss in the light of Christian anthropology]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo instituta duhovnoj kul'tury, 2006. 108 p. (In Russian)
9. Vasil'eva T. I., Karpicheva N. L., Curkan V. V. Antologija hudozhestvennyh konceptov russkoj literatury XX veka [Anthology of Fiction Concepts in 20th Century Russian Literature]. Moscow: Flinta, 2013. 356 p. (In Russian)
10. Videoklip "More, Rybak, Ryba" po stihotvoreniju Svetlany Holodovoj. «KinoStudija M» i V. Juhn. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uu1r76mFkGs> (data obrashhenija: 15.07.2021). (In Russian)
11. Videostihija – 2019. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA&path=wizard&parent-reqid=1638897686625755-12114103420795663882-vla1-0471-vla-l7-balancer-8080-BAL-2284&wiz_type=vital&filmId=12397709216530951573 (accessed 15.09.2021). (In Russian)
12. Videostihija – 2020. Podborka luchshih rolikov festivalja. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MPpdXEW-KIQ&t=30s> (data obrashhenija: 15.09.2021). (In Russian)
13. Videostihija – 2021. Podvedenie Itogov. Magnitogorsk. URL: https://yandex.ru/video/preview/?text=%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA&path=wizard&parent-reqid=1638881693578785-4100619706329384864-sas3-0998-46d-sas-l7-balancer-8080-BAL-1171&wiz_type=vital&filmId=12040674103981129192 (accessed 29.10.2021). (In Russian)
14. Vorkachev PP. G. Koncept schast'ja v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The Concept of Happiness in Russian Language Consciousness: Experience of Linguocultural Analysis]. Krasnodar: Izdvo Kuban. gos. tehnol. un-ta, 2002. 142 p. (In Russian)
15. Vul'f K. Antropologija: istorija, kul'tura, filosofija [Anthropology: history, culture, philosophy]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2008. 278 p. (In Russian)

16. Davydov D. M. Videopojezija kak fenomen i kak raznoobrazie praktik [Video poetry as a phenomenon and variety of practices] // Russkij Gulliver. 2012. № 1. URL: <http://www.gulliveruPp.ru/gvideon/?artide=1843> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
17. Zhitenev A. A. Sovremennaja literatura v kontekste media: fenomen videopojezii [Modern Literature in the Context of Media: the Phenomenon of Video Poetry] // Russkaja i belorusskaja literatury na rubezhe XX–XXI vv. [Russian and Belarusian Literature at the Turn of the 21st Century]. Minsk: RIVSh, 2010. Pp. 78–83. (In Russian)
18. Zhusupova A. R., Zajceva T. B. Koncept «schast'e» v jepistoljarnom nasledii A. P. Chehova [The concept of "happiness" in Chekhov's epistolary legacy. P. Chekhov] // Mirovaja literatura glazami sovremennoj molodezhi. Cifrovaja jepoha [World literature through the eyes of today's youth. The digital age]. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. teh. un-ta im. G. I. Nosova, 2018. Pp. 127–131. (In Russian)
19. Ibatullina G. Mrtazovna., Mishina G. V., Rad' Je. A., Staricyna Ju. A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature // Modern Studies of Social Issues. 2020. Vol. 12. № 4. Pp. 91-115. (In Russian)
20. Iz istorii sovetskogo videoarta. Video-performans "Slajd-pojema "V teni Kadriorga" [From the history of Soviet video art. Video performance "Slide poem "In the shadow of Kadriorg"] (Perm', 1982). URL: <http://www.teterin.ru/kadriorg/> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
21. Mihalenko N. V. Plakaty V. V. Majakovskogo – edinstvo vizual'nogo i verbal'nogo: ot «Segodnjashnego lubka» k «Oknam ROSTA» [Mayakovsky's posters – the unity of the visual and the verbal: from "Today's Lubok" to "Windows of Growth"] // Rusistica Latviensis 5. Slavica – 2015: filologijas pētījumi. LU Akadēmiskais apgādPp. Latvijas Universitāte. Riga, 2015. Pp. 20–28. (In Russian)
22. Molnar A. «Turgenevskij» roman L. N. Tolstogo «Semejnoe schastie» ["Turgenev's Tolstoy's Novel Family Happiness"] // Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v kontekste mirovoj literatury i kul'tury [The spiritual legacy of Leo Tolstoy in the context of world literature and culture]. Sbornik materialov XXXVII Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij. Tula: TPGU im. L. N. Tolstogo, 2020. Pp. 61–65. URL: https://tspu.ru/fb/Tolstov_sb/%D0%A2%D0%A7_2020/index.html (accessed 02.06.2021). (In Russian)
23. Navajtis G. A. Felicarnaja perspektiva [Felicite perspective]. Moscow: NOU VPO Moskovskij psihologo-social'nyj universitet, 2016. 198 p. (In Russian)

24. Neshev K. Jetika schast'ja [The ethics of happiness]. Moscow: Znanie, 1982. 64 p. (In Russian)
25. Poga L. N. Videopoetry as a Way of Modern Art Poetic Discourse Representation // Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Art. 2018. № 44. Pp. 33–40. (In Russian)
26. Polonskij V. Russkij revoljucionnyj plakat [Russian revolutionary poster]. Moscow: GoPp. izd-vo, 1925. 192 p. (In Russian)
27. Regeci I. Znachenija «trjoh arshinov zemli» v rasskaze A. P. Chehova «Kryzhovnik» i v adaptacii teksta u V. P'ecuha [The meanings of the "three arches of land" in the story of A. P. Chekhov "Gooseberry". Chekhov's "Gooseberry" and V. Piecukh's adaptation of the text] // Tvorchestvo A. P. Chehova: priroda, chelovek, obshhestvo [Chekhov's work: nature, man, society]. Rostov n/D: Foundation, 2018. Pp. 141–155. (In Russian)
28. Rodionov A., Troepol'skaja E. Alhimicheskij zhanr [Alchemical genre] // Oktjabr [October]. 2012. № 3. URL: <http://magazinePp.rusPp.ru/october/2012/3/tr.html> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
29. Semjonova E. Klip dlja muzy Jevterpy [A clip for Euterpa's muse] // Literaturnaja gazeta [Literary Newspaper]. 19.01.2011. № 1(6307). <https://lgz.ru/article/N1-6307-2011-01-19-/Klip-dlya-muz%D1%8B-%D0%ADvt%D0%B5rp%D1%8B15044/> (accessed 02.06.2021). (In Russian)
30. Sidjakina A. A. Marginaly. Uralskij andegraund: zhivye lica pogibshej literatury [The marginals. The Ural Underground: Living Faces of Lost Literature]. Cheljabinsk: Galereja, 2004. 313 p. (In Russian)
31. Sidjakina A. A. Ural'skij pojeticheskij videoart v processe stanovlenija Rossijskoj videopojezii [Ural poetic video-art in the process of formation of Russian videopoetry] // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2014. № 23 (352). Pp. 152–155. (In Russian)
32. Simeon Polockij. Stihi figurnye [Figure poems]. URL: <https://yandex.ru/images/search?text=simeon%20polockij%20stihi%20figurnye&from=tabbar> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
33. Simmij Rodosskij. Sekira [The axe]. URL: https://yandex.ru/images/search?text=%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D0%B9%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D1%80%D0%B0&from=tabbar&pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fsun9-72.userapi.com%2F0_B-IYOtXcDr_d3B0fusfe0EPzt1-mqkZg3oQ%2FA8n53IhwASK.jpg&rpt=simage (accessed 15.07.2021). (In Russian)

34. Sorokin P. A. Sociologicheskij progress i princip schast'ja [Sociological progress and the principle of happiness] // Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo [Man. Civilisation. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. Pp. 507–513. (In Russian)
35. Sten'ka Razin. Ponizovaja vol'nica [Ponizovyje liberty] (1908). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rDNvQ4ijmfA&t=49s> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
36. Stepanov E. Novye zhanry sovremennoj russkoj poezii: videopoezija, lingvogobeleny, listovertni, tanketki, cifrovaja poezija [New genres of contemporary Russian poetry: video poetry, linguo-poetry, liverettes, tankettes, digital poetry] // Deti Ra [Ra's children]. 2001. № 12(86). URL: <http://magazinePp.rusPp.ru/ra/2011/12/s35.html> (accessed 15.07.2021). (In Russian)
37. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka [On the happiness and perfection of man]. Moscow: Progress, 1981. Sost. i per. s pol'sk. L. V. Konovalovoj. 368 p. (In Russian)
38. Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. 574 p. (In Russian)
39. Festival' videopoezii «VIDEOSTIHIJA» [Video Poetry Festival "VIDEOSTICHIA"]. URL: https://vk.com/if_videostihiya (accessed 15.07.2021). (In Russian)
40. Festival' VIDEOSTIHIJA [Video Poetry Festival "VIDEOSTICHIA"]. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC5Skg5XQS8PTseGl51j80Uw> (accessed 01.10.2021). (In Russian)
41. Fundamental'nye issledovanija fenomena schast'ja v mezhdisciplinarnom rakurse [Fundamental Research on Happiness from an Interdisciplinary Perspective]. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Nizhnij Novgorod, 2020. URL: https://hxmp3.com/b_GmQHfs759acljUHPYp-w_fundamentalnyie-issledovaniya-fenomena-schastye-v-mezhdistsiplinarnom-rakurse.html (accessed 27.05.2020). (In Russian)
42. Abramzon T. The philosophy of happiness in selected works of N. M. Karamzin: the search for true bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. № 1. Pp. 25–41. (In English)
43. Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenthcentury Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and ArtPp. SGEM 2015. Sofia, 2015. Pp. 645–652. (In English)
44. Conyves T. Videopoetry: A Manifesto [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.academia.edu/1479620/VIDEOPOETRY_A_MANIFESTO (accessed 15.07.2021). [in English].

45. De Melo e Castro E. M. Videopoetry // Media Poetry: An International Antology. Chicago: Intellect Books: The University of Chicago Press, 2007. Pp. 175–184. (In English)
46. Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org/> (accessed 05.09.2021). (In English)
47. The Legatum Prosperity Index. URL: <https://www.prosperity.com/> (accessed 05.09.2021). (In English)
48. The OECD Better Life Index. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/#/111111111111> (accessed 05.09.2021). (In English)
49. «World Happiness Report». The Earth Institute Columbia University. URL: <http://www.earth.columbia.edu/articles/view/2960> (accessed 27.05.2020). (In English)

THE PROBLEM OF THE REPRESENTATION OF HAPPINESS
IN THE MATERIALS OF THE "VIDEOSTIKHIYA" FESTIVAL
IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF VIDEO POETRY

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics
and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article presents the history of the formation of modern video poetry. The information on the origin of the domestic video poetry fixed in various reference sources is corrected. On the one hand, it shows that one of the first comprehensive experiments in the synthesis of the verbal word, video presentation and music was organized by the Perm literary and artistic underground movement in the early 1980s. On the other hand, the article shows that the video poetry originated in the distant past, being related to the visual poetry traditions. The influence on the development of video poetry of landmark trends of the era was revealed and demonstrated. The organic link between the art of cinema which was actively developed at the beginning of the 20th century and poetry is illustrated in the examples of "Stenka Razin" and "Stenka Razin and the Princess", or "Ponizovaya Volnitsa". Such trend of the 20th century, as visualization, is considered. Based on the analysis of contemporary art culture the conclusion is made that the origin of video poetry was the convergence of two artistic systems – cinema and poetry. The rapid development of the latest technical means of mass communication and reorientation of art from verbal to visual are mentioned as the reasons for the actualization of the poetic word representation in the format of video poetry. The paper explains the popularity of video poetry in the early 21st century by a number

of factors, one of which is a systematic organization of various festivals and contests of poetic video clips, starting from 2002. The article pays attention to the fact that if at the turn of the 19th-20th centuries humanities and literature (including visual poetry) were actively developing and conceptualizing the issues of tragic existence, then at the turn of the 20th-21st centuries the issues of happiness are actively being discussed. However, the analysis of video poetry, presented at one of the Russian video festivals - "Videostikhiya", showed that the quantitative index of video texts, devoted to the issues of happiness, is quite low; the world trend of keen discussion on happiness has not yet seized the world of video poetry. And while video poetry demonstrates boldness and bright experiments in the representation of other phenomena and issues of being, in the representation of happiness traditional options of representation are most often used. The text "Sea. Fisherman. Fish" in which both the question of happiness is brought in the forefront and the forms of its representation are quite unusual is an exception.

Keywords: video poetry, visual poetry, visualization, Vidostichya festival, happiness

Для цитирования: Рудакова С. В. Проблема репрезентации счастья в материалах фестиваля «Видеостихия» в контексте истории видеопоезии // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 116–137.

Поступила в редакцию 07.10.2021

**Материалы международной научно-практической
конференции "HUMAN+", проведенной 23 – 25 ноября
2021 г. (Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова)**

**ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1**

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_138

V. V. Tsurkan¹

*Nosov Magnitogorsk State University
veravts2013@yandex.ru*

S. A. Predeina²

*Nosov Magnitogorsk State University
lana.predeina96@mail.ru*

O. Yu. Kolesnikova³

*Nosov Magnitogorsk State University
373foxy@mail.ru*

**N. GUMILYOV'S LYRICS:
THE CONCEPT OF "HAPPINESS"⁴**

The purpose of the article is to explore traditional and individual author's ways of presenting the concept of "happiness" in N. Gumilyov's works through the method of conceptual analysis. The features of Gumilyov's felicitarian model representation, initially rejected the pessimism of the symbolists in their striving for the future and in relation to the world as a whole, are considered. The author

¹ Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Предеина Светлана Андреевна, студент-филолог, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

³ Колесникова Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

of the article analyzes the motive of ephemerality and unattainability of happiness, which the lyrical hero of N. Gumilyov's early work seeks in dreams, promised or exotic worlds, beyond the earthly life. The importance of negative experience in communicating with the "beyond" is emphasized in the emergence of new aspects of the perception of other variants of happiness (the happiness of the "daring path" of the discoverer, warrior, navigator, magician, priest; love happiness, the guarantee of which is the closeness of the inner world of the beloved, the determination and courage of the lyrical hero). It is noted that the peculiarities of understanding happiness in the mature N. Gumilyov's work are associated with the acceptance of the path destined by the fate of the poet. The mission of the "knight of happiness", as N. Gumilyov's lyrical hero now calls himself, is the happiness of new existence perception, overcoming the resistance of "enemies", the content of the word, in faith and hope conveyance to those who take an anxious and pessimistic view of what is happening. The conclusion is made about the refraction of a number of principles of Acmeist aesthetics and poetics in the Gumilyov felicitarian concept. These include the rejection of theurgism, the use of a subject detail that allowed revealing the peculiarities of the psychology of the hero, the synthetics of images, a verified system of oppositions, among which the antinomy of existence / non-existence becomes the foundation stone in Gumilyov's polemic with symbolists.

Keywords: N. Gumilyov, Silver Age, happiness, acmeism, dream, daring path, love, creativity

Introduction

In the poetry of the Silver Age, the social and civic themes having engrossed the minds of previous generations receded to the side, giving way to existential issues: questions of life, death, love, suffering, disappointment in ideals. Against this background, the question of happiness had been put on hold. Perhaps that is why literary critics who wrote at different times about N. Gumilyov's work considered the concept of "happiness" as peripheral in the poet's artistic world. Meanwhile, N. Gumilyov's formation as an acmeist, who saw the main goal of the creator in the artistic development of the diverse earthly world, "sounding, colorful, having shapes, weight and time" [3, 205], was inseparable from the modeling of the emotional concept of "happiness". For a good reason in his "Letters on Russian Poetry" N. Gumilyov wrote: "Our duty, our will, our happiness

and our tragedy is to guess hourly what the next hour will be for us, for our cause, for the whole world, and to hasten its approach." [4, 126].

In the Russian national picture of the world, the range of lexeme "happiness" interpretations is very wide: from fate, destiny, doom, lot to prosperity and well-being [7]. The content of the felicitous concept, which is difficult to systematize in the Russian literature, was studied in the works of T. E. Abramzon [1; 16], S. V. Rudakova [12], A. V. Petrov and A. S. Eskova [8], V.V. Tsurkan and T. B. Zaitseva [15].

Starting from traditional interpretations of happiness as "a state of complete, supreme satisfaction, possession of the highest benefits, a positive balance of life" [10, 720], N. Gumilyov introduced his own interpretation into the concept. In the Gumilyov conceptsphere, happiness was represented as "dazzling" [5, 390], "unknown" [5, 400], "ambrosial" [5, 292], "strange" [5, 387], "bluish" [5, 40] and at the same time - "long-mourned" [5, 148], "drunk" [5, 166], "burning" [5, 122], "poisoning" [5, 100]. On the one hand, it is synonymous with the concepts of "pain" [5, 58], "silence" [5, 132], "darkness" [5, 132], and on the other - "God's temple" [5, 137], "promised land" [5, 148], "ravishing garden" [5, 147]. Creating an original felicitarian model, N. Gumilyov, as S. Slobodnyuk notes, polemicized with the symbolists, rejected their "pessimism towards the world and global aspiration to the future. He had a particularly sharp rejection of the idea of an Eternal Wife" [13, 149].

Main part

In the first Gumilyov collections "The Way of Conquistadors" (1905) and "Romantic Flowers" (1908), symbolist imagery still obscured real impressions. The poet emphasized the incompatibility of the harmony of the inner life of the lyrical hero and the disharmony of the external life. In the poem "Gardens of the Soul" (1907), the topos of happiness for the lyrical hero was the image of a garden of eden with golden sand, fresh and calm winds, an immaculate "girl in a wreath of a great priestess" [5, 81]. The idyllic picture of the "feast of lightsome paralysis" [5, 81] was crowned with the imperative: "Let the sirocco rage in the desert, / The gardens of my soul are always patterned" [5, 81]. Happiness is spoken of as a dream, submissive "only to the eternal" [5, 81].

At the same time, the lyrical hero is looking for happiness in exotic worlds or beyond earthly life. In the poem "The Rhinoceros" (1907), the separation from being does not sadden him at all, since ahead there is the land of dreams and "pink mists" [5, 85]. In the poem "I've been dreaming" (1907), the happiness of union with a loved one is possible only

after death: "It happened: we both died, / We lie with a calmed look. / Two white, white coffins / They are placed side by side" [5, 67].

The motif of the ephemerality and fragility of happiness is also heard in the poem "Evening" (1908). "Another unnecessary day" [5, 148] is contrasted with "the lady of the night", which plunges the lyrical hero into sleep and gives him the opportunity to find "long-mourned happiness" in the "promised land" [5, 148]. Night, at the same time, is not only the time that drives away the sorrows of the poet, but also the beginning, which carries the "luciferic" symbols of the moon and stars. In the poem "Masquerade" (1907), in which "happiness" rhymes symbolically with "voluptuousness", a mysterious friend "in an insinuating whisper" tries to awaken the lyrical hero: "Rise again, rise again for life, for pain and happiness!" [5, 58]. However, the return to the real world is hindered by a "terrible oath", in the name of which the hero is ready to bring his soul and body to the altar of lusty passion.

In general, the mask method, as A. Bichevin rightly notes, indicates, "a negative experience of communicating with the "beyond", which can be considered as a sign of ongoing changes in the perception of the lyrical hero" [2, 7]. This is evidenced by the plot of the poem "Lakes" (1908). The poet admits that he breaks "far and alien" "nocturnal" happiness" with the triumph of the sacrilegious" [5, 131] From now on, he is attracted to "earthly" beautiful and rude "moments of work and peace" [5, 131]. Eight years later, in the cycle of poems "Happiness" (1916), the poet disputed his own words ("... I am not a sinner, oh God, / Not a blasphemer, not a thief" [5, 247]), but at the same time he doubted the power of the Christian Absolute: "Anguish has so many strings on the lute, / happiness does not have one, / Soared into the sky is more homeless / Than sinking to the bottom" [5, 247]. The stated agnosticism became one of the aspects of the acmeistic doctrine formation in the concept of "happiness".

Most often, N. Gumilyov's romantic hero at the crossroads of cultures and civilizations acts as not only a lover, but also a poet, warrior, navigator, magician, priest. The poet praises the happiness of the "daring path" [5, 156] of the discoverers as a moment of the highest tension of spiritual and bodily forces. "Burning passion" [5, 129] leads to the search for "unknown happiness" "in the polar seas and in the southern" [5, 156] Sinbad ("The Eagle of Sinbad"), Columbus ("The Discovery of America"), the navigator Pausanias, "paladins of the Green Temple" – captains and filibusters [5, 157] ("Captains"). The happiness of travelers is associated not only with gliding "over the abyss" [5, 159], but also with the touch

of unusual objects, unfamiliar worlds, different from the common reality. In the collections "Alien Sky" (1912) and "Quiver" (1916), "the need to discover a new existence" [13, 103] is the happiness of "avid dreaming", as it is said about in the poem "Discovery of America" (1910): "These waters are cursed by God! / There is no name for these terrible rhymes! / But towards the avid dream / They are already floating, floating like promises, / Branches, herbs and flowers in the sea, / Birds of strange beauty in the sky" [5, 208]. Although the new lands resemble a garden of Eden and at the sight of them "sailors jump like children" [5, 209], the screams of cockatoos, reminiscent of the cries of sinners suffering in hell, interfere with enjoying what they see. In the finale of the poem "The Discovery of America", the Muse of Distant Wanderings leaves Columbus, "as a lover, for another game" [5, 210].

The theme of the heavenly patron-guide, stated in "Discovery of America", is developed in the poem "She" (1912). Here the concept of "happiness" correlates with the concepts of "creativity" and "love". In the synthetic image of the heroine, N. Gumilyov unites the beloved (A. Akhmatova) and the Muse, who, appreciating art above earthly joys, teaches the lyrical hero "wise siren pain" [5, 177]. It is characteristic that there are no descriptions of the appearance of the "woman" in the poem, but her divine nature is invariably emphasized: "the mysterious flickering of <...> dilated pupils", "inaudible step", dreams resembling "shadows on the Edenic fiery sand" [5, 177]. Feeling an emotional uplift from spiritual kinship with the object of love, the lyrical hero confesses: "... all my happiness is in her" [5, 177]. The theme of love in the cycle "Alien Sky" is represented in the poems "Guardian Angel", "Girl", "Dream", "From the den of Zmiev", "Constantinople", "Cruel", "Love", "Poisoned". In most cases, the heroine appears in the image of a Turgenev girl or "mistress" [5, 164]. She does not reciprocate the poet or seeks to subdue the will of the "mad hunter" [5, 166] for happiness. In the finale of the cycle, the disappointed hero in the image of Don Juan comes to the idea that a woman is only a means to feel life more vividly. The more interesting is the poem "The Rich Heart" ("The soul was asleep, like a blind ...") (1917). The poet in love admits that until recently he did not know what it means to be truly happy, did not suspect that in his "dark heart", into which the beloved entered "a sunny cloud of paradise", there are so many "blinding harmonies" [5, 381] to her soul. The guarantee of happiness and harmony is the closeness of the beloved's nature ("body of fire", "winged" soul [5, 381]) determination, courage, desire to relentlessly explore the world of the lyrical hero.

Gumilyov's striving for dialectics and the balance of the universe gives rise to a variety of feelings. The energy of the "Rich Heart" is opposed by the elegy of the poem "Gently unbelievable delight" (1917), with its seeming rejection of the temptation and rapture of happiness: "Gently unbelievable delight / Touched my shoulder, / And now I don't need anything, / I want no you nor happiness" [5, 389]. It would seem that there is a continuation of Pushkin's "there is no happiness in the world, but there is peace and will" [11, 528] - after all, Gumilyov's hero is ready to exchange happiness for "quiet, golden peace" [5, 389]. But the final stanza refutes this message. The rejection of happiness is equivalent to the rejection of life, creativity and love: "... That peace coddled and eternal hum languished, / If only I had never lived, / Never sung and loved" [5, 389].

The "Quiver" cycle demonstrates the expansion of the semantic field of the concept of "happiness". Referring to the mythological image of fire in "Iambic Pentameters" (1912-1915), N. Gumilyov poetizes the image of a warrior sailing in the "seas under the sign of the Southern Cross" and giving his life "in the incessant call of the battle trumpet" [5, 224]: "And the soul is burned with happiness//Since then; full of joy / And clarity and wisdom, about God / It talks to the stars, / The voice of God is heard in military alarm / And divine it calls the roads" [5, 224]. As the researcher A. Filatov notes, Gumilyov's lyrical hero chooses the highest goal of life for himself, renouncing sensual pleasures. He "is aware of himself as a part of the real world and understands that he will reach the goal no sooner than he will pass the path prepared for him here" [14, 125].

It is undoubtedly about the poet's path. After all, creativity is also a kind of self-immolation. In "The Magic Violin" (1907), one of the early poems on this topic dedicated to V. Bryusov, N. Gumilyov described the creative process both as happiness (which is emphasized by the images of light and pleasure) and as a deadly spell, because the one who once took the magic violin in "imperious hands" can lose "serene light of the eyes" forever [5, 100]. Rapture and bliss are associated with fright, mortal cold, rabid wolves that roam "along the road of violinists" [5, 100]. The associative field of death is growing: "the spirits of hell love to listen to these royal sounds", "rabid wolves in a bloodthirsty frenzy will bite into the throat with their teeth, stand with their paws on the chest" [5, 100]. In the final quatrain, the creator is blessed for both creativity and death: "Own a magic violin, look into the eyes of monsters / and die a glorious death!" [5, 100]. Despite the fact that the priority of non-existence over being dominates in the poem, the principle of mystical balance is realized in the concept of "happiness": although the "boy" dies a "terrible death

of a violinist", he "laughs", boldly looks into the "eyes of monsters" [5, 100]. The torments of creativity are leveled by the courageous acceptance of the happiness of a new being cognition.

A decade later, in the poem "The Knight of Happiness" (1917), N. Gumilyov created the concept of a poet whose mission was to build a new world order. The purpose of poetry, according to the poet, was to overcome both the resistance of "enemies" and the material of the "word": "...I have to tell again and again, / How sweet it is to live, / how delightful it is to win / The sea and girls, enemies and the word" [6]. The same one who continued to complain about the world's sorrow in difficult times, the lyrical hero threw down the gauntlet. In a troubled country, he was ready to share his happiness with everyone who looked at what was happening with hopelessness. Numerous repetitions of "I have to tell..." [6] inspire readers that they were born to be happy.

At the end of his life, N. Gumilyov finds himself on the threshold of a new universe. In the book "Pillar of Fire" (1921), the poet seeks to find himself in the transformed world of "sullen and stubborn architects of the Temple rising in the darkness" [5, 339]. Those who have a genuine sense of poetry and can know the essence of being belong to them – "the best representatives of humanity, they most fully embody the image and likeness of God, they are exposed to what is inaccessible to ordinary mortals" [9, 319].

Conclusion

Thus, the path to happiness in N. Gumilyov's lyrics runs through both light and dark beginnings. In the felicitarian concept, the poet managed to implement the main principles of acmeistic aesthetics and poetics. The rejection of symbolism and theurgism, the subject detail that allows us to convey the peculiarities of the psychology of the hero, the synthetics of images, a verified system of oppositions, among which the antinomy of existence / non-existence became the cornerstone in the polemic with symbolists - all this allowed the poet to create an ambiguous world image of happiness as a gift of fate and the absolute limit of desires, eternal aspiration and constant expectation, to realize that the justification for existence can be not only creativity, but also the lust for the poet's life.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. Цицерон и Марк Антоний в поэтическом диалоге Ф. Тютчева и В. Брюсова: спор о блаженстве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 348–354.

2. Бичевин А. Г. «Концепт «маска» как феномен субъектной структуры в ранней лирике Н. С. Гумилёва // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 5–9
3. Городецкий С. М. «Некоторые течения в современной русской поэзии» // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т. А. Бек. Москва: Московский рабочий, 1997. С. 202–207.
4. Гумилёв Н. С. Письма о русской поэзии. Акмеисты об акмеизме. Том III / Сост. Г. М. Фридлендер (при участии Р. Д. Тименчика). Вступ. ст. Г. М. Фридлендера. Подготовка текста и коммент. Р. Д. Тименчика. Москва: Современник, 1990. 383 с.
5. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Москва: Современник, 1989. 461 с.
6. Гумилёв Н. С. Электронное собрание сочинений. [Электронный ресурс] URL: <https://gumilev.ru/verses/149/> (дата обращения: 16.09.2021)
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. Т. 4. Санкт-Петербург – Москва: Вольфа, 1882. 712 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10120/#page/385/mode/1up> (дата обращения: 16.09.2021)
8. Еськова А. С., Петров А. В. «Часто здесь в юдоли мрачной слезы льются из очей»: лирический «метатекст (не)счастья» в письмах Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву // Мировая литература глазами современной молодежи: Сб. мат-лов III междунар. студ. науч.-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. С. 196–203.
9. Одоевцева И. И. Так говорил Гумилев // Н.С. Гумилев: pro et contra. Санкт-Петербург: РХГА, 2000. 656 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Под редакцией Н. Ю. Шведовой. 10 изд., стереотипное. Москва: Советская энциклопедия, 1973. 850 с.
11. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. Москва: Художественная литература, 1985. 735 с.
12. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
13. Слободнюк С. Л. Николай Гумилёв: модель мира (К вопросу о поэтике образа) // Николай Гумилёв. Исследования и материалы. Библиография / сост. М. Д. Эльзон, Н. А. Грознова Санкт-Петербург: Наука, 1994. 678 с.

14. Филатов А. В. Аксиологический подход к изучению книги стихов: онтологические ценности в «Чужом небе» Н. С. Гумилёва // Новый филологический вестник №1(36) 2016. С. 119–128.
15. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. Концепт «Счастье» в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. №10. С. 70–74.
16. Abramzon T. E. The Philosophy of Happiness in Selected Works of N. M. Karamzin: The Search for True Bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. Iss. 1. P. 25–41.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Ciceron i Mark Antonij v poeticheskom dialoge F. Tyutcheva i V. Bryusova: spor o blazhenstve [Cicero and Mark Antony in a Poetic Dialogue Betweenf. Tyutchev and V. Brusov: the Debate About Bliss] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. 2016. № 1 (51). Pp. 348–354. (In Russian)
2. Bichevin A. G. «Koncept «maska» kak fenomen sub"ektnoj struktury v rannej lirike N. S. Gumilyova [Mask"" as the Subjective Structure Phenomenon in Early Lyrics of N. S. Gumilev] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2014. № 379. Pp. 5–9. (In Russian)
3. Gorodeckij S. M. «Nekotorye techeniya v sovremennoj russkoj poezii» // Antologiya akmeizma: Stihi. Manifesty. Stat'i. Zametki. Memuary / Vstup. stat'ya, sost. i primech. T. A. Bek. Moscow: Moskovskij rabochij, 1997. P. 202–207. (In Russian)
4. Gumilyov N. S. Pis'ma o russkoj poezii. Akmeisty ob akmeizme. Tom III / Sost. G. M. Fridlender (pri uchastii R. D. Timenchika). Vstup. st. G. M. Fridlendera. Podgotovka teksta i komment. R. D. Timenchika. Moscow: Sovremennik, 1990. 383 p. (In Russian)
5. Gumilyov N. S. Stihotvoreniya i poetry. Moscow: Sovremennik, 1989. 461 p. (In Russian)
6. Gumilyov N. S. Elektronnoe sobranie sochinenij. [Elektronnyj resurs] URL: <https://gumilev.ru/verses/149/> (data obrashcheniya 16.09.2021). (In Russian)
7. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. / V. I. Dal'. T. 4 – Sankt-Peterburg – Moscow: Vol'fa, 1882. 712 p. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10120/#page/385/mode/1up> (data obrashcheniya: 16.09.2021). (In Russian)
8. Es'kova A. S., Petrov A. V. «CHasto zdes' v yudoli mrachnoj slezy l'yutsya iz ochej»: liricheskij «metatekst (ne)schast'ya»

v pis'mah N. M. Karamzina I. I. Dmitrievu // Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi: Sb. mat-lov III mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2017. Pp. 196–203. (In Russian)

9. Odoevceva I. I. Tak govoril Gumilev // N. S. Gumilev: pro–et contra. Sankt-Peterburg: RHGA, 2000. 656 p. (In Russian)

10. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. / Pod redakciej N. YU. SHvedovoj. / S.I. Ozhegov – 10 izd., stereotipnoe. Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1973. 850 p. (In Russian)

11. Pushkin A. S. Sochineniya. V 3-h t. T. 1. Stihotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: Poema. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1985. 735 p. (In Russian)

12. Rudakova S. V. Filosofiya schast'ya v lirike E. A. Boratynskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. «Gumanitarnye nauki» [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russian)

13. Slobodnyuk S. L. Nikolaj Gumilyov: model' mira (K voprosu o poetike obraza) // Nikolaj Gumilyov. Issledovaniya i materialy. Bibliografiya / sost. M. D. El'zon, N. A. Groznova Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. 678 p. (In Russian)

14. Filatov A. V. Aksiologicheskij podhod k izucheniyu knigi stihov: ontologicheskie cennosti v «CHuzhom nebe» N. S. Gumilyova [Axiological Approach to the Study Of Poetry Book: Ontological Values inconclusionBook "The Alien Sky" by Nikolay Gumilev] // Novyj filologicheskij vestnik [The New Philological Bulletin]. 2016. №1(36). Pp. 119–128. (In Russian)

15. Curkan V.V., Zajceva T.B. Koncept «Schast'e» v poezii K. Bal'monta i V. Bryusova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. №10. P. 70–74. (In Russian)

16. Abramzon T. E. The Philosophy of Happiness in Selected Works of N. M. Karamzin: The Search for True Bliss // Slavonica. 2018. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 25–41. (In English)

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В ЛИРИКЕ Н. ГУМИЛЕВА

В. В. Цуркан,

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
С. А. Предеина*

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38*

Цель статьи – посредством метода концептного анализа исследовать традиционные и индивидуально-авторские способы представления концепта «счастье» в творчестве Н. Гумилева. Рассматриваются особенности репрезентации гумилевской фелицитарной модели, изначально отвергавшей пессимизм символистов в их устремленности к грядущему и в отношении к миру в целом. Анализируется мотив эфемерности и недостижимости счастья, которое лирический герой раннего творчества Н. Гумилева ищет в мечтах, мирах обетованных, экзотических или за гранью земной жизни. Подчеркивается значение негативного опыта в общении с «запредельным» в появлении новых аспектов восприятия иных вариантов счастья (счастья «дерзостного пути» первооткрывателя, воина, мореплавателя, мага, жреца; любовного счастья, гарантией которого оказывается близость внутреннего мира возлюбленной решительности и смелости лирического героя). Отмечается, что особенности осмысления счастья в зрелом творчестве Н. Гумилева связаны с приятием пути, предначертанного судьбой поэта. Миссия «рыцаря счастья», как отныне называет себя лирический герой Н. Гумилева, заключается в счастье познания нового бытия, в преодолении сопротивления «врагов», материала слова, в трансляции веры и надежды тем, кто смотрит на происходящее с тревогой и пессимизмом. В заключении делается вывод о преломлении ряда принципов акмеистской эстетики и поэтики в гумилевском фелицитарном концепте. К ним относятся отказ от теургизма, использование предметной детали, позволявшей раскрыть особенности психологии героя, синтетичность образов, выверенная система оппозиций, среди которых антиномия существование/несуществование становится краеугольным камнем в гумилевской полемике с символистами.

Ключевые слова: Н. Гумилев, Серебряный век, счастье, акмеизм, мечта, дерзостный путь, любовь, творчество

Для цитирования: Tsurkan V. V., Predeina S. A., Kolesnikova O. Yu. N. Gumilyov's Lyrics: The Concept Of "Happiness // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 138–148.

Поступила в редакцию 25.09.2021

**Материалы XIII межрегиональной школы инноватики
«Медийная культура личности: технологии
формирования и развития»,
проведенной 12 октября 2021 г. (г. Магнитогорск)**

**ББК 76+60.53
УДК 304+316.7**

DOI 10.52172/2587-6945_2021_18_4_149

Т. Б. Зайцева¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
tbz@list.ru*

МЕДИЙНЫЕ СТРАТЕГИИ ЭКСПЕРТНОСТИ

В статье «Медийные стратегии экспертности» исследуются такие современные феномены, как «медийная личность» и «экспертность». Особое внимание автор уделяет рассмотрению стратегий достижения уровня экспертности в медиасообществе. Автор статьи связывает этапы достижения экспертности с развитием наиболее востребованных навыков XXI в.: креативностью, критическим мышлением, способностью к коллаборации (сотрудничеству) и коммуникации; а также таких качеств личности, как любознательность, инициативность, стремление к лидерству, настойчивость, социальная и культурная осведомленность. Медийные стратегии достижения экспертности коррелируют со стратегией создания личного бренда.

В статье раскрываются основные этапы достижения экспертности и формы трансляции экспертности:

- получение необходимых знаний и опыта деятельности;
- использование открытых образовательных ресурсов;
- индивидуализация обучения;
- развитие эмоционального интеллекта;

¹ Зайцева Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

- применение средств коммуникации и сотрудничества;
- владение навыками работы с информацией и применения технических средств, умение пользоваться компьютером и различными программами и платформами, изучение и использование интерактивных технологий позиционирования себя в качестве эксперта;
- создание канала YouTube, группы, паблика, сообщества в соцсетях ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук; мессенджерах;
- знакомство с референсами (примерами), анализ рынка и конкурентов;
- формирование концепции личного бренда;
- практика составления собственных текстов (в широком смысле) и их представления в публичном интернет-пространстве;
- привлечение целевой аудитории;
- активность в социальных сетях; в интернет-пространстве;
- участие в экспертных сообществах;
- влияние на общество.

Обозначены в статье и критерии достижения экспертности. Формирование экспертной медиальности в современных условиях цифровой эпохи позволяет человеку наилучшим образом реализовать свой социальный и личностный потенциал.

Ключевые слова: экспертность, эксперт, медиальность, медийные стратегии, социальные сети, целевая аудитория, контент

Определение экспертности

В современную медиацентричную эпоху особое значение приобретают такие понятия, как «медийная личность», «медиаперсона», «медийная культура личности» [4; 5; 14]. Смысл термина «медийная личность» или «медиальность» изменился со временем [1]. Если в начале формирования понятия (примерно десятилетие назад) под медийным человеком понимали того, кто пользуется успехом в медиасфере, то есть персону, которая известна широкому кругу интернет-пользователей, телезрителей и пользуется большим успехом у СМИ и СМК, то сегодня определение медийной личности углубилось и звучит как тот, кто «самореализуется в публичном пространстве посредством собственного контента» [10, 51]. И. В. Жилавская отмечает, что «понятие медиальности сегодня раскрывается в одном ряду с такими смысловыми единицами, как “медиаобраз”, “медиаперсона” <...> По своим социально-психологическим характеристикам все они

связаны с публичным самопроявлением, объемом присутствия в медиа, известностью, популярностью, а также реальным влиянием на аудиторию. При этом если медиаобраз формируется с помощью медиатехнологий, то медиаличность возникает в процессе самосовершенствования и внутренней работы» [6, 436].

Таким образом, на наш взгляд, понятия медиаперсоны и медиаличности сегодня различаются. Шумиха в СМИ и СМК сопровождает скорее медиаперсону, понятие медиаличности прежде всего связано с понятием *экспертности*.

К медийным личностям мы относим известных и влиятельных политиков и политологов, общественных деятелей, ученых, писателей, журналистов, медиков, блогеров и т. д. Количество подписчиков и просмотров в социальных сетях является важным, хотя далеко не решающим маркером медиаличности.

Интерес к такому феномену, как экспертность, сохраняется так же около десяти лет. Представляется, что в связи с повсеместной девальвацией (особенно в медиапространстве) такого качества, как профессионализм и тенденцией к всеобщей «дилентатизации» постсоветского общества, понадобилось новое понятие, обозначающее комплекс навыков, компетенций и человеческих качеств, умелое применение которых давало бы веские основания для привлечения внимания людей (что, по меткому высказыванию политолога Е. Шульман, является «современной валютой» [15]) и способствовало бы самореализации личных социальных интересов.

Дадим самые простые определения понятиям *профессионал* и *эксперт* (не в юридическом смысле, а в том значении, которое утвердилось в широкой сфере интернет-медиа). *Профессионал* – человек, сделавший какое-либо занятие своей постоянной профессией. *Эксперт* (от лат. *expertus* — опытный) – лицо, обладающее специальными знаниями; специалист, чьи суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области, представляются наиболее авторитетными и ценными. Можно привести сравнение, отталкиваясь от преобладающего в современную эпоху клипового мышления, которое разбивает окружающий мир на кучу не связанных между собой кусочков, эксперт — это человек, который способен сложить единый пазл из разрозненных элементов мозаики, так как обладает необходимыми знаниями, навыками и компетенциями и способен воссоздать целостную картину мира.

Зачем нужна экспертность? Получить признание в качестве эксперта является для любого человека способом самореализация,

самоутверждения, осуществления своих социальных целей (карьера, финансовый успех, признание в общественных, научных или медиасферах). Можно выделить различные уровни достижения экспертности, выстроив так называемую «пирамиду экспертности».

Пирамида экспертности

Первые два нижних уровня – приблизительно 95% интернет-пользователей. Мастеров-гуру – единицы [8].

Достижение экспертности предполагает использование определенных стратегий, как личностных, образовательных, так и медийных.

Образовательные стратегии

Кембриджский университет и организация «Партнерство для обучения в XXI в.» выделили четыре основных «навыка XXI в.», которые получили название навыки 4К (4Cs на английском языке): креативность, критическое мышление, коллаборация (сотрудничество), коммуникация. Позже список расширился, к нему добавились ещё такие умения и качества, как ответственность, инициатива и самоуправление, умение разрешать проблемы и конфликты и информационная грамотность [3].

Участники Всемирного экономического форума 2018 г. определили необходимые современному человеку базовые качества. Таковыми признаны фундаментальная грамотность (языковая грамотность, математическая грамотность, естественно-научная грамотность, ИКТ (информационно-компьютерные технологии)-грамотность, финансовая грамотность, культурная и гражданская грамотность); общекультурные компетенции: 4 «К» (Коммуникация,

Креативность, Критическое мышление, Командная работа (коллаборация, сотрудничество)); соответствующие качества личности: любознательность, инициатива, настойчивость/выдержка, лидерство, социальная и культурная осведомленность [3].

Несомненно, что в начале пути к статусу эксперта человек должен соответствовать заданным временем основополагающим требованиям к личности.

Личностные стратегии

Путь к достижению экспертности проходит несколько этапов. Сначала требуется определить свою экспертную нишу. Для этого необходимо ответить на важные вопросы, касающиеся собственной личности: Кто я? Каковы мои социальные интересы? Чем я занимаюсь? Что мне мешает стать тем, кем я хочу? Что я делаю лучше всего? В чем я добивался успеха? Что во мне, в моем характере, моем образе жизни больше всего привлекает окружающих? Экспертность нужно искать в себе, в своем прошлом и настоящем.

Обозначьте как можно больше своих социальных ролей, начиная лет с 18: например, я – дочь, я – жена, я – мама, я – преподаватель, я – писатель, я – знаток турецкого языка, я – швея, я – цветовод, я – кулинар и т.п.

Важно также задуматься над вопросом: «какое у вас хобби»? [17].

По какому поводу, за какими советами к вам обращались друзья или знакомые? Какие проблемы вы помогали решать: профессиональные, житейские, психологические? Обязательно напишите, что делали и какие проблемы вы успешно решали (победили страх публичного выступления, смонтировали видео, вязали красивые вещи, делали кукол, опубликовали статью или художественное произведение и получили немало откликов, похудели; научились, как экономно вести хозяйство или путешествовать дешево; познакомили будущих супругов, сочиняли детям на ночь сказки, объясняли смысл фильма и т.д.) Это пригодится вам для создания историй, поскольку умение рассказывать истории является сегодня ведущим способом привлечения внимания людей.

Медийные стратегии

Составьте список того, что вас вдохновляет, привлекает, окрыляет. Что вам интересно по-настоящему, что заставляет вас чувствовать себя живым. Сопоставьте и сравните эти списки (реальный опыт и желаемые действия), выявив пересекающиеся моменты.

Проверьте, какие из обозначенных тем наиболее востребованы на рынке, что можно продать, что пользуется спросом. Для этого можно воспользоваться сервисом Wordstat Yandex [18]. Яндекс Вордстат — это сервис подбора слов, бесплатный и мощный инструмент для оценки интереса к определенной теме с учетом сезонности и регионального компонента.

Найдите одну или несколько тем, которые пользуются популярностью среди интернет-пользователей, чтобы не ошибиться с нишей экспертности, убедитесь в том, что подобные запросы нередко делают люди. Протестируйте нишу, проанализируйте своих конкурентов. И самое главное — создавайте уникальный контент по своей тематике.

Очень важно определить свою целевую аудиторию, от этого зависит форма и способы подачи контента. Ищите целевую аудиторию, чьи жизненные ценности совпадали бы с вашими, ведь в коммуникативном процессе с целевой аудиторией для того, чтобы завоевать доверие, вам неизбежно придется демонстрировать свои собственные жизненные ценности, рассказывать о своем хобби, о своих увлечениях, о своем образе жизни.

Узкая направленность интересов, как ни парадоксально, вредит экспертности. Эксперту необходим широкий кругозор, о чем, например, свидетельствует база фундаментальных знаний (языковая грамотность, математическая грамотность, естественно-научная грамотность, ИКТ (информационно-компьютерные технологии)-грамотность, финансовая грамотность, культурная и гражданская грамотность), без которых трудно представить медийную культуру личности. Грань между избыточной концентрацией на выбранной экспертной нише и размытостью определить сложно. По словам Е. Шульман, «у успешных людей не видно, что они не успели, от чего они отказались. Заметно только то, что на поверхности — что они успевают» [15]. Для достижения успеха в экспертной области требуется расстановка приоритетов. Движение к экспертности потребует целую череду отказов от того, что вы обозначите для себя как нерелевантное (ценности, знания, информация).

Онлайн-присутствие в интернет-пространстве. безусловно, важно для будущего эксперта, поэтому для успешного продвижения личного бренда (себя в качестве эксперта) нельзя игнорировать социальные сети и соответствующие экспертной сфере блоги или сайты. В цифровую эпоху различные интернет-платформы являются одной из ключевых составляющих личного брендинга, при этом важно выбрать не только где и как, но и что рассказывать.

Социальные сети, если ими пользоваться рационально, с умом, безусловно, улучшают качество нашей жизни. Ваша лента зависит от вас. Рекомендации отражают ваши реальные интересы. Добиться успеха в жизни, заслужить признание людей, стать медийной личностью во многом зависит от самого человека, от приложенных им усилий, от затраченного труда и времени. Полезно освоить тайм-менеджмент, поскольку умение организовать себя и свое время, активность и последовательность в достижении своих целей, организаторские способности (сила воли, самодисциплина) отличают современных успешных людей.

Создайте свой аккаунт, комьюнити, сообщество, разработайте концепцию комьюнити или канала, выберите наиболее подходящие разновидности контента и составьте контент-план хотя бы на ближайшее время.

Главное требование – контент должен быть оригинальным.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что медийные стратегии экспертности, безусловно, коррелируют со стратегией создания личного бренда.

Обозначим *основные этапы пути развития универсальных компетенций XXI в. для достижения экспертности:*

- получение необходимых знаний и опыта деятельности;
- использование открытых образовательных ресурсов;
- индивидуализация обучения;
- развитие эмоционального интеллекта (умение управлять своими эмоциями и понимать эмоции других; понимание и принятие себя, своих слабых и сильных сторон, своих потребностей, желаний и целей, адекватная самооценка, целеустремленность);
- применение средств коммуникации и сотрудничества;
- владение навыками работы с информацией и применения технических средств, умение пользоваться компьютером и различными программами и платформами (информационная, техническая, цифровая грамотность), изучение и использование интерактивных технологий позиционирования себя в качестве эксперта;
- создание канала YouTube, группы, паблика, сообщества в соцсетях ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук; мессенджерах;
- знакомство с референсами (примерами), анализ рынка и конкурентов;
- формирование концепции личного бренда;
- практика составления собственных текстов (в широком смысле) и их представления в публичном интернет-пространстве;

- привлечение целевой аудитории;
- активность в социальных сетях; в интернет-пространстве;
- участие в экспертных сообществах;
- влияние на общество.

Особое внимание надо обратить на то, что знакомство с референсами и анализ конкурентов предполагают наличие навыков медийной гигиены [15]. Изучив экспертов и поняв, кому и на каких основаниях можно доверять, вы научитесь привлекать собственную аудиторию и поймете, какие способы трансляции экспертности для этого наиболее пригодятся. При этом важным оказывается обращение к первоисточникам высказываний: если вы знакомы с первоисточниками, вы сможете определить компетентность экспертных суждений о предмете и материале. Проанализируйте так называемую «кредитную историю» экспертов: насколько их высказывания демонстрировали компетентность, знание предмета (к этому времени вы уже должны обладать достаточным количеством компетенций, чтобы провести фактчекинг самостоятельно), как часто сбывались их предположения и точным оказывался анализ ситуации? Имели ли их рекомендации практическую пользу?

Критерии экспертности

- Практический опыт побед и поражений. Уверенность в своих знаниях, навыках и компетенциях.
- Профессионализм.
- Признание и доверие людей. Популярность. Репутация.
- Обращение профильных СМИ и СМК, организаторов мероприятий в вашей сфере экспертности.
- Троллинг, хейтинг, негативная критика.

Основные формы трансляции экспертности

1) Ваши результаты и достижения (образование, профессиональное развитие, повышение квалификации, история духовного развития или духовной трансформации, трансляция процесса познания, приобретения опыта) [9].

Что требуется? Приобретать новые знания, учиться. Прокачивать навыки. Знать свою профессию, например, проработать несколько лет в крупной компании или вести аккаунт с тысячами подписчиков. Реализовать собственный успешный проект.

2) Ваша способность передать знания: участие в экспертных сообществах (для начала хотя бы в ЯндексКью), в профессиональных мероприятиях в роли спикера, уникальные

авторские методики, помощь в реализации авторских проектов, консультации, публичные выступления, ваши интервью и интервью с вами, не только онлайн, но и офлайн; стримы, ваши ресурсы – уникальный экспертный контент, сайт, сообщество, публикации – статьи, книги.

Что требуется? Доступно объяснять ученикам, как достичь успеха в профессии, какие навыки прокачивать, по каким методикам лучше учиться и совершенствовать полученные знания. Преподавать, доступно объяснять ученикам материал; грамотно выстраивать методику обучения, чередовать теоретические занятия с практикой; следить за новыми тенденциями в профессии, осваивать и применять эффективные приемы работы, делиться этим с учениками [9].

3) Результаты ваших учеников или клиентов.

Что требуется? Освещать истории успеха, совместные проекты. Ссылаться на отзывы о вас как об эксперте (выступления на мероприятиях, рекомендации, цитирование и ссылки на вас и упоминания в СМИ и СМК).

Выводы

Формирование медиаличности в современных условиях цифровой эпохи позволяет каждому человеку наилучшим образом распорядиться своим эмоциональным и интеллектуальным капиталом, найти наиболее выгодные сферы их применения, полно и свободно реализовать свой социальный и личностный потенциал.

Литература

1. Болотнов А. В. Современная информационно-медийная личность и ее типы (по данным анкетирования) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 47–55.
2. Бурлуцкая М. Г., Харченко В. С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 111–120.
3. Ванягина М. Р. Общекультурные компетенции успешного специалиста XXI в. // Вестник СПбГИК. 2020. № 3 (44), сентябрь. С. 125–130.
4. Гараева В. А. Номинация медийной личности в средствах массовой информации // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство. Межвузовский сборник.

Уфа: Издательство: Башкирский государственный университет, 2019. С. 426–431.

5. Гукасова М. М. Медийная личность и персональная сфера: пределы расширения в социокультурной ситуации // Историческая и образовательная мысль. 2016. Т. 8 № 3/1. С. 101–107.

6. Жилавская И. В. О чем молчит медиаличность // Развитие русскоязычного пространства: коммуникативные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26-27 апреля 2013 г.). Москва: Изд-во АПК и ППРО, 2013. С. 434–441.

7. Ермолин Е.А. Доверительная коммуникация и становление медийной личности журналиста // Современные медиа: процессы и контексты. Ярославль: ЯГПУ, 2015. С. 3–11.

8. Как определить экспертность? Пирамида экспертности // Бесплатная школа видеоблогера. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3cWaxabb4OY&list=WL&index=71> (дата обращения: 01.10.2021).

9. Как показать экспертность. Позиционирование личного бренда и экспертности. Личный бренд примеры // Елена Ачкасова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rOyrs3t21xA&list=WL&index=66&t=386s> (дата обращения: 01.10.2021).

10. Каминская Т. Л. Медийная личность ученого в Фейсбуке и идентичность // Российская пиарология-3: тренды и драйверы: сборник научных трудов в честь профессора В. Н. Степанова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. С. 50–53.

11. Нестеров А. В. Экспертика: общая теория экспертизы. Москва: Типография НИУ ВШЭ, 2014. 261. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/04/24/1319429518/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9F%D0%94%D0%A4.pdf> (дата обращения: 07.10.2021).

12. Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Воронина Е. Ю. Автоматизированное выявление экспертных знаний в профессиональных виртуальных сообществах // Перспективы развития информационных технологий. 2014. № 19. С. 59–61.

13. Спиридонов В. Ф. Феномен экспертности в решении задач и проблем и моделирование интеллектуальных процессов // Труды IX Международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуации» CASC'2011. Москва: ИПУ РАН. 2011. С. 114–119.

14. Степанян Г. Г. Медийная культура личности в информационном обществе // Перспективы науки. 2016. № 5 (80). С. 48–53.
15. Шульман Е. Информационная гигиена, тревога и многозадачность: интервью журналу Vogue // Екатерина Шульман. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HP7ZW5OusRs&list=WL&index=109> (дата обращения: 15.09.2021).
16. Щербакова О. В., Макарова Д. Н. Как работает экспертное знание: интеллект, концептуальные способности и кое-что еще // Петербургский психологический журнал. 2018. № 22. С. 56–87.
17. Экспертность. Что это и как ее определить? 5 шагов для определения своей экспертности // Наталья Павлова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1EoJQltNw1c&list=WL&index=68> (дата обращения: 01.10.2021).
18. Яндекс. Подбор слов. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

REFERENCES

1. Bolotnov A. V. Sovremennaya informacionno-medijnaya lichnost' i ee tipy (po dannym anketirovaniya) [Up-to-Date Informational and Media Personality and its Types (According to Questionnaire's Data)] // Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies]. 2015. № 2 (4). Pp. 47–55. (In Russian)
2. Burluckaya M. G., Harchenko V. S. Frilansery: specifika social'nogo statusa, strategii kar'ery i professional'nogo razvitiya [Freelancers: Social Status, Career Strategies and Professional Development] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2013. № 1. Pp. 111–120. (In Russian)
3. Vanyagina M. R. Obshchekul'turnye kompetencii uspeshnogo specialista XXI v. [Universal Cultural Competencies of a Successful Specialist of the 21st Century] // Vestnik SPbGIK [Vestnik of Saint Petersburg State University Of Culture]. 2020. № 3 (44). Pp. 125–130. (In Russian)
4. Garaeva V. A. Nominaciya medijnoj lichnosti v sredstvakh massovoj informacii // Sovremennye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodyh uchenyh: tradicii i novatorstvo. Mezhevuzovskij sbornik. Ufa: Izdatel'stvo: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2019. Pp. 426–431. (In Russian)
5. Gukasova M. M. Medijnaya lichnost' i personal'naya sfera: predely rasshireniya v sociokul'turnoj situacii [Media Person and Personal Sphere: Limits of Expansion of Sociocultural Situation] //

Istoricheskaya i obrazovatel'naya mysl' [Historical and Social Educational Idea]. 2016. T. 8 № 3/1. Pp. 101–107. (In Russian)

6. Zhilavskaya I.V. O chem molchit medialichnost'. Razvitie russkoyazychnogo prostranstva: kommunikativnye i eticheskie problemy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (26-27 aprelya 2013 g.). Moscow: Izd- vo APK i PPRO, 2013. Pp. 434–441. (In Russian)

7. Ermolin E.A. Doveritel'naya kommunikaciya i stanovlenie medijnoj lichnosti zhurnalista // Sovremennye media: processy i konteksty. Yaroslavl': YaGPU, 2015. S. 3-11. (In Russian)

8. Kak opredelit' ekspertnost'? Piramida ekspertnosti // Besplatnaya shkola videoblogera. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3cWaxabb4OY&list=WL&index=71> (accessed 01.10.2021). (In Russian)

9. Kak pokazat' ekspertnost'. Pozicionirovanie lichnogo brenda i ekspertnosti. Lichnyj brend primery // Elena Achkasova. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rOyrs3t21xA&list=WL&index=66&t=386s> (accessed 01.10.2021). (In Russian)

10. Kaminskaya T. L. Medijnaya lichnost' uchenogo v Fejsbuke i identichnost' [The Image of the Scientist in the Social Network and Communicatory Means of Identity] // Rossijskaya piarologiya-3: trendy i drayvery: sbornik nauchnyh trudov v chest' professora V. N. Stepanova. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGETU «LETI», 2017. Pp. 50-53. (In Russian)

11. Nesterov A. V. Ekspertika: obshchaya teoriya ekspertizy. Moscow: Tipografiya NIU VShE, 2014. 261. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/04/24/1319429518/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%9F%D0%94%D0%A4.pdf> (accessed 07.10.2021). (In Russian)

12. Sergeeva A. S. Avtomatizirovannoe vyyavlenie ekspertnyh znaniy v professional'nyh virtual'nyh soobshchestvah / A. S. Sergeeva, B. A. Kirillov, E. Yu. Voronina // Perspektivy razvitiya informacionnyh tekhnologij. 2014. № 19. Pp. 59–61. (In Russian)

13. Spiridonov V. F. Fenomen ekspertnosti v reshenii zadach i problem i modelirovanie intellektual'nyh processov // Trudy IX Mezhdunarodnoj konferencii «Kognitivnyj analiz i upravlenie razvitiem situacii» CASC'2011. Moscow: IPU RAN. 2011. Pp. 114–119. (In Russian)

14. Stepanyan G. G. Medijnaya kul'tura lichnosti v informacionnom obshchestve [Individual's Media Culture in the Information Society] // Perspektivy nauki. 2016. № 5 (80). Pp. 48–53. (In Russian)

15. Shul'man E. Informacionnaya gigiena, trevoga i mnogozadachnost': interv'yu zhurnalu Vogue // Ekaterina Shul'man. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=HP7ZW5OusRs&list=WL&index=109>
(accessed 15.09.2021). (In Russian)

16. Shcherbakova O. V., Makarova D. N. Kak rabotaet ekspertnoe znanie: intellekt, konceptual'nye sposobnosti i koe-cto eshche [How Does Expert Knowledge Work: Intelligence, Conceptual Abilities, And Something Else] // *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal*. 2018. № 22. Pp. 56–87. (In Russian)

17. Ekspertnost'. Chto eto i kak ee opredelit'? 5 shagov dlya opredeleniya svoej ekspertnosti // Natal'ya Pavlova. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1EoJQltNw1c&list=WL&index=68>
(accessed 01.10.2021). (In Russian)

18. Yandeks. Podbor slov. URL: <https://wordstat.yandex.ru/>
(accessed 15.09.2021). (In Russian)

MEDIA STRATEGIES OF EXPERTISE

Tatiana B. Zaitseva

*Doctor of Philology, Professor
of the Department of Linguistics and Literary,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)*

Abstract

The article "Media Strategies of Expertise" explores such contemporary phenomena as a "media personality" and "expertise". The author pays special attention to the strategies of achieving a level of expertise in the media community. The author connects the stages of achieving expertise with the development of the most popular skills in the 21st century: creativity, critical thinking, ability to collaborate and communicate, as well as such personal qualities, as curiosity, initiative, leadership, persistence, social and cultural awareness. Media strategies for achieving expertise correlate with personal brand building strategies.

The article reveals the main stages of achieving expertise and forms of transmitting expertise:

- acquiring the necessary knowledge and experience of activities;
- using open educational resources;
- individualization of learning;
- development of emotional intelligence;
- using communication and collaboration tools;
- possessing the skills of working with information and using technical tools, the ability to use a computer and various programmes and platforms, learning and using interactive technologies to position oneself as an expert;

- creating a YouTube channel, a group, a community on social networks VKontakte, Instagram, Facebook; messengers;
- familiarity with references (examples), market and competitor analysis;
- formation of the personal brand concept;
- practising in writing your own texts (in a broad sense) and presenting them in the public internet space;
- attracting the target audience;
- activity in social networks; in the online space;
- participation in expert communities;
- impact on society.

The article also outlines the criteria for achieving expertise. The formation of an expert media personality in the modern conditions of the digital era allows a person to realize his or her social and personal potential in the best possible way.

Keywords: expertise, expert, media personality, media strategies, social networks, target audience, content

Для цитирования: Зайцева Т. Б. Медийные стратегии экспертности // Libri Magistri. 2021. № 4 (18). С. 149–162.

Поступила в редакцию 10.10.2021

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двенадцатом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **1 номера 2022** (пятнадцатого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в марте/апреле 2022 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

ГРАФИК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ в 2022 г.

Номер № 1 (выпуск 11) – до 15 февраля 2022 г.

Номер № 2 (выпуск 12) – до 15 апреля 2022 г.

Номер № 3 (выпуск 13) – до 15 июня 2022 г.

Номер № 4 (выпуск 14) – до 15 октября 2022 г.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора MicrosoftWord 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор MicrosoftWord для Windows. Шрифт – **Times New Roman**, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия автора** (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – **ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов** (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования, актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать место работы.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3

УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

**К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ:
«ДИАЛОГИ» С ПАРНИ**

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` [“Lomonosov Text” of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p.
2. Baraty`nskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskijpisatel`, 1989. 464 p.
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // IzvestiyaUral`skogofederal`nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.
4. Ry`lova O. N. Russkayaantichnost` v otechestvennoj literature: k problemekul`turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`jresurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: [http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o._n._100_106_5_95_2010.p](http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o._n._100_106_5_95_2010.pdf)df (accessed 10.01.2021).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions, Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2021. 4 (18)

ФИЛОЛОГИЯ: МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Научный рецензируемый журнал

Сдано в набор 30.11.2021. Подписано в печать 07.12.2021.

Дата выхода 16.12.2021.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1

Плоская печать. Усл. печ. л. 10,56. Тираж 500 экз. Заказ 2040.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»

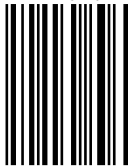
455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.

I S S N 2 5 8 7 - 6 9 4 5

9 772587 694002

2 1 0 0 4

>